АЛЕКСАНДР ГАМБАРОВ

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

ХРЕСТОМАТИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

АЛЕКСАНДР ГАМБАРОВ

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

ХРЕСТОМАТИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Гиз № 8929. С.-Э. Главлит № 32151. Москва. Тираж 10.000 экз.

Типография „Красный Пролетарий“ Пименовская ул., д. 1/16.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории революционного движения пролетариата не было ни одного этапа, который занимал бы такое всемирно-историческое значение, как Парижская Коммуна 1871 года. Она была первой серьезной попыткой провозглашения пролетариатом своей рабочей власти. Кроме того, Коммуна наметила также и ту политическую форму освобождения трудящихся, которая получила свое широкое, яркое и полное выражение в жизни лишь спустя 46 лет, в Октябрьской революции 1917 г.

Коммуна, по выражению Маркса, «по существу своему была правительством рабочего класса» и, как таковая, она была наиболее яркой предшественницей Великого Октябрьского переворота.

Нельзя понять всего величия парижских коммунаров, полсотни лет тому назад геройски «штурмовавших небо», не приняв во внимание всех трудностей дальнейшей революционной борьбы пролетариата, как нельзя понять и Октябрьского переворота, не учтя опыта предшествующей ему Парижской Коммуны 1871 года.

Чтобы всесторонне охватить значение Октябрьского переворота, необходимо изучить не только фактическую сторону революции 1917 года, но и проанализировать весь опыт предыдущих классовых битв, из которых Парижская Коммуна является самой серьезной попыткой провозглашения пролетариатом своей власти. Недаром же все великие теоретики рабочего класса, как Маркс, Энгельс и Ленин, в своих построениях тактики рабочего класса неизменно исходили из опыта Парижской Коммуны, черпая из ее истории глубочайшей важности практические выводы.

Исключительное положение Коммуны в истории классовой борьбы определяет и исключительный интерес к ней. Поэтому нет ничего удивительного, что вокруг истории Парижской Коммуны разрослась довольно обширная литература, разобраться в которой не только представляется трудным рядовому среднему работнику, но даже и довольно подготовленному читателю; между тем,

всестороннее знакомство с Парижской Коммуной является непременным условием всякого политически грамотного человека.

Чтобы разобраться в этой литературе, необходимо разграничить ее на несколько отдельных групп, из которых каждая представляет свое самостоятельное значение, но взятая в отдельности не может служить необходимым руководством.

К первой группе можно отнести ряд произведений, принадлежащих перу личных участников и очевидцев Коммуны, как, например, Арну, Лиссагарэ, Мишель, Лефрансе, в которых события освещены в преломлении личных или фракционных воззрений, далеко не совпадающих с классовой позицией пролетариата. Эти произведения имеют единственную ценность лишь со стороны фактического изложения событий и служат прекрасным памятником для характеристики течений внутри самой Коммуны.

Не могут служить исчерпывающим руководством и те произведения, которые в изобилии появились у нас после 1905—1906 годов, дающие хотя и выдержанную классовую позицию, но страдающие или отсутствием планомерного изложения хода событий, или отсутствием необходимого практического вывода из опыта Коммуны.

Только незначительное количество работ может быть признано отвечающим всем требованиям научно-марксистского исследования. Из них на первом месте всегда будет находиться классическая работа К. Маркса «Гражданская война во Франции 1870—71 г.г.», написанная непосредственно в дни Парижской Коммуны и прочитанная Марксом на заседании Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих (I Интернационала) на другой день после подавления Коммуны, да работа П. Лаврова, «Парижская Коммуна 18 марта», появившаяся в 1879 году, но не утратившая всей своей остроты и до наших дней.

Лишь за последнее время вопрос научно-марксистской разработки истории Парижской Коммуны обогатился двумя солидными исследованиями: «Парижской Коммуной 1871 года» И. Степанова, давшей блестящее сопоставление революции 1871 года с опытом русских революций 1905 и 1917 г.г., и второй, довольно обширной монографией Н. Лукина (Антонова) «Парижская Коммуна 1871 года», являющейся единственной солидной научно-марксистской работой не только в нашей русской, но даже и в западно-европейской литературе о Парижской Коммуне.

Тем не менее, даже эти работы, не всегда являются доступ-

ными для рядового, менее подготовленного читателя. Что же касается клубного работника, которому нужна одновременно фактическая сторона событий и оценка достижений Коммуны, ее ошибки и опыт в связи с опытом русских революций, то указанные выше произведения не совсем могут отвечать его запросам.

Чтобы дать подобную работу о Парижской Коммуне, которая служила бы исчерпывающим руководством для клубного работника, необходимо включить в нее все стороны изучения, освещения и отображения в возможно сжатом виде, не умаляя научной ценности подхода к историческому материалу.

Такая работа рисуется нам в виде хрестоматии о Парижской Коммуне, обнимающей собою все стороны клубной работы. Но так как каждая историческая хрестоматия должна представлять не только собрание материалов, но заменить собою и научно-марксистское исследование, дающее стройную картину социально-экономических предпосылок, планомерного хода событий, учета совершенного опыта и практических выводов из него,—то при составлении настоящей хрестоматии нами принят был соответствующий план, по которому весь материал был разбит на восемь разделов.

При этом необходимо оговориться, что при составлении хрестоматии приходилось обращаться к наиболее распространенным и популярным трудам о Парижской Коммуне, дабы заинтересованный читатель мог бы всегда обратиться к соответствующим оригинальным трудам. Что же касается самого построения хрестоматии, то приходится сказать, что труды очевидцев и участников Коммуны использованы были лишь в фактической их части; в области же выводов и общей оценки событий, они представлены трудами авторов, стоящих на строгой научно-марксистской точке зрения.

А так как при обширности литературы о Парижской Коммуне включение полного их текста могло бы вывесть всю книгу далеко за пределы минимального объема, то материалы в хрестоматии взяты в сконцентрированном, как бы в спрессованном виде; это обстоятельство невольно повлекло за собою необходимые редакционные сокращения при неизменном условии сохранения авторского текста и логического смысла развиваемых автором положений.

Александр Гамбаров.

Москва, 30 декабря 1924 года.

„ХОТИТЕ ЛИ ВЫ ЗНАТЬ, МИЛОСТИВЫЕ ГОСУДАРИ, ЧТО ТАКОЕ ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА? ПОСМОТРИТЕ НА ПАРИЖСКУЮ КОММУНУ. ЭТО БЫЛА ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА“.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Н. Лукин

Экономическое состояние Франции в период Второй Империи

В эпоху Второй Империи французская промышленность переживала период пышного расцвета. Необычайно быстрое развитие парового транспорта повело к расширению внутреннего рынка и усилению французского вывоза. В 1851 г. железнодорожная сеть Франции равнялась 3.627 километрам, к 1855 г. она увеличилась до 5.535 км., а к 1870 г.— до 17.440 км. Таким образом за последние пятнадцать лет длина железных дорог возросла более, чем в три раза.

В 1850 г. французский ввоз составлял всего 1.435 милл. франков, в 1869 г. он поднялся до 3.993 милл. За то же время вывоз увеличился с 1.119 милл. фр. до 4.009 милл.!

Торговый договор с Англией, заключенный в 1860 г. и изменивший таможенную политику Второй Империи в сторону свободы торговли, не оправдал опасений французских промышленников, кричавших о неминуемой гибели отечественной промышленности в результате английского засилья. Но конкуренция передовой капиталистической страны заставила многих французских предпринимателей перейти к более совершенным способам производства.

Прогресс техники наблюдался во всех главнейших отраслях промышленности. Металлургические заводы переходят с древесного топлива на минеральное, что ведет к удешевлению производства чугуна и железа. Замена сырцовой стали пудлингованной, распространение бессемерования сократили издержки производства стали наполовину. Открытие анилиновых красок произвело целый переворот в красильном производстве. С другой стороны, в ряде производств, где до того времени исключительно господствовал ручной труд, теперь впервые вводятся машины. Механический вязальный станок, увеличивший производительность в шесть раз, вытесняет ручных вязальщиц. Изобретение машины для кройки и швейной машины произвело целый переворот в кон-

фекционном деле. На гвоздильных заводах все сорта гвоздей стали изготовлять машинным способом. Наконец, машины проникают даже в строительную промышленность.

Рост машинной техники виден и по быстрому увеличению числа промышленных предприятий с паровыми двигателями. В 1862 г. их насчитывалось уже около 15 тысяч, а в 1872 г.— 23.400! Успехи капитализма характеризуются обычным ростом отраслей промышленности, изготовляющих средства производства. В этом отношении наполеоновской Франции было чем похвалиться: за двадцать лет (1852—1872) производство каменного угля, антрацита и пр. увеличилось с 4,9 милл. тонн до 16,1 м. т. Производство чугуна поднялось с 522 тыс. тонн[1]) до 1.218 тыс.; производство железа и стали возросло за то же время с 320 тыс. тонн до 1.025 тыс.

Прогресс техники сопровождался закрытием мелких, плохо оборудованных предприятий и концентрацией производства на крупных фабриках и заводах. В металлургической промышленности с переходом на минеральное топливо происходил непрерывный рост производства, несмотря на то, что число доменных печей уменьшилось.

До 1848 г. акционерные компании были известны лишь в области торговли; теперь появляется много промышленных акционерных обществ.

Успехи концентрации производства могут быть иллюстрированы следующими цифрами. В 1865 г. общая ценность промышленного производства Франции определялась в 12 миллиардов фр., при чем на долю крупных предприятий приходилось около половины этой суммы. Из 3 миллионов хозяев и рабочих, составлявших промышленное население тогдашней Франции, на долю крупной промышленности приходилось около 1 милл. 300 тыс. чел., в том числе около 1 милл. 100 тыс. рабочих.

Особенно заметна концентрация в области парового транспорта: в конце 1851 г. 3.627 км. рельсовых путей эксплоатировались восемнадцатью мелкими компаниями; в первые годы империи, благодаря усиленной выдаче концессий правительством, число железнодорожных компаний возросло до 30, к 1860 году рельсовая сеть увеличилась до 9.439 км. Но в результате ряда новых концессий и слияния железнодорожных обществ сложилось всего

---

[1]) Тонна—61 пуд.

шесть акционерных компаний, захвативших в свои руки всю рельсовую сеть страны.

Одновременно с быстрым ростом промышленности и транспорта происходило развитие кредита. Банки, которые до тех пор не вмешивались активно в экономическую жизнь и, главным образом, занимались эмиссионными операциями [1]), начинают фигурировать в новой роли: путем выпуска акций они способствуют возникновению крупнейших предприятий, особенно проведению железнодорожных линий.

Быстрый рост промышленности означал увеличение городского населения за счет сельского и возрастание класса наемных рабочих. До переписи 1846 года никогда не обнаруживалось уменьшение населения больше, чем в 12 департаментах; к переписи 1851 г. таких департаментов насчитывалось уже 22, а за период 1851—1866 г.г. сокращение населения было констатировано в 54—58 департаментах.

В 1846 г. на каждые 100 жителей приходилось 75,58 сельского населения, в 1851 г.—74,48, к 1856 г. % сельского населения упал до 72,69, в 1861 г.—до 71,14, в 1872 г.—68,88. Процент городского населения за соответствующие годы составлял: 24,42, 25,5, 27,31, 28,86 и 31,12. Сельское население сократилось и абсолютно: в 1851 г. оно составляло 26.647.711 чел., в 1866 г.—26.474.716 чел.

В то же время население городов возросло на 1.712.000. В 1846 г. было только 4 города с населением более 100.000 жителей, а население этих городов (1.540 тыс.) составляло всего 4,03% всего населения Франции. По данным переписи 1866 г., таких городов было уже 8, с населением в 3.126.000 чел., т.-е. 8,21% всего населения.

Особенно заметно увеличилось население Парижа. Обширные строительные работы, предпринятые при Наполеоне III, усиленный спрос на предметы роскоши, географическое положение Парижа, где скрещивались важнейшие железнодорожные пути,—все это способствовало быстрому росту города и его рабочей армии. В 1851 г. в Париже насчитывалось 1.053.262 жит., в 1866 г.—1.825.274. С 1836 по 1861 г. население Гавра возросло с 28 тыс. до 75, население Бордо—с 131 до 194 тыс., Марселя—с 198 до 300 тыс., Лиона—с 234 до 323 тыс.

По данным переписи 1866 г., число лиц, живущих доходами от

[1]) Эмиссионные операции—выпуск банкнот.

промышленности, определялось в 10.951.091 чел., или 28,8% всего населения Франции, тогда как в 1861 г. эта часть населения страны составляла 27,3%. Из них было занято в промышленности непосредственно 4.715.805 чел., при чем хозяев оказалось 1.661.153, служащих—115.068, рабочих—2.938.153 чел.

В промышленных предприятиях Парижа в том же 1866 г. было занято 34.846 служащих и 442.310 рабочих (281.509 мужчин и 160.801 женщина), между тем как в 1860 г. число парижских рабочих составляло 416.811 чел., а в 1847 г.—342.530.

Что касается состава столичного пролетариата, которому суждено было сыграть столь важную роль в 1871 году, то из общего числа 416.811 рабочих, насчитывавшихся в Париже в 1860 году, лишь 42.208 рабочих было занято в общественных предприятиях и у крупных компаний, 71.242 чел. насчитывали в своих рядах строительные рабочие; остальная масса работала в средних и мелких предприятиях. Отсюда следует, что, хотя в стенах Парижа и были сконцентрированы значительные массы рабочих, среди них преобладал ремесленный пролетариат, пролетариат же фабрично-заводский составлял лишь $^1/_9$ всего рабочего населения столицы.

И. Н. Бороздин

Империя и рабочий класс

Наполеон старался вести правительственную игру на два фронта: с одной стороны, он восстановил всеобщее избирательное право и говорил громкие либеральные фразы, а с другой,—являясь типичным носителем самодержавно-бюрократических идей, старался различными полицейскими мерами помешать всякому проявлению свободной мысли. Отношения Наполеона III к рабочим являются наиболее ярким образчиком его двусмысленной и провокаторской политики. Сделавшись неограниченным властителем страны, Наполеон на первых порах уже должен был считаться с нуждами рабочего класса, и уже первые годы империи ознаменовались экономическими реформами. В числе советников по рабочему вопросу фигурировали сен-симонисты; большинство из них отказалось от планов прежних лет и удовлетворялось тремя реформами: 1) введением народного образования; 2) устройством кредитных учреждений и 3) организацией больших общественных работ. Рабочее законодательство империи во многом соответствовало идеям позднейшего, пришедшего в упадок сен-симонизма. Привлекать симпатии рабочих посредством устройства больших общественных работ было императорской традицией.

Закон о рабочих книжках наглядно указывает на прогрессивный и в то же время полицейский характер вводимых реформ. С одной стороны, правительство шло навстречу потребностям рабочих и запрещало хозяевам задерживать книжки служащих, но, на-ряду с этим, строго обязало рабочих иметь при себе эти книжки и предъявлять по требованию полиции. Контроль полиции касался всех сторон рабочей жизни; правительство зорко следило за недавними «бунтарями». Каждый рабочий, подозреваемый в принадлежности к тайному обществу, подвергался преследованию и нередко продолжительному тюремному заключению; некоторые администраторы требовали удостоверения, что поступивший на

службу никогда не занимался политикой. Наказывали не только за действия, но и за случайно сказанные слова.

К материальному гнету правительство старалось присоединить и религиозный. «Религия нужна для народа»—было всегда лозунгом реакционных деятелей. И эту «христианскую» религию старались поддержать полицейско-бюрократическими мерами. Официальные проповедники этой веры, священники, на-ряду с полицией были самыми ревностными и исполнительными слугами нового правительства. Находя более выгодным служить «владыке земному», «смиренные» служители церкви играли заметную роль во всех правительственных мероприятиях. Как и всякое другое реакционное правительство, империя Наполеона видела в невежестве народа прочные гарантии своего господства.

На-ряду с такой правительственной политикой—промышленное развитие страны шло вперед быстрыми шагами.

Но этот рост промышленности отнюдь не сопровождался улучшением участи рабочих. Положительные начинания отдельных представителей буржуазии явились лишь единичными эпизодами. Самым ужасным последствием индустриального переворота было допущение на фабрики детей и женщин, что способствовало страшному понижению заработной платы и ужасной эксплоатации со стороны фабрикантов. При Луи-Филиппе был издан закон (в 1841 году), запрещающий принимать на фабрику детей моложе 8-летнего возраста; республика присоединила к этому обязательность соблюдать определенный срок обучения и установила нормальный рабочий день. Но эти законы плохо исполнялись всесильным теперь буржуа. Если, однако, хозяева мало заботились о приведении в исполнение закона, то они хотели, чтобы их собственные правила строго исполнялись служащими.

Не доверяя массам рабочих, фабриканты увеличивали суровость фабричного режима, и издавали самые свирепые правила, поддерживаемые правительством, которое везде хотело вводить дисциплину. Таким суровым распоряжениям соответствовал и бдительный надзор за рабочими: на сотню рабочих в некоторых фабриках приходилось 17 надсмотрщиков. Постоянные штрафы довершали печальную картину рабочего существования; против несправедливых взысканий трудно было бороться. Чувствуя свою силу, фабриканты штрафовали за каждый пустяк; так, в 1864 году одна работница была оштрафована за то, что вошла в мастерскую в деревянных башмаках.

Страшный рост цен на предметы первой необходимости сильно отягощал материальное положение рабочего. Из официальной статистики мы узнаем, что в то время, как цены на жизненные продукты возросли на 45%, заработная плата увеличилась только на 17%.

В то время как теоретики в тиши кабинета изготовляли рецепты наилучшего обеспечения интересов трудящегося класса, в среде самих рабочих велась незаметная, но глубокая работа. Главной особенностью рабочего движения времен Империи было то, что рабочие начали сами говорить и действовать.

До этих пор они следовали указаниям теоретиков или политиков, вышедших из среды передовой буржуазии; но в 1848 и 1850 годах теоретики показали слабость своих «утопических идей», а политики руководили репрессиями июльских дней и подготовили торжество воцарившегося абсолютизма. Пролетариат стал приходить к сознанию, что освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих. Так исторически и практически выковывалась знаменитая формула Интернационала. Но это уже факты позднейшего; в ближайшие годы после декабрьского переворота рабочие были еще слабы, в среде их царили глубокое молчание и внешняя покорность. Активных борцов и агитаторов было одинаково мало и в провинции и в столице.

К этому надо присоединить еще, что 13% рабочих было совсем безграмотно; да и остальная масса чувствовала большие пробелы в своем скудном образовании и старалась их пополнить. Рабочие не имели ни своих книг, ни своих газет и журналов. Специально предназначенные для них издания писались в морально-поучительном тоне, при чем тщательно оберегалась политическая невинность «взрослых детей».

В десятилетний промежуток (с 1851 по 1861 г.), несмотря на внешнее давление полицейского государства, рабочие в обманчивой тишине неустанно ковали свои идеалы.

Разочарования 1848 года заставили рабочих временно быть более умеренными в своих взглядах и, таким образом, выработалась практическая программа, содержащая первоочередные требования. В числе этих требований мы находим: уничтожение закона о стачках, учреждение синдикальных палат, основание профессиональных союзов, обществ взаимного кредита и во главе всего введение бесплатного начального и технического образования. Но долгое время трудно было активно проводить эту про-

грамму; «воинствующие» рабочие были удалены в такие места, где они были не опасны правительству Империи. В ответ на эти мероприятия рабочие пользовались всяким случаем, чтобы выразить свое недовольство существующим строем. На выборах в законодательное собрание в 1857—58 г.г. рабочие в большинстве подавали свои голоса за кандидатов республиканской партии.

ПРОЛЕТАРИАТ КОММУНЫ ЕЩЕ НЕ БЫЛ ПРОЛЕТАРИАТОМ В СОВРЕМЕННОМ, КРУПНО-ПРОМЫШЛЕННОМ ЗНАЧЕНИИ ЭТОГО СЛОВА. В СВОЕЙ ПОДАВЛЯЮЩЕЙ МАССЕ ЭТО БЫЛ, УПОТРЕБЛЯЯ ВЫРАЖЕНИЕ ЭНГЕЛЬСА, ЕЩЕ ТОЛЬКО „П О Л У П Р О Л Е Т А Р И А Т“.

И. СТЕПАНОВ.

И. Степанов

Прудонизм, бланкизм и марксизм

Пролетариат был одинок в своей борьбе против капиталистического общества. У него не было ясной программы, не было революционных вождей, не было и партии, которую он признавал бы своей партией, ни вообще широкой организации.

После июньской бойни 1848 г. парижский пролетариат был обескровлен и обезглавлен, а вместе с тем на долгие годы было разбито и вообще рабочее движение во Франции. В рабочем классе зародилось и пустило прочные корни отрицательное отношение к политике и боязнь революционных методов.

Прудонизм. В этой атмосфере подавленности Прудон начал находить приверженцев. Начиная с 1863 года, когда рабочий класс вновь стал обнаруживать признаки жизни, он пользовался возрастающей популярностью.

Типичный представитель мелкой буржуазии, Прудон во всех своих теоретических построениях отразил промежуточность положения крестьян и ремесленников в развивающемся капиталистическом обществе. Массам мелкой буржуазии постоянно угрожает пролетаризация, но отдельные единицы не утрачивают надежды при удаче подняться в ряды крупной буржуазии; общим для всех остается страх перед современным обществом. Они видят его противоречия и порождаемые им страдания, но не постигают механики этого общества, и, убеждаясь в своем полном бессилии перед его силами, стараются найти способы, оставаясь в нем, выскользнуть из-под его власти. Однако все их выходы— самообман: не противопоставляя никаких сил капиталистическому обществу, с самого начала отказываясь от всяких попыток борьбы с ним, они только укрепляют его и упрочивают. И все их выходы в конечном счете тяготеют в одну сторону: они мечтают незаметным путем притти к растворению буржуазии и пролетариата в «среднем классе», т.-е. к превращению средней буржуазии в единственный общественный класс,—к воскрешению свободного средневекового города и патриархальной деревни в тех-

нических и экономических условиях, представляющих полное и решительное отрицание патриархальности и средневековщины.

Мутюэлизм—«взаимность услуг»—первое и последнее слово прудонизма, его всеисцеляющее лекарство, волшебная мазь от всех зол современного общества. На началах взаимности, на урезываемые от себя гроши, трудящиеся создают товарищества, организуют производительные артели, устраивают кредитные учреждения, которые выдают даровые, безвозмездные ссуды. Таким образом, нисколько не затрагивая господствующих классов и ничем не задевая их государства, а просто обходясь без него и устраиваясь вне его, трудящиеся постепенно и незаметно создают свой собственный мир, который складывается из автономных, т.-е. из самостоятельных товариществ и коммун (общин), связанных между собой договорными отношениями, не связывающими, т.-е. нисколько не ограничивающими свободы их движения. В этом мире нет места правительству: всякая власть упраздняется, но не путем политической борьбы, не путем захвата власти трудящимися, которые затем, использовав эту власть для уничтожения всех основ эксплоатации, создают общество, где нет места отношениям зависимости и подчинения. Нет, весь переворот совершается стратегическим маневром, обходным движением, диверсией, которая опустошает и обессиливает старое общество, перенося центр тяжести в совершенно новую область.

Если что и способно помешать осуществлению этих планов, так это, прежде всего, политика и политическая борьба. Надо на пушечный выстрел уйти от всех политических программ, требований, выступлений и демонстраций. Участие в них способно только погубить дело.

Таким образом прудонизм, это—мирная, мягкая, смиренная форма анархизма, это прирученный анархизм, мечтающий без всякой борьбы упразднить всякую власть, оставив ее при помощи своих товариществ и коммун в пустом, безвоздушном пространстве, вышелушив из нее и перенеся в другую область ее экономическое содержание.

Все рецепты Прудона были рассчитаны в первую очередь на мелких «самостоятельных» ремесленников и на мелкое «независимое» крестьянское хозяйство.

Но прудонисты сумели привлечь к себе и рабочих, которым улыбалась идея осуществить полное преобразование общества посредством мирных и законнейших мер, не требующих полити-

ческих действий. К 1863 году пролетариат вообще стал оправляться от поражения 1848 года.

В сентябре 1864 года делегаты французских рабочих, и, между прочим, Толен, прибыли в Лондон, чтобы выразить протест против царских расправ с Польшей. 28 сентября в Сен-Мартин-Холле состоялся митинг, на котором, кроме англичан и французов, присутствовали итальянцы, поляки и немцы. Последние,

Жозеф Прудон

преимущественно эмигранты, еще с 1862 года установили тесные связи с английскими рабочими, устроителями международных собраний, и, вместе с тем, связали с этим движением Маркса.

Однако самое важное заключалось в том, что здесь было постановлено сделать, наконец, практические шаги к основанию Интернациональной Ассоциации рабочих (Международного Товарищества рабочих), и был избран комитет, которому поручено немедленно выработать устав и воззвание от имени новой органи-

зации. Таким образом 28 сентября 1864 года—день основания Первого Интернационала.

Во Франции к Интернационалу примкнули прежде всего и в наибольшем количестве прудонисты, господствовавшие в рабочем движении, все еще переплетавшемся с кооперативными исканиями ремесленников. Прудонизм в течение нескольких лет налагал свою печать на воззрения и деятельность французской секции (отделения) Интернационала.

Бланкизм. Бланки, старый революционер, «вечный узник», несколько раз приговоренный к смертной казни, половину своей жизни просидевший в тюрьмах, в которые его упрятывала и королевская, и республиканская, и императорская власть, и временные «революционные» правительства,—хорошо видел, какое пагубное и расслабляющее действие оказывает прудонизм на рабочий класс, воскресающий к жизни. Программа «мирного обновления» посредством «взаимных услуг» и кооперации была в его глазах ловким маневром, который на неопределенное время отводит от империи революционные удары.

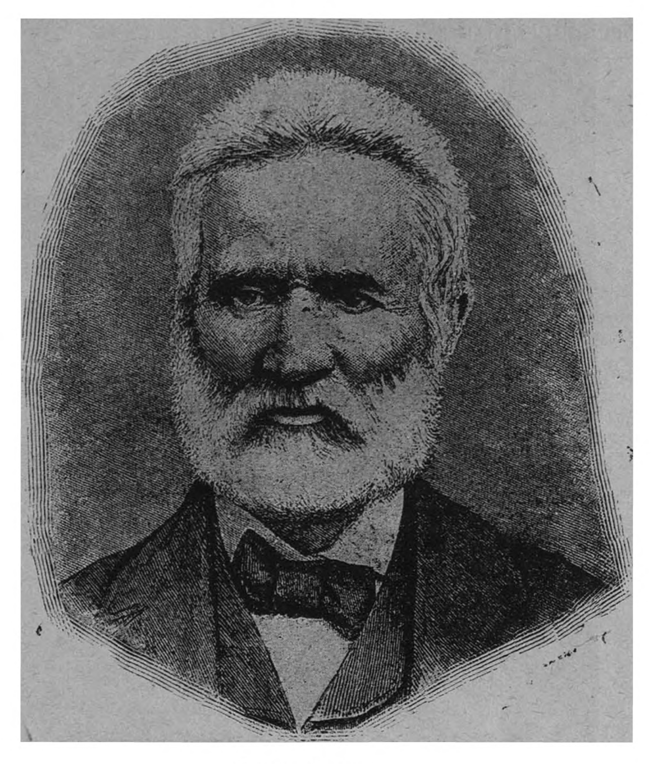
Бланки со своими сторонниками начал находить некоторую опору среди рабочего класса. Яркий, стойкий, испытанный революционер, упорный борец, в 40-х годах Бланки мало интересовался социализмом и организованным рабочим движением. Для него все сводилось к политическому перевороту, к захвату государственной власти. А для этого, полагал он, для захвата власти требуется не широкая организация, а кучка энергичных заговорщиков, решительных, смелых людей. Государство всемогуще. И если все предыдущие правительства вели народ к гибели, то новая революционная власть, пользуясь правительственным аппаратом, поведет его к спасению. И так как она будет творить то, что требуется для народа, то его поддержка придет и упрочит захват. Надо дерзать, снова и снова дерзать.

При таких воззрениях широкая организационная работа в массах и развитие организации на почве борьбы за удовлетворение их настоятельнейших требований, привлечение этой борьбой новых и новых сторонников утрачивали свое значение в глазах Бланки и бланкистов, его последователей.

Таким образом бланкисты фактически противопоставляли заговор широкой организации. Активную, действенную роль в их построениях играли заговорщики, а массам оставалась пассивная роль. Они еще не совсем представляли, как заговор может быть

моментом в развертывающейся борьбе масс, в процессе их организованной деятельности.

Однако к концу 60-х годов понимание Бланки углубилось и расширились. Бланкисты начали ближе подходить к рабочему движению. И здесь они повели борьбу с прудонистами. В полную противоположность последним, они самым положительным образом относились к развивающемуся стачечному движению.

Огюст Бланки

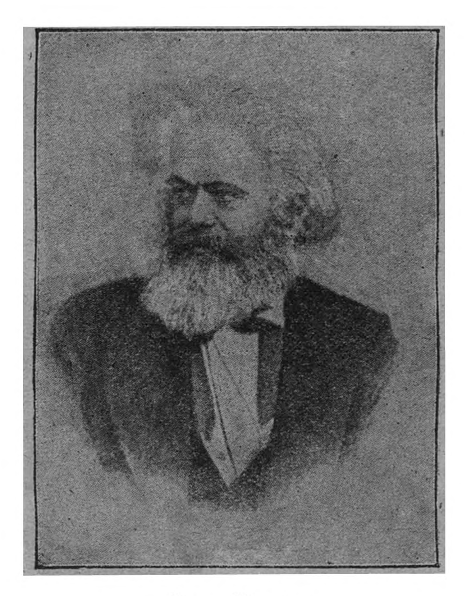
Вследствие своей борьбы с прудонистами и по своему отношению к стачечному движению, бланкисты фактически сделались союзниками марксистов в Интернационале, в особенности во французской его секции (отделении).

М а р к с и з м. Идеи Маркса и Энгельса медленно прокладывали себе дорогу через Интернационал.

Группы и группки, интеллигентские кружки, трогательные мечтатели, социальные знахари—но ни одной политической пар-

тии, которая была бы революционной партией рабочего класса. Не было партии, которая слила бы научную мысль со стихийным движением в единую, широкую, организованную, планомерно направляемую революционную силу.

Научный социализм Маркса и Энгельса не становится на колени перед рабочим классом, а изучает действительность, экономику и ее развитие, он убеждается, что необходимый и непредотвратимый рост крупного производства делает мелкобуржуазные идеалы беспочвенными.

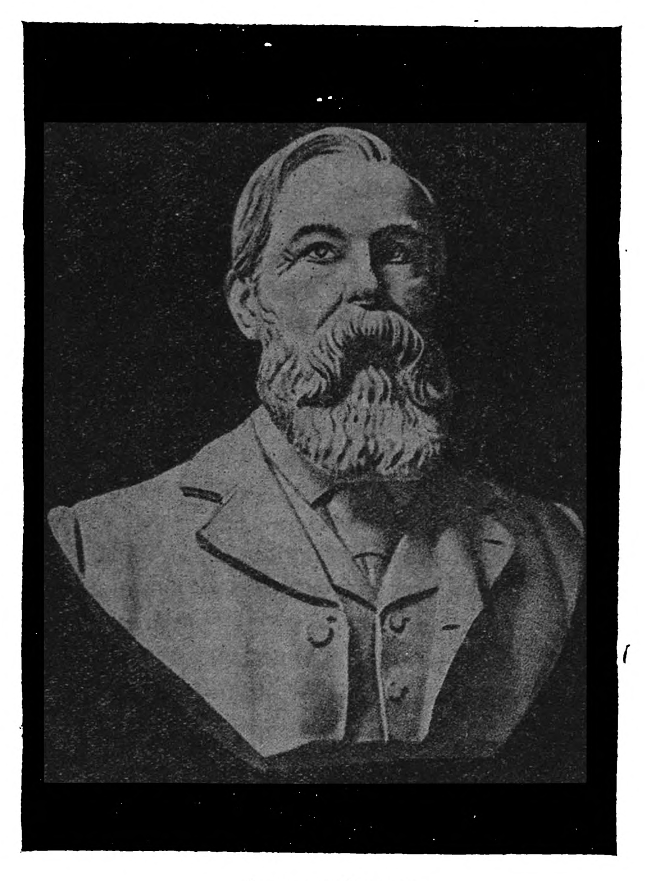

Карл Маркс

Коммунист приглашает массу прислушиваться и приглядываться. Пусть сначала ему удастся убедить сравнительно небольшую группу. Он знает, что жизненный опыт докажет его правоту; что эта группа—передовой отряд, за которым скоро пойдут другие, а потом пойдет целая армия.

Когда происходит революционное обострение противоречий, присущих капиталистическому обществу, масса с величайшей быстротой освобождается от мечтаний о возможности мирных успехов, достигаемых без борьбы. Все, что раньше говорил авангард социалистической революции, получает полное, быстрое, блестящее оправдание. Благодаря своей ясности, отчетливости, непре-

ложной правильности, подтверждаемой всеми уроками революционной борьбы в развертывающейся революции, революционное сознание, выработанное передовыми борцами пролетариата, делает широкие завоевания и среди аристократии рабочего класса, и даже среди полупролетарских, полуремесленных слоев.

Фридрих Энгельс

Таким образом передовой отряд рабочего класса, коммунистическая партия, строющая свою тактику на теоретическом познании действительности, увлекает за собой не только пролетарские массы, но и промежуточные, межеумочные элементы. В революционные периоды сознание самого пролетариата в несколько месяцев проделывает такой громадный путь, на который в обыч-

ных застойных или медленно изменяющихся условиях потребовались бы целые годы. Коммунист все это учитывает.

Для коммуниста рабочий класс—не идол, требующий религиозного преклонения перед собой. Это—совокупность групп и слоев, стоящих на различных ступенях своего обособления от буржуазного и мелкобуржуазного мира.

Но в конце 60-х годов во Франции не было такой социалистической партии, которая всю свою тактику построила бы на научных основах. Маркс и Энгельс, действуя через Интернационал, по необходимости медленно вели рабочий класс передовых европейских стран в таком направлении. Во Франции рабочий класс еще стоял на перепутьи к обособлению от мелкой буржуазии,—и невыработанным, неустойчивым, шатким оставался его душевный строй, не доработавшийся до пролетарской устойчивости, до классовой ясности и определенности.

Сравнительно еще слабое развитие крупно-производственных форм; значительное распространение, перевес мелкобуржуазных форм вообще, ремесленных—в частности; едва начавшееся классовое обособление пролетариата; слабость, почти полное отсутствие классовых организаций экономической и в особенности политической борьбы; перекрещивающиеся, перепутывающиеся, пестрые, противоречивые, производящие полную сумятицу влияния политических радикалов, якобинцев, бланкистов, прудонистов, с их планами то внезапных выпадов и захвата власти, то мирного обновления, то подчинения себе существующего государственного аппарата, то полного равнодушия ко всякой политике, то централизованной диктатуры по образцу 1793 года, то немедленного растворения всего государства в рыхлом союзе коммун. И только с большой медленностью идеи Маркса и Энгельса при посредстве Интернационала пробивались к рабочему классу через мелкобуржуазную толщу.

Если учесть все это, не будет ничего удивительного, что пролетариат не сразу наложил на Парижскую Коммуну отпечаток своих классовых стремлений. Поразительно, напротив, то обстоятельство, что, несмотря на все эти неблагоприятные условия, Коммуна все же превратилась в первую революцию рабочего класса.

П. Л. Лавров

Французская социально-революционная партия накануне Парижской Коммуны

Один Мильер в №№ 28, 29 и 30 «Марсельезы» набросал план организации той «революционной диктатуры народа», которая входила в его теоретическое построение.

Но особенного влияния эти статьи, повидимому, не произвели; нам неизвестно, чтобы группа социалистов, стоявших около «Марсельезы», сделала какие-нибудь энергические усилия к организации заранее сил, которые пришлось бы пустить в дело для осуществления Мильеровой диктатуры народа.

Накануне Коммуны рабочая партия была еще весьма недостаточно организована; начала Интернационала были еще весьма недостаточно усвоены большинством даже руководящих личностей, приступивших к нему во Франции; самые убежденные социалисты Интернационала были в тюрьме или вне Франции; да они и рассчитывали лишь на движение гораздо позднейшее, на то, что революция «может выбрать свой час». Теоретики социализма были разрознены.

Все эти люди, столь разнообразного развития и направления, столь различной подготовки, должны были быть вынесены волною событий во главу движения и поставлены вместе пред грозною задачею построить коммуну самостоятельного пролетариата, в городе двухмиллионного населения, с блестящими буржуазными преданиями, с блестящим развитием разнородной буржуазной индустрии; и все это—при самых неблагоприятных внешних условиях.

Война стала неминуема. Рабочие Парижа писали рабочим Берлина: «Братья, мы протестуем против войны, мы, которые хотим мира, труда и свободы». Рабочие Берлина отвечали: «Мы также хотим мира, труда и свободы. Мы знаем, что по обеим сторонам Рейна живут братья, с которыми мы готовы умереть за всемирную республику». Но слова были немощны, а рабочие составляли неорганизованную силу и там и тут. Война вспыхнула,

армии столкнулись, и ряд военных неудач, обнаруживших полную неспособность и неподготовленность французского правительства, окончился неслыханною катастрофою. Патриотическое возбуждение соединилось с негодованием против бессильного цезаризма, развратившего нацию и растратившего ее силы. Когда известие о Седане дошло в Париж, империя не имела ни одного защитника. Провозглашение республики произошло так спокойно, как будто дело шло о самом обыкновенном происшествии. Спокойно обламывали батальоны национальной гвардии орлов империи со своих знамен; спокойно отколачивали лавочники тех же орлов с вывесок. Полиция спряталась. Правительство исчезло. По выражению циркуляра Генерального Совета Интернационала от 9 сентября, «республика не низвергла трона, но заняла место, оставленное им пустым. Она была провозглашена не как социальное завоевание, но как мера для национальной борьбы». Империя рассыпалась сама собою. Вопрос поставлен был так: кто заменит ее? кто готов для дела?

Социалисты не были готовы. Рабочая организация не существовала, как организация боевая. Член редакции самой крайней газеты, Артюр Арну, говорил о 4 сентября: «Я еще раз почувствовал, как опасно для партии не иметь организации. Со времени переворота демократичаская партия была совершенно дезорганизована. Ничто не связывало отдельные куски. Существовали деятельные центры, энергические личности, но не существовало общего лозунга». Один из самых энергических демократов, Делеклюз, мог только воскликнуть «с отчаянием», узнав о провозглашении нового правительства: «Мы пропали».

«Но либералы были готовы. У них была их рутинная программа. У них были люди, имена которых были известны, как имена деятелей оппозиции против империи. У них были готовые приемы. Они первые уселись в ратуше, в полицейской префектуре. Эмануэль Араго назначил брата мэром Парижа, бросив ему красный шарф: «На тебе, Этьен! ты—мэр Парижа!». В правлении оказались: Жюль Фавр, который в 1848 году внес в закон о прессе меры, запрещающие нападки на начало собственности; Жюль Симон, который, в книге о «Свободе», утверждал, что «нищета всегда будет существовать», и восставал против тех, кто рассказывал беднякам о их нищете; одним из крайних был Гамбетта, который еще 17 августа требовал в законодательном собрании быстрого наказания участников небольшого народного дви-

жения против правительства. Действительно, сторонники народа, демократы всех оттенков и групп, должны были признать, что власть принадлежит их злейшим врагам. Циркуляр Генерального Совета Интернационала замечал, что «первые действия» правительства обороны «указывают, что оно унаследовало от Империи не только развалины, но и ее боязнь рабочего сословия».

К тому же вопрос патриотизма, борьбы против Пруссии, господствовал над всем. Росла партия недовольного пролетариата, но в ней группировались самые разнообразные элементы: рядом с социалистами Интернационала там были горячие патриоты, ненавистники правительства, рядом с политическими радикалами демократии, идолопоклонниками 1793 года, там были просто раздраженные голодом бедняки национальной гвардии. Принципиальные вопросы экономической борьбы не поднимались вовсе или составляли столь неважный элемент прений, что на собрания секции Интернационала шли безразлично все недовольные, даже совершенно чуждые социальной борьбе. Вследствие того, что зал заседаний федерального совета парижского Интернационала был в то же время залом заседаний Центрального республиканского Комитета 20-ти округов Парижа, и многие лица были членами того и другого собрания, в общественном мнении (а часто и в мнении участников) произошло смешение между целями и деятельностью этих двух различных элементов, и патриотический, политический элемент последнего, вследствие условий среды, господствовал.

Горячка осады не внесла дисциплины в революционную партию, столь спутанную за несколько недель перед тем.

Таким образом Интернационалу представлялась дилемма: или участвовать в политических явлениях, как их вырабатывали существующие политические партии, ему чуждые, или совсем воздерживаться от участия в политических событиях, которые тем не менее шли своим чередом и влияли на него, на рабочее движение и на положение социалистов вообще. Но был третий путь: выработать политический план действия на основании принципов рабочего социализма, привлечь к своей программе действия рабочие массы, еще не проникнутые принципами Интернационала, и готовиться всеми силами при удобных обстоятельствах осуществить этот план. Этого пути, повидимому, не имели в виду, так как Интернационал до тех пор, как коллективное целое, был связан лишь экономическими задачами.

II

ИСТОРИЧЕСКИЙ ХОД СОБЫТИЙ

Ц. Фридлянд и А. Слуцкий

Падение Империи и Правительство Национальной Обороны

Бонапартизм, возникнув в результате острой классовой борьбы, после поражения 1848 года, мог существовать до тех пор, пока социальные антагонизмы находились в устойчивом равновесии. Не опираясь ни на один из существующих классов империи непосредственно, Наполеон III должен был удовлетворять противоречивые интересы различных классов. Это определяло всю внутреннюю политику империи, полную противоречий.

Чтобы упрочить и сохранить свое положение, создать славу французского оружия и выгодные предприятия для отечественной буржуазии, Наполеон III бросился в авантюры внешних войн. Целый ряд войн и экспедиций в период 1852—1860 г.г. с Турцией, Россией, Италией, Мексикой, Китаем, Алжиром, требовавших огромных средств и сил, должен был упрочить внутреннее положение империи и создать ореол победителю. Но все эти войны, затеянные в интересах либо кучки акционеров, либо двора, вели к обратным результатам, а франко-прусская война 1870 г. явилась могилой второй империи.

Неудачная внешняя политика, требовавшая огромных расходов, расточительность двора, налоговая политика, реакционная внутренняя политика вызывали рост недовольства внутри страны во всех классах общества, в особенности среди мелкой буржуазии и рабочих.

Несмотря на обработку общественного мнения и желание вызвать патриотизм населения империи, война все же была не популярна: ее приняли, как несчастье. В Германии в это время происходил процесс создания единой империи под главенством Пруссии. Для нее предстоящая война, кроме территориальных приращений, которые сулила она, должна была служить цементом, который крепко свяжет отдельные части страны. Поэтому Бисмарк,

«кровью и железом» строящий единство, искал только повода к войне, а буржуазия приветствовала ее, считая войну национальной.

Империя объявила войну «с легким сердцем», больше того,— с легкомыслием. «Легкое» отношение к силам противника, ложное представление о своих силах, беспорядок и продажность в интендантстве и военном деле быстро дали себя знать. Военные катастрофы следовали друг за другом, пока, наконец, не подкатились к 2 сентября, к Седану. Это решило участь империи. Седанская катастрофа подрубила сук, на котором сидела империя. «После Седана империя могла спастись, только изменив самое себя». Республиканцы, сторонники законных и парламентских мер, боялись революции и только под влиянием парижских народных масс были вынуждены пойти в ратушу, чтобы провозгласить республику. А, между тем, буржуазные республиканцы (гамбеттисты) были единственной партией, которая могла принять власть. В ее рядах были крупные парламентские имена, известные своей оппозицией при империи, у них были государственные навыки. Социалисты вместе с левыми республиканцами-якобинцами при том положении, в котором они находились, могли вместе с Делеклюзом, когда разразилась катастрофа, только сказать: «Мы пропали».

Под влиянием патриотического возбуждения и ненависти к империи парижских народных масс, 4 сентября, в результате бескровной революции, образовалось правительство национальной обороны, а власть перешла в руки буржуазных правых республиканцев, вождь которых за несколько дней до того публично отмежевался от радикальных элементов после неудачной попытки восстания 14 августа. Временное правительство, во главе с Гамбеттой и Фавром, не скрывало своего отрицательного отношения к социалистам. Только по требованию народа оно приняло в свою среду единственного представителя левой оппозиции Рошфора, устами Ж. Фавра заявив: «Лучше уж иметь его с нами, чем против нас».

«Республика,—писал Маркс,—не ниспровергла трона, она только заняла оставленное им место. Она провозгласила ее не как социальное противоречие, а как меру национальной обороны». Пруссаки стояли под воротами Парижа. Идея «защиты отечества» господствовала над умами крайних левых и вынуждала их к сдержанным действиям по отношению к новой власти. Якобинец Делеклюз писал: «прежде всего—пруссаки», а Бланки в своей газете, вторил ему: «перед лицом врага не должно быть ни партий, ни

разногласий»... Всякая оппозиция должна смолкнуть во имя общего блага. Они должны были примириться. Все партии, даже крайние правые, признали новое правительство.

Но скоро обнаружилось, что правительство национальной обороны стало правительством измены.

Правительство национальной обороны «унаследовало от империи не только развалины, но и боязнь рабочего класса», говорилось в циркуляре Генерального Совета Интернационала. События скоро подтвердили прогноз. 4 сентября состоялось соединенное заседание парижской секции Интернационала и рабочих синдикальных камер. Собрание одобрило воззвание «к немецкому народу» и отправило правительству делегацию с целым рядом требований, долженствующих обеспечить оборону. Правительство не приняло основных требований. Это было первым расхождением, которое дало начало сомнению в искренности правительства национальной обороны.

Как бы в ответ на это, рабочие, ремесленники и мелкая буржуазия предместий Сент-Антуан, Тампль, Бельвиль, Монмартр и др. создали свои организации—районные наблюдательные комитеты. Их целью было—контроль за действиями правительственных служащих, мэров и их помощников и выявление требований народа. ЦК 20-ти округов объединял районные наблюдательные комитеты, созданные на основе всеобщих выборов. В него входило немало социалистов, а собирался он на улице Кордери, где обитала секция Интернационала. В Центральном Комитете пролетариат объединялся с мелкой буржуазией в своем революционном порыве «защиты отечества». В середине сентября Центральный Комитет обратился к правительству с требованием провести целый ряд мер. «Необходимо взять на учет, экспроприировать все запасы съестных продуктов и предметов первой необходимости и привлечь к работе комиссии, избранные из разных округов. Необходимо распределить съестные припасы среди всех жителей Парижа при помощи карточек, которые будут выдаваться им в каждом округе соразмерно: 1) количеству членов семьи каждого гражданина, 2) количеству съестных припасов, взятых на учет указанными комиссиями, и 3) предположению о наивозможно большей продолжительности осады». Кроме того, муниципалитеты обязаны обеспечить каждому гражданину и его семье необходимое помещение. Правительство не удовлетворило и этих требований. Оно боялось нарушить священное право част-

ной собственности и свободы торговли. Его мало беспокоила картина голода во время осады безработных раобчих и ремесленников. Но вскоре обнаружилось настоящее лицо правительства национальной обороны.

Подогреваемое настроениями парижского народа, желавшего прогнать пруссаков, правительство делало вид, что подготовляет оборону. Гамбетта вместе с другими членами правительства мог сколько угодно декламировать на тему об общенациональных задачах защиты страны, а Ж. Фавр говорил: «Мы не уступим ни дюйма нашей территории, ни одного камня наших крепостей». На самом же деле правительство подготовляло капитуляцию. Оно послало Тьера к европейским державам с просьбой о посредничестве, а Фавра к Бисмарку на переговоры. Для правительства национальной обороны вооруженный народ пролетариев и ремесленников был самым опасным врагом.

В Париже существовала национальная гвардия. Постановлением Законодательного Собрания состав ее был увеличен.

Во время осады Парижа, когда промышленная и торговая жизнь замерла, создав массу безработных, служба в национальной гвардии, где платили 1½ франка в день, была единственным заработком рабочего и ремесленника. Они заполнили ее ряды, увеличив гвардию до 300.000 человек. Воодушевленные идеями защиты отечества, национальные гвардейцы могли быть использованы, как хороший и надежный материал для защиты. Но это были голодные пролетарии. «Вооружить рабочих—значит вооружить революцию», а «победа Парижа над прусским завоевателем была бы победой французского рабочего над французским капиталистом и его государством-паразитом» (Маркс). Это обстоятельство не входило в план правительства национальной обороны. Военный министр Трошю, убежденный, что при настоящем положении дел попытка отстоять Париж от пруссаков «чистое безумие», вел особую военную политику, сводившуюся к тому, чтобы вышибить революционный дух национальных гвардейцев. Вместо того, чтобы, воспользовавшись временем, подготовить укрепление Парижа, обучить национальных гвардейцев, военное командование занималось выправкой, бесконечно изнуряя и истощая их терпение, или же отправляло в бой при таких условиях, когда поражение было неминуемо, как будто для того, чтобы отделаться от национальных гвардейцев и «пообщипать» их (битва при Буше, на Марне и т. п.).

После недолгого успеха, военные поражения вновь стали обычным явлением. Правительство занималось опасной игрой: «декорируя оборону, оно подготовляло капитуляцию».

Скоро ЦК 20-ти округов, выражая мнение парижских масс, пришел к убеждению, что правительство неспособно организовать оборону.

Это настроение народных масс вылилось в попытку свергнуть его 31 октября. «Первым актом защиты должно быть отстранение тех, которые делают ее невозможной»,—писал Бланки в своей газете. Движение 31 октября было стихийным. Толпа, ворвавшись в думу, арестовала правительство и принялась за составление списков нового. «Беспорядочность, отсутствие дисциплины патриотов,—говорит Лиссагарэ,—возвратили правительству его сентябрьскую действенность». Здесь сказались вновь раздробленность и неорганизованность социалистической и революционной Франции, которая не могла руководить движением. Во главе его стояли якобинцы и бланкисты. Восстание к вечеру было подавлено. Начавшись во имя обороны, оно было раздавлено именем этой обороны, а освобожденное правительство, вопреки обещаниям, издало приказ об аресте виднейших вождей движения. Но неудача восстания ничего не изменила в настроении левых элементов. Они вновь ничему не научились. Вторая попытка 22 января, под влиянием известий о падении Бюзенвилля, также окончилась неудачей. «Инсургенты опять не были готовы». Необходимо отметить, что секция Интернационала непосредственного участия в этом движении не принимала. Восстание в Париже эхом пронеслось по провинции, вызвав выступление в Марселе, Тулузе, Сент-Этьене. Но и там движение потерпело неудачу по тем же причинам.

6 января 1871 г. ЦК 20-ти округов выпустил воззвание, в котором писал: «Исполнило ли свой долг правительство, взявшее на себя дело национальной обороны? Нет. Своей медлительностью, своей нерешительностью, своим бездействием люди, которые нами управляют, привели нас на край гибели. Они не сумели ни управлять, ни сражаться. Люди умирают от холода и чуть ли не от голода. Бесцельные вылазки, бесплодные кровопролитные сражения, повторные неудачи... Правительство себя показало, оно нас губит. Продолжение такого порядка вещей,—это капитуляция».

Скоро капитуляция правительства стала явной для всех.

28 января им были подписаны условия капитуляции, которые сводились: к обезоружению Парижской крепости и сдаче немцам главнейших внешних крепостей; войско за исключением национальной гвардии, признавалось военнопленным, оружие его должно быть сдано в 2-недельный срок, а Париж должен был уплатить 200 миллионов военной контрибуции. Созываемое Национальное Собрание во время перемирия должно подписать условия мира. Выборы в подобной обстановке под прусскими штыками не предвещали ничего хорошего. Отрезанный осадою, Париж не мог развить в короткий срок своей агитации по провинции. Таким образом, судьбы Франции отдавались в руки крестьянства. Реакционное, тупое, оно желало прекращения войны какой угодно ценой. Для него парижские рабочие, требующие социальной республики и избавления от пруссаков,—только бунтовщики. Настроениями крестьянства воспользовались монархические круги во главе с Тьером, в союзе с кюре, развив бешеную агитацию.

Выботы 8 февраля выявили два факта: 1) парижские массы—стихийно-революционны. Своим голосованием они сказали: за республику, против правительства, а значит, и за борьбу с пруссаками; 2) провинция показала, что она против Парижа, против войны; она за мир во что бы то ни стало.

Из 750 депутатов Национального Собрания, собравшегося в Бордо, до 450 были явные монархисты. Первое же собрание «деревенщины» показало их ненависть к Парижу. Назначив монархиста Тьера главой исполнительной власти, наделив его широкими полномочиями, оно бросило первый вызов великому городу. 27 февраля оно приняло позорное условие: передачу Пруссии Эльзас-Лотарингии и уплату 5 миллиардов контрибуции. Это было прямой изменой, желанием развязать себе руки в борьбе с поднимающейся революцией. Но собрание не удовлетворилось этим. Скоро оно приняло несколько законов, направленных прямо против Парижа. Чтобы уничтожить национальную гвардию, рабочих и ремесленников, оно лишило их единственного источника существования, выдачи гвардейцам полутофранковой платы. За время войны в торговле наблюдался застой. Чтобы избежать банкротства, временное правительство декретом приостановило платежи по векселям, обязательствам и найму квартир. Национальное Собрание отменило этот декрет, постановив производить платежи через два дня. Такое постановление для парижских мелких торговцев и ремесленников означало полное разорение. Чтобы

окончательно отделаться от мятежного Парижа, лишить этот старый город революций гегемонии, Национальное Собрание решило перенести свои заседания в Версаль. Это было неслыханным оскорблением «деревенщиной» города, который на своих плечах вынес все тяжести осады. Париж должен был подняться за республику против внешнего и внутреннего врага.

РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 И 1917 ГОДОВ, В ИНОЙ ОБСТАНОВКЕ, ПРИ ИНЫХ УСЛОВИЯХ, ПРОДОЛЖАЮТ ДЕЛО КОММУНЫ И ПОДТВЕРЖДАЮТ ГЕНИАЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МАРКСА.

ЛЕНИН.

Луи Дюбрейль

Революция 18 марта

Заключив с Германией мир, Тьер тотчас же принялся за вторую часть своей программы,—за подчинение Парижа.

Париж в этот момент фактически сливался, таким образом, с своей национальной гвардией, опираясь на ее ружья и пушки, и можно сказать, что никогда еще, может быть, не замечалось такого полного взаимного проникновения элементов военного и гражданского, такой широкой и систематически организованной группировки солдат-граждан.

Тьер, прибывши на место действия, решил атаковать эту силу; эту силу он решил обезоружить, лишив ее сначала ее пушек, потом дело должно было дойти и до ружей.

Пушки неоспоримо принадлежали национальной гвардии. Она заплатила за них своими грошами. В течение осады всякий батальон пожелал иметь свои орудия, и ввиду этого в каждом батальоне открыта была подписка. Эти орудия принадлежали национальной гвардии еще и потому, что она спасла их от захвата пруссаками: 400 орудий забыты были вследствие скандальной небрежности в районах города, подлежащих прусской оккупации, и батальоны федералистов в последнюю минуту увезли их из Пасси и с Ваграмской площади за черту французской линии.

Тьер и генералы, тем не менее, заявляли, что эти орудия должны быть переданы нации, т.-е. им самим, и что парижане, удерживая имущество, не принадлежавшее им, оказывались виновными в воровстве.

Из этих орудий некоторые отвезены были в парк Монсо, другие—на Вогезскую площадь, а наибольшее количество поднято было на Шомонские высоты, на Бельвиль, Монмартр и поставлено там на возвышенностях. На Монмартре траншеи вырыты были на высотах стараниями специального комитета, который заседал в № 6 улицы Розье и организовался—надо это отметить—вне Федерации и без всякого влияния Центрального Комитета.

Тьер решил действовать энергично. Днем 17 марта он собрал министров, сообщил им свой план действия и отдал соответствующие приказания генералам. Последние должны были в течение ночи собрать свои войска и перед рассветом направить их на высоты Монмартра и Бельвиля, чтобы силою овладеть желанными орудиями. Винуа назначен был главным руководителем всей операции.

На Монмартре войска, в числе 3.000 человек, под начальством генералов Сюсбьеля, Леконта и Патюреля, беспрепятственно взошли по склонам, захватили часовых, перебили двух или трех захваченных врасплох национальных гвардейцев и на мгновение захватили пушки. Но, благодаря выстрелам, национальные гвардейцы и жители предместья проснулись. Мужчины, женщины, дети бросились на улицы, вступили в непосредственное столкновение с войском, напирая на него, окружая и обезоруживая, убеждая, что оно не должно стрелять в народ. Тогда произошел такой необычный факт: солдаты 88-го пехотного полка бросились на своих офицеров, арестовали их и, повернув ружья прикладами вверх, побратались с народом. Федералисты, солдаты, мужчины, женщины жали друг другу руки, перемешались, целовались и плакали: это была незабвенная минута.

Таким образом Леконт, одержав победу в 3 часа утра, в 8 часов был побежден и взят в плен. Его начальник Сюсбьель, который не сумел или не хотел помочь ему в нужное время, сбежал вниз со своими батальонами по скатам укрепления и отступил на линию внешних бульваров. Брошенные пушки достались народу, который торжественно снова поставил их на высотах.

На улице Гудон конные егеря также отказались стрелять в толпу.

В 9 часов утра Винуа, благоразумно наблюдая за движениями с бульвара Клиши, отдал приказ об отступлении и, отступая, говорят, потерял даже свое кепи. Это был полный разгром.

В стороне Бельвиля произошло почти то же самое, с тою разницею, что генерал Фарон, более осторожный, чем Сюсбьель и Леконт, не довел своих отрядов до цели и мог отступить, не оставляя дезертиров в рядах народа.

Уже в 9 часов Тьер, все время находившийся в Генеральном Штабе, знал роковую новость о неудаче и поражении на всех пунктах. С этого момента день казался ему безнадежно испорченным. Но он был человеком быстрых решений, и поэтому немедленно же принял определенное решение. План его состоял в немедленном оставлении Парижа, в удалении из его стен, при чем за

его особой должны были последовать генералы, министры, чиновники. И пора было! Не следовало терять ни одной минуты, пора было дать войскам вдохнуть чистого воздуха, иначе предстояла опасность, что они растают, как снег под лучами солнца, растворятся в той возбужденной и горючей атмосфере, какую представлял из себя Париж, и мятежнически присоединятся к 88-му полку. Оставить их в горниле—это значило самому толкать их на совместное выступление с народом.

Доказательство было очевидно, и Тьер заботился только об одном, чтобы удрать как можно скорее. Он выехал первым, оставив после себя приказ эвакуировать все и притом немедленно: эвакуировать Париж, южные форты, Курбвуа, даже Мон-Валерьен и направить войска в Версаль.

И было пора. Опасения беглеца вполне соответствовали действительности.

Осторожные свидетели-очевидцы отступивших на Версаль войск, которые, еле двигаясь, ругали жандармов, их окружавших, сохранили впечатления, доказывающие, насколько революция являлась победительницей, сама даже не предполагая этого.

Гектор Пессар, интимный друг и доверенное лицо Тьера, чрезвычайно картинно описал это отступление. «По дороге к Версалю двигавшиеся беспорядочные банды, подгоняемые жандармерией, представляли собою все, что оставалось еще от французской армии. По мере наступления ночи громадное человеческое стадо начинает все больше упрямиться. В темноте, окутавшей все кругом, цвет мундиров сгладился, и можно было думать, что находишься среди батальонов федералистов. Благодаря какому чуду эти люди с наглыми физиономиями и бунтовским видом не вернулись обратно, расстреляв предварительно, перед возвращением в Париж, экипажи, которые увозили правительство? На флангах колонн, подавляя бешенство в душе, ехали униженные и негодующие офицеры, делая вид, что не слышат непристойных ругательств. Они чувствовали, что всякое их строгое действие поведет к открытому возмущению. Они довольствовались только стараниями не порвать ту слабую нить, которая еще держала в относительной дисциплине их команды, охваченные злыми замыслами».

Тьер свернул на дорогу в Севр и оттуда наблюдал прохождение войск; он испустил вздох облегчения, когда увидел, что все они, наконец, прошли. Он сказал себе тогда, что возможность отмщения у него в руках.

Утром в Париже уже не было ни одного министра, ни одного генерала, ни одного начальствующего лица. Париж был сам себе господином, он принадлежал народу и революции.

Город был очищен, все бежало. Последние министры, уложив свои чемоданы, оставили в столице только одного полковника Ланглуа, назначенного ими начальником национальной гвардии, с поручением заставить национальную гвардию признать себя ее главою. В два часа ночи Ланглуа явился в ратушу с намерением провести эту затею перед Центральным Комитетом. В $2^1/_2$ часа он удалился, освистанный федералистами.

Только 19-го утром,—прекрасным утром, залитым лучами весеннего солнца,—Париж фактически узнал всю обширность своей победы, он узнал о беспорядочном бегстве властей и о наступлении своего царствования.

Этим же утром Париж узнал и о драме, разыгравшейся накануне в Монмартре, в конце двенадцатого часа, о расстреле двух генералов, Леконта, взятого в плен, как известно, собственными солдатами, и Клеман Тома, бывшего главнокомандующего национальной гвардией, июньского убийцы, арестованного днем вблизи баррикады в улице Мучеников. Леконт и Клеман Тома заперты были со многими другими офицерами низших рангов в помещении Комитета, в улице Розье. Федералисты, которым было поручено караулить их, хотели законного суда над ними. Целые часы они боролись со все усиливающимся раздражением собравшейся толпы, требовавшей немедленной расправы с генералами, и особенно с озлоблением собственных солдат Леконта.

Под конец напор толпы опрокинул все и отбросил национальных гвардейцев, своей грудью безнадежно прикрывавших пленников. Сначала Тома, а затем Леконт брошены были в узкий палисадник, принадлежавший к дому. Раздались выстрелы. Кто стрелял? Это и до сих пор с точностью не установлено, несмотря на два процесса, торжественно прошедших перед военным судом в Версале. Оба генерала упали, чтобы уже не вставать.

Это была случайность, простой эпизод, который в данный момент почти не вызвал никакой ряби на громадной революционной волне, и его трагическое впечатление утонуло и стерлось почти мгновенно в радостном опьянении завоеванною свободою, охватившем всю столицу. Но факт этот все-таки следует ясно отметить, потому что реакция и Тьер схватились за него немедленно, чтобы заклеймить Париж, отдать его на суд Франции;

они сделали из него один из предлогов своих кровавых репрессий и зверских последовавших за ними избиений.

Таким образом Париж стал сам себе господином. Как он рассчитывал воспользоваться своей победой? Что предпринял Центральный Комитет, внезапно выдвинутый на первый план, руководитель города с населением более, чем в 2 миллиона?

План действия, который следовало бы осуществить, известен нам в настоящее время. Следовало в это же солнечное, воскресное утро бить сбор во всех улицах и во всех предместьях и из Тампля, Марэ, Сент-Антуана, Гренелля, с высот Монмартра, Шомона, Пантеона увлечь народ и тесными колоннами вести вооруженных рабочих на Версаль по пятам г. Тьера, его министров, его генералов и его полков. Победив, надо было воспользоваться плодами этой победы, не оставаться на месте, а итти на разбитого неприятеля, смущенного, расстроенного, пока он еще не пришел в себя и не реорганизовался.

Несмотря на бахвальство Тьера, он далеко не вполне был уверен в успехе. Он сам признается в этом в своем показании следственной комиссии, пытаясь, правда, свалить главным образом на других собственную тревогу. «В Версале,—говорит он,—мы целые две недели ничего не делали. Это самые постыдные дни моей жизни. В Париже общим мнением было, что «с Версалем покончено; как только мы появимся—солдаты поднимут приклады вверх». Я был уверен, что этого не случится, но все-таки, если бы нас атаковали 70 или 80.000 человек,—я не отвечал бы за твердость армии, подавленной в особенности сознанием чересчур большого численного превосходства».

Свидетельство это имеет большое значение. Фактически это и был именно тот психологический момент, который уже более не повторяется. Несколько предусмотрительных, энергичных людей из числа тех, которые в прежние годы пытались силою уничтожить империю, а в дни «Национальной Защиты» выкинуть за окна из ратуши капитулянтов, указывали на неотложную необходимость этого наступления. Дюваль очень твердо настаивал на этом. Дюваль явился в Центральный Комитет, в котором обсуждался текст прокламации, и сказал: «Необходимо принять быстрые меры, захватить министерство, рассеять враждебные батальоны, помешать неприятелю выйти». Но Дюваля не послушали; совету итти на Версаль последовали лишь позднее—3 апреля,—когда было уже поздно.

Х. Г. Раковский (Инсаров)

От провозглашения до падения Коммуны

Общий энтузиазм вызываемый Коммуной, особенно проявился 28 марта, когда Центральный Комитет объявил результаты выборов и передал свою власть новоизбранной Коммуне. Церемония эта произошла публично, перед зданием городского совета. Мы приведем здесь описание ее, взятое из умеренно-республиканского («Le Siècle»). Эстрада была устроена перед входом в ратушу, под статуей Генриха IV. Этот монархический памятник был скрыт красным покрывалом, на котором выступал бюст республики, перевязанный красным шарфом и окруженный красными знаменами. На первом плане эстрады стоял длинный, четырехугольный стол, за которым сели члены комитета. Позади этого стола стояла многочисленная толпа граждан. В четыре часа площадь представляла живописное зрелище. Знаменосцы выстроились по обе стороны эстрады; пушки с Гревской набережной открыли собрание повторными залпами, за которыми следовали аплодисменты и крики: «Да здравствует Республика! Да здравствует Коммуна!». В одну минуту все национальные гвардейцы сняли свои кепи, надели их на штыки и подняли ружья в воздух. Звонок председателя возвестил о начале заседания. Член комитета прочел лист выборных, напечатанный в это утро в «Le Journal Officiel». Вслед за чтением членами комитета были произнесены две речи, встреченные криками «Да здравствует Коммуна!». Время-от-времени музыка, расположенная у эстрады, играла марсельезу, которую толпа хором подхватывала. После этого началось дефилирование батальонов национальной гвардии среди восторженных кликов двухсот тысячной толпы, наполнявшей соседние улицы. Париж имел небывало-праздничный вид; возбужденные парижане, щедрые на энтузиазм, приветствовали этот день и поздравляли друг друга с давно ожидаемым, наконец, совершившимся событием.

Разочарованию было суждено наступить скоро. Умеренные

буржуазные элементы, видя упорство Версаля и твердое его намерение одержать победу, с другой стороны, видя социальную окраску избранных членов Коммуны,—отдалились от нее и стали на сторону версальского правительства. Помощники мэров, выбранные членами Коммуны, отказались под предлогом болезни или под другими предлогами от участия в ее заседаниях. Но тем более привязались к Коммуне низшие слои парижского населения.

У Версаля еще не было достаточно войска, но он уже располагал опытными офицерами, хорошей артиллерией и выгодными позициями. У Коммуны, наоборот, не хватало офицеров. Генералы, которых выбрала Национальная Гвардия и утвердила Коммуна, были: Дюваль—рабочий-литейщик, Бержере—типографщик, Эд—аптекарь. Коммуна надеялась, что недостаток в опытных офицерах искупится храбростью и энтузиазмом Национальной Гвардии.

Военные действия начались 2 апреля, но были слабы вплоть до 20-го. Версальское правительство вызывало Коммуну на небольшие стычки, во время которых отнимало у нее одно укрепление за другим, но еще не решалось на систематическую осаду Парижа. Эти небольшие сражения давались еще с целью приучить солдат биться против парижан. После каждой, самой ничтожной победы Тьер лично или через своего представителя обращался к солдатам с ободряющими речами. В этом необыкновенном изобилии речей проглядывал страх, чтобы войско не последовало примеру своих собратьев, перешедших на сторону Парижа еще в начале восстания.

3 апреля по желанию национальной гвардии, которая горела нетепрением и рвалась в дело, пока версальцы не успели еще приготовиться,—было решено общее нападение на Версаль. Но если версальские войска были слишком малочисленны для того, чтобы начать систематическую осаду Парижа, то они были достаточно сильны, чтобы отразить нападение дезорганизованной массы Национальной Гвардии.

Это первое серьезное столкновение окончилось поражением войск Коммуны, которые были отбиты, оставив на поле битвы много убитых и несколько пленных. Между убитыми был полковник Флуранс: он пал от удара сабли одного жандармского офицера, отбиваясь от версальцев в одном из домов Нельи. Так покончил жизнь этот пламенный агитатор. Флуранс был выбран членом Коммуны, но умер слишком рано, чтобы принять участие в ее деятельности. То же самое надо сказать и о генерале Дю-

вале, попавшем в плен и расстрелянном с двумя другими инсургентами.

Сражение 5 апреля побудило Коммуну издать два важных декрета: первый—о реорганизации военных сил Коммуны, а второй—о репрессивных мерах, которые должны быть приняты против версальского правительства.

Второй декрет был издан 5 апреля. Им объявлялись заложниками все лица, находящиеся в Париже, которые оказались бы в сношениях с Версалем. В случае если бы Версальское правительство продолжало попирать все человеческие законы, расстреливая военнопленных, то за каждого расстрелянного военнопленного Коммуна обещала расстреливать трех заложников. Декрет этот положил конец дальнейшим расстреливаниям.

За первыми военными неудачами Коммуны последовали дальнейшие. Версальские войска подступали к Парижу с северо-запада по всем дорогам, ведшим из Версаля в Париж. Некоторые из окружающих Париж укреплений были по нескольку раз взяты версальцами и снова отбиты инсургентами. В каждом из этих сражений национальная гвардия оставляла от 60 до 300 убитых и еще больше раненых. Тьер всякий раз спешил сообщить всей Франции о победе версальских войск.

Каждая такая победа вызывала в Версале целое торжество.

Главное сражение на юге произошло около укрепления Исси. 29 и 30 апреля версальские войска из двух заранее занятых ими пунктов направились к укреплению Исси. В это время Исси, бомбардируемое в течение 16 дней с окрестных возвышенностей, было уже превращено в развалины. После отчаянного сопротивления часть Национальной Гвардии решила оставить укрепление, но несколько инсургентов, между которыми был 19-летний юноша Дюфур, были противного мнения и решили оставаться на своих местах. Они составили план снести в одно место весь бывший в укреплении порох и взорвать все укрепление, если Версальские войска вступят в него. Но скоро все инсургенты решили уйти из укрепления и остался один Дюфур. Укрепление, таким образом, осталось без всякого гарнизона, но Версальские войска, бывшие совсем близко и следившие за всем, что там происходило, не решились войти в него, и форт так и остался не занятым.

Известие, что Исси оставлено Национальной Гвардией, возбудило в Париже сильное негодование. Генерала Клюзерэ обвиняли в небрежности и сместили, поставив на его место инженерного

полковника Росселя. Несколько батальонов Национальной Гвардии вернулись, снова заняли Исси и находящиеся перед ним траншеи. 30 апреля майор Леперш, командовавший регулярными войсками, осаждавшими укрепление, послал гарнизону Национальной Гвардии предложение сдаться. «Дается срок в четверть часа, чтобы ответить на это предложение,—писал Леперш в своем послании,—если же командир гарнизона инсургентов не даст ответа в вышеуказанный срок, то весь гарнизон будет расстрелян».

На следующий день Россель ответил Лепершу следующим письмом: «Дорогой товарищ, в следующий раз, когда вы позволите себе прислать нам такое дерзкое заявление, как ваше собственноручное вчерашнее послание, я велю расстрелять вашего парламентера, согласно военным обычаям. Ваш преданный товарищ Россель».

Россель решил действовать энергично. Он принял несколько мер с целью дисциплинировать Национальную Гвардию и приучить к военной тактике, без которой невозможно было воевать против версальских офицеров. Национальная Гвардия туго поддавалась таким мерам. Батальоны ее действовали по своему личному усмотрению. Они иногда начинали сражение раньше, чем получали приказание, или кончали его, когда на это еще не было распоряжения, или, наконец, продолжали драться, получив приказ отступать. Поэтому с ничтожными колебаниями победа всегда оставалась на стороне версальцев. Впрочем, Версальские войска часто одерживали верх вследствие предательства. Например, они взяли станцию Кламар благодаря тому, что знали пароль и часовой сам отворил им ворота.

После нескольких дней упорной борьбы, 9 мая, Исси снова попало в руки версальцев. Россель в отчаянии подал в отставку, и, чтобы избежать неминуемого ареста, скрылся в доме одних своих друзей, откуда и сносился с своим преемником Делеклюзом, который сделался делегатом военного министерства. Он, под контролем Комитета Общественного Спасения, должен был руководить военными действиями, а административная и хозяйственная часть были возложены на Эдуарда Моро, делегата Центрального Комитета Национальной Гвардии.

Инсургентам удалось в третий раз взять часть позиции Исси, но 13 мая версальские войска произвели на укрепление стремительное нападение.

Это было последнее сражение при Исси, после которого это укрепление окончательно перешло в руки версальцев.

Огненный круг, сжимавший Париж, делался все теснее и теснее; главные из окружающих город возвышенностей, были уже в руках версальцев. Они три раза собирались напасть на Париж, их люди должны были отворить им ворота, но всякий раз замышлявшееся предательство было открыто. Наконец, 21 мая во всей Франции пронеслась весть, что Версальские войска вступили в Париж через ворота Сен-Клу, которые им отворил, как потом узнали, некто Дюкатель. Известие это вызвало в Версале неописуемую радость. Оно было получено в доме президента в его отсутствии. Когда он вернулся домой к 7 часам вечера, пишет тот же офицер, и узнал о счастливом событии, то побледнел и упал в объятия окружающих.

Но прежде, чем радость могла сделаться полной, нужно было пройти еще через тяжкие испытания. Париж походил на смертельно раненого льва, который, истекая кровью, еще может растерзать нападающих на него. Комитет Общественного Спасения, Центральный Комитет Коммуны,—словом, все органы коммунальной власти обратились к народу с пламенным воззванием, призывая его к последней битве. «Дорогу народу,—писал в своем воззвании военный министр Делеклюз,—дорогу воинам, дорогу обнаженным рукам! Час революционной борьбы пробил». «Да встанут все добрые граждане!—писал Комитет Общественного Спасения.—На баррикады! Враг в наших стенах! Не медлите! Вперед за республику, за Коммуну, за свободу!».

Всю ночь с 21-го на 22-е набат и сигнальные рожки призывали граждан к борьбе. И граждане не замедлили явиться. Известие о вступлении Версальских войск в Париж зажгло во всех сердцах энтузиазм самых пламенных революционных дней. Вступление войск означало уничтожение автономии Парижа и гибель стольких возлагаемых на нее надежд. После всех тысяч жертв, которые он принес в течение целого века, после неслыханных лишений и мук, перенесенных во время осады,—Париж верил, что, наконец, осуществил демократический идеал. Мечта, с которой выросло и воспиталось столько поколений, сбывалась, наконец. Париж совершил тяжелый подъем и уже достигал давно желанной вершины. И вот за этой вершиной открывалась пропасть.

Перед этой трагической перспективой город революции напряг свои последние силы и в страшных конвульсиях попытался оста-

новить нахлынувшие Версальские войска. Люди бросились на камни мостовых, на омнибусы, экипажи, перегородили улицы, площади, укрепили стратегические возвышенности.

21 мая, когда регулярное войско вошло в Париж, там не было еще настоящих баррикад, и Жезьерский, версальский офицер, говорит, что если бы регулярное войско еще в воскресенье поспешило занять центр Парижа, то нашло бы город совершенно неподготовленным. 22 мая дело обстояло иначе. В Париже уже было 582 баррикады. Они были воздвигнуты в одну ночь и одно утро с такой быстротой и так хорошо построены, как будто земля скрывала их в своих недрах в готовом виде и под покровом ночи возвратила их Парижу. Некоторые из этих баррикад были настоящими военными укреплениями, например, баррикада на улице Сен-Флорентен. Каждую из этих баррикад нужно было брать отдельно, каждая из них имела собственную историю.

В постройке баррикад был известный план. Они образовывали концентрические, параллельные стенам Парижа, круги. Войска шли наружными бульварами, внутренними бульварами и берегами Сены. Тактика их состояла в том, чтобы, по возможности, обойти баррикады и ударить на них с тылу, так как фронтовая борьба с баррикадами стоила крупных жертв. Когда ее нельзя было избежать, то версальцы пускали в ход артиллерию. Они привезли с собою в Париж 393 орудия.

Кроме того, окружающие Париж высоты были тоже в руках версальцев и хорошо вооружены. На одном только Montretout было 60 орудий.

РЕВОЛЮЦИЯ ЕСТЬ АКТ, В КОТОРОМ ЧАСТЬ НАСЕЛЕНИЯ НАВЯЗЫВАЕТ СВОЮ ВОЛЮ ДРУГОЙ ЧАСТИ ПОСРЕДСТВОМ РУЖЕЙ, ШТЫКОВ, ПУШЕК, Т. Е. СРЕДСТВ ЧРЕЗВЫЧАЙНО АВТОРИТАРНЫХ, И ПОБЕДИВШАЯ ПАРТИЯ, ПО НЕОБХОДИМОСТИ, БЫВАЕТ ВЫНУЖДЕНА ВЫДЕРЖИВАТЬ СВОЕ ГОСПОДСТВО ПОСРЕДСТВОМ ТОГО СТРАХА, КОТОРЫЙ ВНУШАЕТ РЕАКЦИОНЕРАМ ЕЕ ОРУЖИЕ.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС.

КАКАЯ ГИБКОСТЬ, КАКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА, КАКАЯ СПОСОБНОСТЬ САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ У ЭТИХ ПАРИЖАН!.. ИСТОРИЯ НЕ ЗНАЕТ ЕЩЕ ПРИМЕРА ПОДОБНОГО ГЕРОИЗМА.

КАРЛ МАРКС.

Луи Дюбрейль

«Кровавая неделя»

В воскресенье, 21-го, около 3 часов дня, в тот момент, когда версальские батареи сконцентрировали весь свой огонь на воротах Сен-Клу, почти уже обращенных в развалины, на бастионе № 64 появился человек с белым платком и закричал солдатам Порядка, засевшим на некотором расстоянии в своих траншеях: «Входите, никого нет!». Этот человек был Жюль Дюкатель; он был служащим общественного управления и предавал Париж ради забавы. Его сигнал вскоре был замечен на аванпостах.

На мгновение, как говорится в официальном рапорте, возникла мысль, не следует ли опасаться одной из тех ловушек, от которых уже неоднократно страдали версальцы; однако сейчас же флотский капитан Трев, запретив солдатам следовать за собою, один пошел к укреплениям и убедился, что Дюкатель говорил правду. Капитан вернулся в траншеи и отдал приказ двигаться вперед. Без всякого сопротивления версальцы заняли ворота Сен-Клу и два соседних бастиона. Между тем, генерал Дуэ, предупрежденный по телеграфу, явился в свою очередь с более значительными силами, захватил местность между укреплениями и виадуком и после довольно горячей схватки завладел воротами Отейль. В то же время сильные колонны пехоты, минуя виадук Пуань-дю-Жур, беглым шагом направились через ворота Сен-Клу к южным воротам и открыли их войскам дивизии Сиссэ. Таким образом к вечеру воскресенья 21 мая в город уже вошли четыре корпуса генералов Дуэ, Сиссэ, Ладмиро и Винуа. Версальских войск оказалось достаточно для общего движения вперед.

Федералисты, захваченные врасплох и обойденные, не оказали почти никакого сопротивления.

Без сомнения, в этот прекрасный воскресный майский день, народный и революционный Париж даже и не подозревал, что настали его последние дни. После полудня в Тюльерийском саду давался концерт-монстр в пользу сирот и вдов Коммуны. По окончании концерта офицер главного штаба взошел на эстраду и

сказал: «Граждане! Тьер обещал войти вчера в Париж; он не вошел и не войдет. На следующее воскресенье я приглашаю вас сюда же, на наш большой концерт в пользу вдов и сирот!». Когда наступила ночь, обычная жизнь текла на бульварах, театры были полны зрителей.

В ратуше заседала Коммуна. В 7 часов, когда явился Бильорэ, Коммуна еще ничего не знала. Он прервал оратора Верморелля, потребовал тайного заседания и прочел телеграмму, которая только что была получена в Комитете Общественного Спасения: «Домбровский—Военному Комитету и Комитету Общественного Спасения. Версальцы вошли через ворота Сен-Клу. Принимаю меры, чтобы отбросить их. Если можете прислать подкрепление, отвечаю за все».

В сущности, известие было так неожиданно, оно разразилось так внезапно, что никто ему не верил. К тому же все остальные сведения, полученные в военном министерстве, противоречили этой телеграмме Домбровского.

Но нельзя было не признать очевидности. Укрепления взяты, неприятель в стенах Парижа. В город вошло уже более 50.000 войск, и они уже успели захватить пятую часть столицы. Лучезарное солнце заливает улицы, наполненные возбужденной и напуганной толпой. На всех колокольнях бьют в набат, барабаны бьют во всех кварталах, а пушечные выстрелы заглушают своим грозным ревом все эти звуки. Вновь настало время уличной борьбы.

Всякий, торопясь порвать связь с целым, которую, впрочем, он всегда переносил неохотно, стремился вернуться в свой квартал, в свою улицу, на свой перекресток с целью возвести там баррикаду из камней на мостовой, которая бы преграждала подступ, не заботясь более об окружающем, особенно же о всем поле сражения.

Заботы о защите города предоставлены были инициативе, усмотрению, вдохновению групп и отдельных личностей. Не оставалось никакого высшего руководства для координирования и направления действий. Все это привело к роковому результату, и вместо систематического и по-военному организованного сопротивления, которое, вне всякого сомнения, на долгое время задержало бы противника и, несомненно, причинило бы ему тяжелые потери, повсюду произошли лишь частные и безрезультатные стычки, в которых инсургенты маленькими группами были

последовательно уничтожены и раздавлены в неравных и безнадежных столкновениях.

В течение этого понедельника версальская армия, находясь еще в аристократических западных кварталах, встретила только слабое сопротивление. В настоящее время доказано, что, если бы в этот день все пять вошедших в город дивизий прямо двинулись бы вперед, то они почти беспрепятственно завладели бы центром города, взяли бы, или обошли бы, баррикады, только еще воздвигавшиеся, и загнали бы тотчас же революцию в ее убежище на Монмартре, в Бельвиле и в Бьют-о-Кайль, но это не входило в намерения Тьера. Таким способом одержанная победа не была бы кровавой победой, в особенности же она не давала бы повода к избиению и бойне, которые входили в программу наконец-то восторжествовавшей реакции и составляли в сущности всю ее программу. Наоборот, надо было дать время коммунарам притти в себя, организовать оборону в каждом квартале, чтобы повсюду была борьба, или кажущаяся борьба, и чтобы повсюду возможно было в достаточной мере пустить кровь жителю-парижанину, безразлично—сражающемуся или несражающемуся.

Таким образом охота на парижан организована была, как настоящая охота. Приняты были малейшие предосторожности, чтобы никакая дичь не ускользнула, ни зверь, ни птица. Оставалось только зарегистрировать убитую дичь. К концу недели число ее уже превысило 50.000. Главный ловчий, Тьер, уже заранее наслаждался, предвкушая это ужасное улюлюканье.

Между тем, версальская предусмотрительность оказала ожидаемое действие. В понедельник днем и на следующую ночь федералисты предместий вновь спустились в центр Парижа, направившись к ратуше, которая во время этой бури еще представлялась как бы светочем революции. Брюнель, получив снова командование, взял на себя руководство защитою баррикад на площади Согласия. Он возвел здесь три сильных редута и более 50 часов с непреклонной твердостью выдерживал приступы целой армии и оставил позицию только после того, как она была уже обойдена и удерживать ее было безусловно невозможно.

За этим укрепленным районом, который казался неодолимым, возвышались другие баррикады по улице Риволи, в узких переулках квартала Сен-Жервэ, у подножия башни Сен-Жак. Над постройкой их с мрачной настойчивостью трудились мужчины, жен-

щины, дети. Всякого прохожего, какого-нибудь тщеславного буржуа или разряженную даму, они приглашали помочь несколько минут. Мостовые были взрыты и вскопаны вплоть до аристократических кварталов, и даже на враждебной почве у Оперы, у Биржи, в Сен-Жерменском предместье, где затем всюду происходили кровопролитные столкновения. Сто тысяч пролетариев, работая и карауля, находились на ногах в эту ночь всеобщего ожидадания, в эту ночь, когда неприятель остановился, с расчетом, конечно, но также и из опасения; в эту ночь надежда на победу еще теплилась в сердцах.

На рассвете, 23 мая, началось жестокое сражение. Все версальские силы введены были в действие.

В 4 часа утра битва возобновилась в этой местности, и после пятичасовой перестрелки батиньольцы вынуждены были отступить. Они отступили на Монмартр, рассчитывая собраться с силами под защитой его пушек. Но пушки молчали и, казалось, Монмартр уклонялся от битвы. Монмартрцы, преданные Коммуне, сражались внизу, около Ратуши, остальные, которых, надо сознаться, было большинство, вследствие утомления и упадка энергии, вернулись в свои дома. Но самым худшим было то, что грозная артиллерия, поставленная на вершине, продолжала молчать. Среди артиллеристов были предатели, и это продолжалось уже многие недели—это, несомненно; большая часть орудий оказалась испорченной.

Таким образом, для версальцев путь был свободен. Революционная цитадель, на которую рассчитывал весь Париж, сдалась почти без боя. Битва шла лишь ниже, за Монмартром и в окрестностях. На бульваре Орнано федералисты оспаривали позицию шаг за шагом. На авеню Трюдэн регулярные войска тоже долгое время сдерживались кучкой храбрых людей. На улице Мира равным образом происходили кровавые стычки, во время которых Домбровский, находясь рядом с Верморелем, был смертельно ранен пулей в пах. На площади Бланш батальон женщин, под командой героической Луизы Мишель и русской Дмитриевой[1]), уже накануне сражавшейся в Батиньоле, обнаружил чудеса храбрости.

---

[1]) Дмитриева вернулась после Коммуны в Россию и вышла замуж за некоего Давыдова, осужденного затем по обще-уголовному делу „червонных валетов" в ссылку в Сибирь. Дмитриева добровольно последовала за мужем и в конце 80-х годов жила в г. Красноярске.

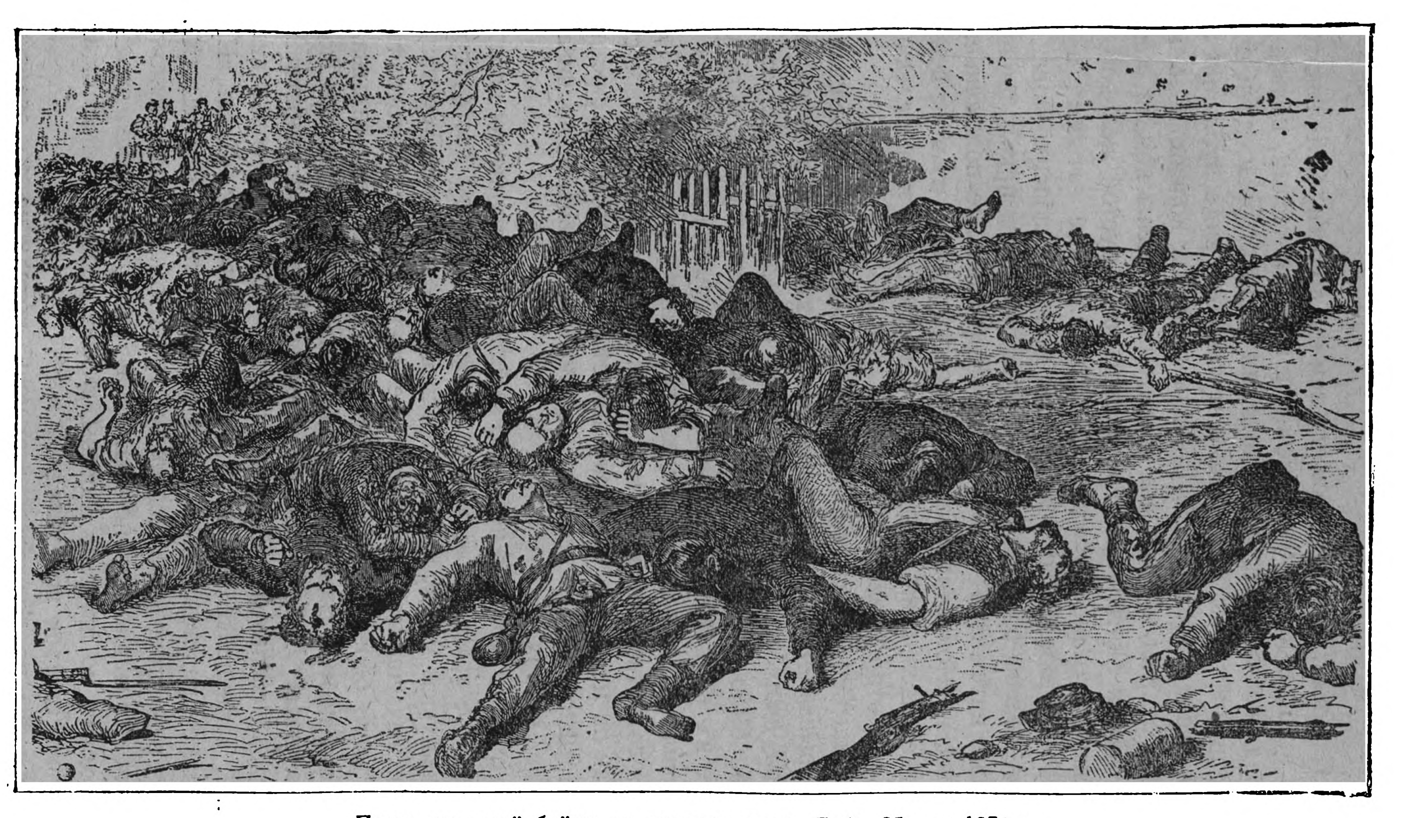

Расстрел коммунаров на улице Сен Жермен в Оксерруа 25 мая 1871 г.

Как бы то ни было, но взятием Монмартра революции нанесен был роковой удар. Владея самой высокой позицией Парижа, версальцы могли громить своей артиллерией высоты Шомона и Пер-Лашез, а моральное впечатление от этой потери было еще значительнее. С этого момента реакция могла считать себя победительницей. Об этом и известил Тьер провинцию торжествующей телеграммой.

За победой должны были следовать избиения. Конечно, уже накануне убивали в Батиньоле и на левом берегу и беспощадно расстреливали за взятыми баррикадами всех еще оставшхся в живых, на тротуарах тоже избивались, на авось, безобидные прохожие; бойня, однако, не приняла в этот день систематического характера, который указывал бы на общий план, на руководящую волю. Войска, сопровождаемые и направляемые полицией, не обыскивали еще, дом за домомом, завоеванных кварталов, не очищали их с подвалов до чердаков и не ставили к стене всех живущих в доме, потому только, что в одной из комнат этого дома найдены были штаны, куртка национального гвардейца или пара башмаков. Когда пал Монмартр, бойня систематизировалась так, что ни один парижанин-пролетарий не избежал ее, а «волчицы» и «волчата», т.-е. жены и дети, избивались вместе с «волками». Первая бойня устроена была поутру в парке Монсо, вторая—в доме № 6, улицы Розье, в том самом палисаднике, где два месяца тому назад толпой расстреляны были генералы Леконт и Клеман Тома.

Здесь расстреливали без пощады и массами. Затем расположились в № 6; теням обоих генералов принесены были ужасные жертвы, и сад был свидетелем сцен пыток и смерти, ухищрения которых были бы вполне достойны даже варварской суеверной изобретательности XI века. Пленных сводили сюда со всех концов; но кто же были эти пленные? Это были все те, которых подозрения или доносы отдавали в руки озверевших войск, все арестованные за какую-нибудь куртку, штаны, пару башмаков, все жители тех домов, которые очищались с подвала до чердака, все, которые из-за слепого гнева какого-нибудь унтера схвачены были за косой взгляд; все, на которых личная месть соседа указала, как на преступника, в такой момент, когда всевозможные доносы достигали своей цели. Пленные набиты были в этом саду, и тут они должны были просить о прощении за преступление, которого не совершали. Просить прощения, но у кого же? У стен, у штукатурки, у сломанных деревьев, у выбоин от пуль!..

После массовой бойни во дворе казармы Лобо, 25 мая 1871 г.

«...Пленный, простершись на земле, должен был лежать лицом в пыли, и не одно мгновенье, а целыми часами, целый день. Два ряда несчастных, среди которых были старики, дети и женщины, подвергнуты были этому мучению в виде публичного покаяния перед штукатуркой. Щебень резал их колени, пыль набивалась в их рты и глаза, их напряженные члены немели, нестерпимая жажда сжигала их пересохший рот и пустой желудок, майское жгучее солнце обжигало их обнаженные затылки, а если кто-либо из них плохо лежал, если приподымалась голова, если отекшее колено пробовало выправиться,—удары прикладами принуждали мятежника вновь принять приказанное положение. Когда наказание оканчивалось, то некоторая часть из этих несчастных отделялась, и их отводили на пригорок, где и расстреливали, остальных отправляли в Сатори».

Как ищейки, солдаты охотились и выслеживали побежденных, они вырывали их из их жилищ, из объятий жен и детей, волочили на двор, на улицу, ставили к ближайшей стене, так как времени было мало и требовалось исполнять службу, и расстреливали их на глазах их семей. И это совершалось, когда еще не прошло и двух суток после вступления в город войск Тьера.

Без содрогания невозможно следить за этим громадным спрутом, как он медленно, но верно ползет вперед по всему фронту и, беспрерывно забирая все далее своими щупальцами, подвигается к центру города...

Ничто уже серьезно не могло задержать наступления нападающих, ничто, кроме пожаров, охвативших всю эту часть города, находившуюся между обеими армиями. Пожар министерства финансов, начавшийся накануне, еще продолжался. Горело также вдоль всего берега Сены; гигантские языки пламени вздымались к черному небу, и снопы искр разносились повсюду; горели Тюльери, Почетный Легион, государственный совет, государственный контроль. Ослепительный свет от этого пожарища отсвечивался в реке, казавшейся огненной. Улицы Рояль, Бак, Лилль, Круа-Руж тоже представляли из себя очаги пламени. Взрывы следовали за взрывами, наполняя воздух грохотом. Зрелище было фантастичное, грандиозное по красоте и ужасу. Казалось, что весь город хочет, по примеру Москвы, скорее превратиться в огонь и пепел, чем сдаться победителю.

Сражение продолжалось всю ночь, хотя и не так энергично. С рассветом оно приняло бешеный характер. Целью версаль-

ских сил являлась Ратуша, которая уже была окружена с трех сторон.

Каждую минуту Ратуша и все централизованные в ней управления могли быть взяты; поэтому отдан был приказ о перемещении, несмотря на протест Делеклюза против этого отступления. Коммуна перешла в мэрию XI округа. Как только здание Ратуши было очищено, оно тотчас же загорелось. Пламя поднялось со всех сторон и охватило все здание.

К этому-то центру, к этой мэрии XI округа приливали ежеминутно остатки батальонов, отбрасываемые версальцами со всех пунктов. С известиями об общем поражении они приносили с собою также сведения о военных расправах, которые заливали в этот час кровью все кварталы, «освобожденные» войсками порядка. Они рассказывали друг другу об ужасах и зверствах, которым нет имени и которым они были личными свидетелями, спасшись каким-то чудом. И вот среди побежденных вырастает и разражается чувство бешенства, они отступают с одних баррикад только для того, чтобы вновь занять следующие. Их мужество воспламеняется и становится жестоким. Они сознают, что все кончено, что они осуждены, что одна из пуль, беспрерывно свистящих у их ушей, что одна из гранат, разрывающихся над их головами, принесет и им вечный покой. Они знают, что враг беспощаден, что у него не будет ни милости, ни пощады, что он избивает раненых, расстреливает пленных, убивает жену и ребенка рядом с мужем. В этих ужасных обстоятельствах федералисты не дрожат и не отступают, но желают, по крайней мере, перед гибелью воздать удар за удар, отомстить перед тем, как самим сойти со сцены.

Настала снова ночь со всеми ее ужасами. Для последней схватки, ненадолго прерванной наступившей тьмой, оба противника оттачивали оружие. Ружейная пальба прекратилась, но канонада все продолжалась и казалась еще более зловещей и звучной при наступившем общем затишье. С высот Бют-Шомон, с Пер-Лашеза и с Бисетра, с Пантеона, Трокадеро и с Монмартра канониры — федералисты и версальцы — обменивались адским огнем, осыпавшим город железным дождем. Новые начавшиеся пожары своим красным заревом озаряли глубину небес. На-ряду с Тюльери, Контролем, Почетным Легионом, все продолжавшими еще пылать, загорелись Ратуша, Пале-Рояль, Лирический театр, церковь св. Евстафия, ворота Сен-Мартен, префектура полиции, Дво-

рец юстиции и выбрасывали к небу, как вулканы при извержении, багряные языки пламени...

По меткому выражению Лиссагарэ, свидетеля всего происходившего, «Париж казался как бы скручивающимся в громадную спираль пламени и дыма».

С 6 часов утра версальцы возобновили наступление по всей линии. На севере федералисты сами очистили в течение ночи большую часть X округа и отступили под командой Брюнеля на площадь Шато-До.

Сюда сошлись, в поисках защищенного пункта, самые горячие и решительные защитники революции, и здесь они искали скорее не защиты, а нового поля битвы, последнего, без сомнения. Решившись отдать свою жизнь, они сплотились вокруг Коммуны, вокруг того, что оставалось еще от нее и что заседало в мэрии XI округа, среди всего этого грохота, среди предсмертного хрипения умирающих, стонов раненых, свиста пуль и рева канонады. Делеклюз, удрученный годами и болезнью, потеряв голос и держась на ногах только силою воли, продолжал исполнять свою обязанность военного делегата. Рядом с ним находился Журд, положив руку на шкатулку, в которой находились последние 500.000 франков, которые он заставил Французский Банк выдать в среду; он проверял длинные ряды списков и выдавал жалованье, углубившись в свое дело и спокойный, как будто бы он до сих пор еще находился в министерстве финансов. В соседней комнате Ферре невозмутимо допрашивал шпионов и изменников, которых беспрерывно приводили к нему. Гамбон и Арну, члены Комитета Общественного Спасения, находились тут же. Ранвье командовал на Бют-Шамон.

Уже четверо суток на ногах, не отдыхая ни минуты, они переходили от баррикады к баррикаде, подвозя подкрепления, доставляя орудия, снаряды, стараясь укрепить защиту; многие из них, сами взяв ружья, стреляли наравне и бок-о-бок с национальными гвардейцами, некоторые обнаружили выдающуюся храбрость, как, например, Верморель: верхом на коне, когда до этого он никогда и не садился на лошадь, опоясанный красным шарфом, он подставлял грудь всякой пуле.

Положение в XI округе делегация нашла еще более ухудшившимся. Баррикады улицы Маньян были взяты, и оттуда принесли Брюнеля, тяжело раненного в бедро. Консерватория Искусств и Ремесл была окружена, и вся верхняя часть III округа попала в

руки неприятеля, который подошел уже к баррикадам театра Дежазе и бульвара Вольтера. Вести с площади Бастилии были не лучшие. Оттуда привозили и приводили раненых, и между ними была Дмитриева; она поддерживала Франкеля, который был ранен еще тяжелее ее.

Тогда Делеклюз принял решение. «Прощайте,—сказал он, покидая мэрию XI округа,—пойду, пусть меня убьют!» И он пошел вниз по бульвару Вольтера; его сопровождало несколько федералистов, несколько друзей—Журд, Лиссагарэ. На площади Шато-До смерть неистовствовала. По дороге, пройдя немного церковь св. Амвросия, они встретили раненого Лисбонна, которого поддерживали Тейс, Верморель и Жаклар. В этот момент упал тяжело раненый Верморель; от этой раны он и умер. Его подняли Журд и Тейс и унесли на носилках. Делеклюз пожал руку раненому и продолжал свой путь к выходу с бульвара; его компаньоны отстали, он—один. Здесь мы передаем слова Лиссагарэ, так хорошо описавшего эти дни кровавой недели, которую он пережил, как очевидец, пренебрегая всеми опасностями, чтобы лично все видеть.

«Солнце садилось за площадью. Делеклюз, не оборачиваясь, чтобы посмотреть, следует ли кто за ним, подвигался вперед тем же шагом; он был единственным живым существом на всей улице. Подойдя к баррикаде, он с левой ее стороны взошел на нее. В последний раз появилось перед нами, обращенным к смерти, это строгое лицо, обрамленное короткою белою бородою. Внезапно Делеклюз пропал, он упал, пронизанный пулями, на площади Шато-До» [1]).

В течение ночи Коммуна решила перенести свою главную квартиру в мэрию XX округа. С наступлением дня обнаружились новые значительные успехи, достигнутые версальцами. Федералисты занимали уже только едва пятую часть столицы, да и эта часть утрачивалась ими ежеминутно, по кускам.

Выхода не было, не было и надежды; всюду смерть! Реакция поклялась, что не останется камня на камне в этих проклятых кварталах, в Бельвиле и в Менильмонтане, в этой колыбели мартовской инсуррекции, где усиленно билась душа революции, где она билась всего еще несколько часов тому назад. Коммунары, жившие там или явившиеся туда для последнего привала, хорошо

---

[1]) Lissaguaray. Histoire de la Commune, стр. 365.

знали это, они знали также, что все они погибнут там под развалинами.

Ночь еще не пришла. Беспрерывная канонада вызвала свой обычный эффект: она образовала и сгустила тучи. Льет дождь. Но вот темное небо освещается багровым заревом. Это загорелись доки в Ла-Вилет с их складами горючих материалов, минерального масла, смолы и петролеума.

В эту ночь в Версале подумали, что пылает весь Париж. Мрачное и отчаянное затишье битвы! На высотах XIX и XX округов все храбрецы, которые еще хотят бороться перед смертью, нашли свое последнее пристанище. Остатки батальонов расположились под открытым небом, на улицах, прямо на размокшей почве. Настал грязный и пасмурный день. Положение сражавшихся было следующее: федералисты, скучившиеся главным образом на высотах Бельвилля и Пер-Лашеза, занимали полукруг, оба крыла которого опирались на укрепления около ворот Ла-Вилетт и Балонье, а фронт шел по Вилетскому каналу к Бастилии и терялся в сети улиц, направо от предместья Сент-Антуан и квартала Шаронн, захваченного уже накануне.

Версальцы вновь начали наступление. В 9 часов утра Винуа завладел всеми укреплениями Тронной площади и зашел в тыл бульвара Вольтера. Не будучи в состоянии взять с фронта грозную баррикаду на бульваре Ришар-Ленуар, он зашел ей в тыл через площадь Бастилии. Кольцо смерти сжалось еще более. Коммунары были окончательно оттеснены к Шомонским высотам, на кладбище Пер-Лашез, где еще продолжали греметь их орудия.

Но эпилог великой драмы был уже близок. В Бельвилле ежеминутно падала сотня снарядов; все не сражающиеся жители его попрятались в погребах. Три четверти армии Порядка, 100.000 человек, были тут, чтобы покончить одним ударом и раздавить горсть героев, предпочитавших смерть сдаче. Оба крыла армии почти что уже сошлись. В 8 часов вечера Винуа взял приступом кладбище Пер-Лашез, здесь сражались даже в склепах и на памятниках. Ладмиро, несмотря на наступившую ночь, продолжал свое охватывающее движение; он занял скотобойню в Вилетте, перешел канал и дошел до подножия Шомонских высот, орудия которых должны были, наконец, замолчать вследствие отсутствия снарядов. Атакой в штыки он взял эти высоты и после шестичасового сражения выбил находившихся на них последних федералистов.

4 часа ночи. Наступило дождливое утро. Это воскресенье, 28 мая, увидело последние судороги задавленной и затоптанной ногами революции. Сражаются еще в верхней части улицы Ангулем и в предместьи Тампль; Гамбон, Ж. Б. Клеман, Варлен, Ферре, Жерезм еще продолжают распоряжаться на баррикадах. Однако, стрельба становится все более редкой и прерывистой. Патронов не стало хватать раньше, чем людей. В два часа дня в улице Рампонно прозвучал последний выстрел... Все было кончено. Революция умерла!

Вот какими приемами Версаль осуществлял правосудие, порядок, гуманность и цивилизацию. Вот каким образом, «во имя законов, законами и при помощи законов», он производил «очищение грехов». Пусть читатель помножит на многие тысячи те сцены, которые мы описали, и тогда он получит некоторое представление об агонии умиравшего города в эту неделю, которую народ окрестил ужасным именем «Кровавой недели».

Париж превращен был в бойню. Убивали повсюду, во дворах судов и вне их—у баррикад, в траншеях, под мостами, в домах, у водосточных канав, в катакомбах. Всякий офицер, унтер или солдат—имел право судить собственной властью и убить парижанина или парижанку. Убивали за слово, за жест, за имя, за сходство, даже ни за что, просто по указанию обезумевшей толпы. Убивали тех, кто сражался, и тех, кто не сражался; тех которые прятали свое оружие, и тех, кто отдавал его; тех, наконец, у которых оставались еще от первой осады форменные штаны, пара штиблет; прохожих, у которых руки оказывались черными, или лоснилось то место на одежде, куда прикладывается ложе ружья. Женщин убивали, потому что они петролейщицы и купоросницы, детей—потому, что они—семя коммунаров, а следовало, конечно, уничтожить и приплод вместе с производителями. Убивали с наслаждением, играючи, все то, что имело рабочую внешность, что казалось республиканским.

И эта бойня вызвала, наконец, необходимость в устройстве складов для трупов. Фургонов, беспрестанно двигавшихся по улицам, телег, мебельных платформ, перегруженных кровавым мясом, оказалось недостаточно для вывозки в ямы всех трупов, разбросанных на тротуарах, в тюремных дворах, в казармах, в школах, в мэриях. Сами ямы оказались недостаточно многочисленными, глубокими и широкими, чтобы вместить в себя всю эту человеческую говядину, которую старались впихнуть в них.

Между тем, этих ям понарыли повсюду, в скверах, на откосах, на склонах укреплений, а когда недоставало земли, то переходили к помощи даже воды. Сена уносила десятки расстрелянных из ружей и митральез. Многие сотни гнили в тине озера на Бют-Шомон. Но ничто не помогало, все еще оставалось много неприбранных трупов, и всегда не хватало могил. В садах Политехнической школы можно было видеть насыпь из трупов длиною в 100 метров и высотою в 3 метра. В Люксембурге зеленеющие аллеи были завалены трупами. «В Сент-Антуанском предместьи,—по словам газет Порядка,—трупы встречались повсюду, наваленные кучами как навоз». Тьер, прежде всего, потребовал, чтобы ради примера их не убирали. Что сказать о кладбище Пер-Лашез, о тюрьме Ла-Рокет и ее окрестностях, об улицах Бельвилля и Менильмонтана, об этом театре последней битвы?

Тьер, ликуя по поводу такого полного осуществления своего желания, сообщал своим префектам: «Земля усеяна их трупами; это ужасное зрелище да послужит уроком». Однако самое буржуазию охватил страх перед головокружительным нагромождением всех этих ужасов. Отвратительные мясные мухи заражали воздух, и улицы покрылись стрижами, умершими вследствие укусов этих мух. Заправилы испугались заразы, и газеты забили тревогу. «Не следует допускать,—писала одна из них,—чтобы эти мерзавцы, причинившие нам столько бед живыми, могли бы еще повредить нам и после своей смерти». Груды гниющего мяса, которые представляли собою все, что осталось от этих «мерзавцев», обсыпаны были хлором, но и от этого заразительные испарения не уменьшались. Попробовали тогда залить эти трупы негашенной известью и сжечь их при помощи петролеума. Но все было напрасно, потому что убийства продолжались попрежнему. Трупы все прибывали.

Столица реакции была уже переполнена заключенными. С понедельника, 22 мая, туда направлены были сначала сотни, а затем тысячи пленных; это были «обыкновенные» военных судов, схваченные солдатами, которым последние, утомившись стрельбой, случайно даровали жизнь, наконец, те мужчины и женщины, которые, будучи схвачены, оказались случайно в руках менее свирепых воинских отрядов, так как все зависело в этот момент от простой случайности, и спасался от расстрела иногда такой человек, который, если бы был схвачен в соседней улице или даже в каком-либо здании на другой стороне той же улицы, был бы уже десять раз расстрелян.

Пленные коммунары по дороге в Версаль

Сколько же было этих несчастных, страдания которых мы только что пытались описать? В данном случае Версаль дает все-таки некоторые цифры; только мертвецы лишены были статистики. По официальным документам значилось: арестовано мужчин—36.859, женщин—1.058, детей—651. Но эти цифры, несомненно, ниже действительных, так как генерал Аппер и его сотоварищи, военные статистики, не поместили в это число 5.000 или 6.000 арестованных, которым удалось доказать свою полную непричастность к движению и которые содержались только незначительное время. 45.000 арестованных—вот та цифра, которая на основании различных заслуживающих доверия данных, кажется более точной и нисколько не преувеличенной.

Но, спустя несколько дней, аресты приняли более методичный характер. Войска были руководимы в своих поисках «комитетами чистки», составленными из буржуа, живших в кварталах, а также доносчиками-добровольцами. Для последних полицейские книги заявлений были всегда братски открыты, и число доносов с 24 мая по 13 июня достигло баснословной цифры 379.828.

К концу июля в Париже не было уже, можно сказать, ни одного коммунара. Из 100.000 человек, из 100.000 республиканцев и социалистов, до самого конца поддерживавших движение 18 марта, все те, которые не были убиты и расстреляны во время и после битвы, или которые не гнили в тюрьмах победителей, все бежали и направились в изгнание без надежды на возвращение.

Именно в этот момент затишья и оцепенения, наступивший вслед за последними судорогами, положение представлялось в своем истинном свете, и реакция могла точно определить размеры своего торжества. Целые кварталы лишились своего населения; жизнь как бы замерла в них. На некоторых улицах, на которых ранее работники кишели, как муравьи, остались только старухи и самые маленькие дети. 100.000 избирателей не явились к урнам при муниципальных выборах в июле месяце, т.-е. через два месяца после «Кровавой недели». В некоторых округах эта убыль обнаружилась особенно сильно; например, в XX округе число вотировавших в апреле—16.300—спустилось в июне до 6.700 человек. Таким образом около 10.000 избирателей, более трех пятых взрослого мужского населения, погибли в течение шторма.

Но вскоре один, еще более красноречивый документ, ярко и

решительно установил размер потерь, понесенных инсуррекцией, и поднял завесу над итогами этой ужасной бойни, которая совершена была армией по приказанию Тьера и буржуазии. Документом этим является исследование промышленности и торговли Парижа, предпринятое в начале осени 1871 г. членами нового муниципального совета и производившееся под руководством вождей молодого буржуазного радикализма—Ранка, Локруа и Аллэн-Тарже.

Уже генерал Аппер в своем отчете следственной комиссии о 18-м марта дал некоторые внушительные статистические данные, указывавшие на профессии осужденных коммунаров. Вот эти данные: писатели—2.901, слесаря-механики—2.664, каменщики—2.293, столяры—1.659, торговые приказчики—1.598, сапожники — 1.491, служащие—1.065, маляры—863, типографские рабочие—819, каменотесы—766, портные—681, столяры-полировщики—636, ювелиры—528, плотники—382, кожевники—347, скульпторы—283, жестяники—227, литейщики—224, шапочники—210, портнихи—206, басонщики—193, часовых дел мастера—179, позолотчики—172, печатники обоев—159, формовщики—157, картонажники—124, переплетчики—106, преподаватели—106, инструментальщики—98 и т. д. Но эти цифры, как мы видим, относились только к осужденным военными судами, т.-е. всего к 20.000 лиц из общего числа 100.000. Муниципальное исследование указало на общее число исчезнувших, мертвых, арестованных и эмигрировавших и наглядно обнаружило ужасные потери, произведенные реакцией в рядах класса пролетариев.

Перед этим ее последним преступлением все предыдущие ее преступления, бывшие в истории, в ее, по крайней мере, истории, умаляются и бледнеют. Варфоломеевская ночь не унесла с собой и 5.000 жертв, террор 1793 и 1794 г.г. считает свои жертвы разве только вдвое большим числом; но как Варфоломеевская ночь, так и террор захватили всю территорию страны. В июне 1848 г. убитых было, может быть, 10.000. На этот раз их надо считать в 30.000 вместе с другими 70.000, так или иначе вычеркнутыми если не из жизни, то из общества: это были посаженные в склепы, которые не должны были возвращать раз попавшую в них добычу, или, наконец, это были выброшенные из родного края на бесконечные скитания в изгнании. Чтобы найти в истории такие же разительные и чудовищные примеры, следует вернуться к временам Рима, Мидии и Ассирии, к страшным избиениям варвар-

5*

ских времен, когда человек был для человека волком, когда он это сознавал и открыто говорил об этом.

В данном случае столкнулись не два народа, а два класса, настолько же чуждые друг другу, как ассирийцы и евреи, карфагеняне и римляне, настолько же непримиримо враждебные, как угнетатели и угнетаемые, как грабители и обираемые, как господа и рабы, и если существует международное право и народное право между одним кабинетом и другим, между одним правительством и другим, между одной нацией и другой, то этих прав нет и не может быть для классов, которые борются за право на жизнь и на пользование плодами труда.

ЧТОБЫ НАЙТИ ЧТО-ЛИБО ПОХОЖЕЕ НА ПОВЕДЕНИЕ ТЬЕРА И ЕГО ПАЛАЧЕЙ, НАДО ВЕРНУТЬСЯ КО ВРЕМЕНАМ СУЛЛЫ И РИМСКИХ ТРИУМВИРАТОВ. ТО ЖЕ ХЛАДНОКРОВНОЕ МАССОВОЕ ИЗБИЕНИЕ ЛЮДЕЙ; ТО ЖЕ БЕЗРАЗЛИЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ ПАЛАЧЕЙ К ПОЛУ И ВОЗРАСТУ ЖЕРТВ; ТА ЖЕ ПЫТКА ПЛЕННЫХ; ТЕ ЖЕ ГОНЕНИЯ, ТОЛЬКО НА ЭТОТ РАЗ УЖЕ ПРОТИВ ЦЕЛОГО КЛАССА; ТА ЖЕ ДИКАЯ ТРАВЛЯ СКРЫВШИХСЯ ВОЖДЕЙ, ЧТОБЫ НИКТО ИЗ НИХ НЕ СПАССЯ; ТЕ ЖЕ ДОНОСЫ НА ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЛИЧНЫХ ВРАГОВ; ТО ЖЕ РАВНОДУШНОЕ ИЗБИЕНИЕ ЛЮДЕЙ, СОВЕРШЕННО НЕПРИЧАСТНЫХ К БОРЬБЕ. РАЗНИЦА ТОЛЬКО В ТОМ, ЧТО РИМЛЯНЕ НЕ ИМЕЛИ МИТРАЛЬЕЗ, ЧТОБЫ РАССТРЕЛИВАТЬ ПЛЕННЫХ ТОЛПАМИ, ЧТО У НИХ НЕ БЫЛО «В РУКАХ ЗАКОНА», А НА УСТАХ СЛОВА «ЦИВИЛИЗАЦИЯ».

КАРЛ МАРКС.

ПОСЛЕ ТРОИЦЫНА ДНЯ 1871 ГОДА НЕ МОЖЕТ УЖЕ БЫТЬ НИ МИРА, НИ ПРИМИРЕНИЯ МЕЖДУ ФРАНЦУЗСКИМИ РАБОЧИМИ И ПРИСВОИТЕЛЯМИ ПРОДУКТА ИХ ТРУДА.

КАРЛ МАРКС.

НАДО ОБРАТИТЬСЯ К ПРОСКРИПЦИЯМ СУЛЛЫ, АНТОНИЯ И ОКТАВИЯ, ЧТОБЫ ВСТРЕТИТЬ ТАКИЕ УБИЙСТВА В ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗОВАННЫХ НАЦИЙ; РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЙНЫ ПРИ ПОСЛЕДНИХ ВАЛУА, ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ, ЭПОХА ТЕРРОРА БЫЛИ В СРАВНЕНИИ С КРОВАВОЙ НЕДЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ ДЕТСКИМИ ИГРУШКАМИ.

ФИО.

III

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОММУНЫ

Артур Арну

Условия работы Коммуны

Парижская Коммуна была более, чем восстание, и нечто совершенно иное.

Она была возникновением принципа, утверждением политики. Одним словом, она не была только еще одной революцией, она была новой революцией, несущей в складках своего знамени целую самобытную и своеобразную программу.

Если мы разбиты, несмотря на величие дела и несмотря на величие народа, который пролил за него свою кровь, это зависит от почти безвыходных обстоятельств, в которых мы находились,— обстоятельств, которые не мы создавали, которым мы должны были подчиниться.

Это зависит также от недостатка ясности в политике Коммуны.

Надо, в самом деле, это признать. Парижская Коммуна, рассматриваемая, как правительственная власть, часто вела противоречивую политику. Ее ошибки и нерешительный характер ее политики имели источником причины, из которых я укажу главные.

Не успели мы собраться и вступить в исполнение своих обязанностей, как мы должны были признать тот весьма важный факт, что слова «Парижская Коммуна» разными членами собрания признавались двояко.

Для одних Парижская Коммуна выражала, олицетворяла первое применение антиправительственного принципа, войну со старым понятием единого централизованного деспотического государства.

Коммуна для них являлась торжеством принципа автономии свободно соединенных групп и возможно более непосредственного управления народа самим собой.

Для других Парижская Коммуна, напротив, была продолжением прежней Парижской Коммуны 1793 года. Она, по их мнению, была диктатурой именем народа, огромной концентрацией власти в нескольких руках, разрушением прежних учреждений, за-

меной прежде всего новыми людьми лиц, стоящих во главе этих учреждений, немедленно преобразованных в военную силу, чтобы они служили народу против его врагов.

Среди людей этой авторитарной группы не вполне исчезла идея единства и централизации.

Раскол произошел оттого, что одни, имея менее ясное представление о коммуналистической идее, хотели пользоваться средствами, создавшими политическую и буржуазную революцию 1789 г., между тем как другие объявляли, что Коммуна—революция, по существу своему социальная и народная, которая должна закончить, а вовсе не возобновлять первую революцию; старались подчеркнуть ее своеобразный характер, применять новые средства, соответствующие новому принципу, не отвергая, впрочем, ни одной энергичной меры, вызванной небывалыми обстоятельствами, в каких мы были.

Коммуна сразу должна была действовать в совершенно неподготовленной среде, не имея перед собою ни одной руководящей тропы.

Малейший промах, промах неизбежный в подобном положении, должен был обратиться против нее.

Ничего не было организовано. Ничего, что могло бы служить руководством или оказать поддержку.

Кругом ни простора ни воздуха. В распоряжении только один город и вокруг этого города две вражеские армии—пруссаки и версальцы, которые сжимали его кольцом железа и непрекращающегося огня, которые закрыли перед Коммуной мир, закрыли Францию, изолировали от всех симпатий, которые заглушали ее голос без отзвука, которые обрекали ее на ограниченную сферу деятельности в своем тесном кругу.

Большая часть членов самой Коммуны были новые люди, никогда не бывшие у дел и не имевшие возможности подготовиться при предшествовавших правительствах, потому что, благодаря системе политики единства и централизму, никто во Франции, кроме чиновников и известной категории все тех же лиц, составляющих министерства, не мог быть посвящен, ознакомлен с политической жизнью, никто не знал общественных дел, не принимал и не мог принимать участия в управлении.

Ни в думе, ни в министерствах, ни в мэриях не осталось ни одного чиновника.

Чтобы узнать, где помещаются канцелярии, чтобы найти, на-

пример, книги, где вписываются браки, рождения, смерти, приходилось обращаться к привратнику, если он остался, или терять целые дни на поиски самых простых вещей, нарочно спрятанных, а часто унесенных.

Приходилось, поэтому, все создавать от начала до конца, все вновь организовывать, начиная от ведения списков умерших и родившихся до подметания и освещения улиц.

Наконец, для борьбы у нас была национальная гвардия, удивительное войско, исполненное мужества и преданности, далеко превосходящее армию, которая никогда бы не удержала Париж в течение двух месяцев второй осады, но оно было расстроено бегством почти всех начальников и изменой некоторых из оставшихся.

Приходилось вновь создавать целый корпус офицеров, и это под неприятельским огнем, не имея времени выбирать, изменять или вводить улучшения.

Каким образом могли мы устрашить наших врагов?

Они не были у нас в руках. Они были в Версале.

Наши декреты, наши угрозы раздражали их, не затрагивая, и давали повод к клевете.

Париж принадлежал нам, мы были там хозяевами, и версальцы смеялись бы только над нашими запугиваниями и ни на один снаряд не уменьшили бы дождя бомб, падающих в осажденный город.

Несомненно, в Париже были предатели, шпионы, заговорщики, враги.

Их надо было лишить возможности действовать; это укрепило бы наше внутреннее положение, не изменив ни в чем наших внешних отношений.

Мы были слишком обременены работой, изнемогали от усталости, не имея ни минуты покоя, ни одного мгновения, когда спокойное размышление могло бы оказать свое спасительное воздействие.

Имеют ли представление о том, каково было наше существование в течение этих семидесяти двух дней? Какая разрушительная работа сушила и разрушала наш мозг?

В качестве членов Коммуны мы обыкновенно заседали два раза в день. В два часа и вечером до глубокой ночи.

Кроме того, всякий из нас принимал участие в одной из комиссий, исполняющих работу разных министерств и обязанных

управлять одним из следующих отделов: народного образования, военным, продовольствия, внешних сношений, полицией и т. д., заведывания которым было достаточно, чтобы поглотить все силы человека.

С другой стороны, мы были мэрами, гражданскими офицерами, обязанными управлять нашими соответствующими округами.

Многие из нас были командирами национальной гвардии, и между нами не было, может быть, ни одного, кто не должен был каждую минуту бежать на аванпосты, итти в форты, чтобы ободрять сражающихся, выслушивать их требования, удовлетворять их или самому обсуждать военное положение.

Каждый из нас в этих ужасных условиях, где малейшая ошибка, малейшее неверное движение могли все погубить, должен был брать на себя и благополучно вести тысячи разнообразных работ, достаточных, чтобы занять восемь или девять человек.

Мы не спали. Чта касается меня, то я не помню, чтобы я в течение этих двух месяцев раздевался и ложился десять раз. Кресло, стул, скамья на несколько мгновений, часто прерываемых, служили нам постелью.

Это существование, в котором мы изнемогали физически, несомненно, лишало мысль хладнокровия и ясности.

Ни одно заседание, добавим, не проходило без неожиданных происшествий, которые отвлекали ум от разумного и зрелого обсуждения и будили наши страсти.

Это были военные новости. Это были избиения пленных федералистов, умерщвляемых версальскими войсками. Это было известие о сестре милосердия, восемнадцатилетней девушке, изнасилованной и задушенной солдатами в то время, как она перевязывала раненого. Это был аванпост, захваченный врасплох; благодаря паролю, выданному каким-то предателем.

Это были доносы на военных делегатов, которых приказали арестовать.

Это было открытие заговора в Париже.

Это были тысячи трагических или печальных происшествий, которые, пробуждая в членах Коммуны все инстинкты справедливости и человечности, сбивали с толку, увлекали толпу и вызывали крики горя и негодования, при чем не всегда были рассчитаны выражения и значение их.

Скажут, что политическое собрание не должно давать увлекать себя подобным движениям.

Допустим! Но какое собрание могло противостоять этому?

Парижская Коммуна, провозгласившая небывало новую идею, первая революция, несущая в мир осуществление социалистической программы, не имела точки опоры и примера в прошлом, что могло бы ею руководить.

Обращаясь к 1848 году, она находила страшную борьбу, торжество которой было обеспечено средствами, соответствующими обстоятельствам и среде.

Вне ее не было ничего. Все нужно было изобретать, нужно было создавать себе политику во всем.

Неопытность Коммуны была ее несчастьем, а не ее виною, и отсутствие практического смысла, которое она проявила в некоторых обстоятельствах, еще более доказывает, насколько необходима для Франции революция, которую она хотела обосновать, если Франция не желает жалкой гибели в руках касты господствующих эксплоататоров, которая умственно истощает ее со времени торжества термидорианцев.

КОММУНА БЫЛА ТОЛЬКО БАРРИКАДОЙ, А НЕ НОРМАЛЬНО И СПОКОЙНО ДЕЙСТВУЮЩИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ.

ЛИССАГАРЭ.

КОММУНА ДОЛЖНА БЫТЬ НЕ ПАРЛАМЕНТСКИМ УЧРЕЖДЕНИЕМ, А ДЕЛОВОЙ КОЛЛЕГИЕЙ, СОЕДИНЯВШЕЙ В СЕБЕ КАК ИСПОЛНИТЕЛЬНУЮ, ТАК И ЗАКОНОДАТЕЛЬНУЮ ВЛАСТЬ.

КАРЛ МАРКС.

А. И. Молок

Женское движение

В последние дни Коммуны Феликс Пиа писал в своей газете: «Я видел три революции, но в первый раз вижу, чтобы женщины, женщины и дети бросались в нее с такой решительностью. Происходящая революция, видимо, более, чем все прежние, близка им; защищая ее, они борются за свое собственное будущее»... «Чувствуя это инстинктивно, они (женщины) берутся за кирку и строят баррикады, чтобы затем защищать их с ружьем в руках» [1]).

«Они поняли,—говорит Бенуа Малон,—что содействие женщины необходимо для торжества социальной революции, вступившей в свой боевой период; что женщина и пролетарий, эти последние угнетенные слои старого общества, могут надеяться на свое освобождение, лишь тесно сплотившись против всех форм прошлого...» [2]).

Что же сделала Коммуна для социального раскрепощения женщины? Декрет 11 апреля, назначавший пенсию вдове и детям национального гвардейца, «погибшего в борьбе за права народа», не делал различия между «законными» и «незаконными» женами и детьми [3]). «В наши дни этот принцип кажется бесспорным, но иначе обстояло дело 50 лет тому назад: так, правительство национальной бороны выдавало пособия лишь «законным» женам гвардейцев, и уничтожение этого разграничения является крупной заслугой Коммуны» [4]).

«Для освобождения женщины, для поддержания ее достоинства эти шесть слов декрета Коммуны сделали больше, чем любой из моралистов и законодателей прошлого»,—«никогда не было сде-

---

[1]) „Le Vengeur", 24 мая 1871 г.

[2]) B. Malon. „La Troisiéme defaite du proletariat francais". Neuchatel 1871; p. 272.

[3]) „Journal officiel", 11 апреля 1871. Mir. Pol. II, 524.

[4]) Лукин. „Парижская Коммуна 1871 года". Москва 1922; стр. 255.— „Pére Duchene" с восторгом приветствовал этот декрет, как разрыв с „нелепыми предрассудками", и поздравлял членов Коммуны с „богатой идеей" в нем выраженной (№ 28 от 23 жерминаля—12 апреля).

лано так много для того, чтобы возвысить женщину, никогда не ставили ее более решительно на равную ногу с мужчиной», как во время Коммуны, и что «ни одно правительство, ни одна революция так искренно братски не протягивали руку женщине, как Парижская Коммуна, социальная революция 18 марта»,— говорит Артур Арну [1]).

Лиссагарэ в восторженных выражениях рисует «храбрую, настоящую парижанку» 1871 г. «Наглые существа, недостойные названия женщины, порожденные грязью империи, последовали за своими клиентами в Версаль или начали разработку золотоносной прусской жилы в Сен-Дени. Та, которая осталась на мостовой теперь,—сильная, преданная, трагическая женщина, умеющая умирать так, как она любит, дитя той чистой и благородной струи, которая с 1789 года бьет живым ключом в народных глубинах. Товарищ в труде, она хочет разделить и смерть» [2]).

Она не удерживает своего мужа, наоборот,—побуждает его сражаться, носит ему в траншеи белье и суп, как прежде носила в мастерскую.

Она предлагает свои услуги Коммуне, требует оружия и боевых постов, возмущается трусами.

Талантливейший публицист эпохи, социалистка Андрэ Лео (г-жа Шампсэ) горячо убеждала военного делегата воспользоваться «святым огнем, которым горят сердца женщин»:

«...В настоящее время, когда Париж далеко не изобилует бойцами, когда храбрейшие из них гибнут ежедневно в неравной борьбе... когда дело справедливости во всем мире тесно связано с судьбой Парижа, содействие женщин становится необходимым. Они должны дать сигнал к одному из тех высоких порывов, которые увлекают за собой всех колеблющихся и опрокидывают всякое сопротивление... Пусть же они на деле вмешаются в борьбу, в которой участвуют уже душою. Многие этого жаждут и многие на это способны. Луиза Мишель, г-жа де-Рошбрюн и многие другие уже подали пример и составляют предмет гордости и восхищения своих братьев по оружию, которые сражаются теперь с удвоенной энергией. Когда дочери, жены, матери будут биться бок-о-бок со своими сыновьями, мужьями, отцами, тогда Париж будет охвачен настоящей страстью к свободе, по-

---

[1]) Арну, op. cit, стр. 160.

[2]) Лиссагарэ. „История Коммуны“ (изд. Глаголева); стр. 177.

добной горячке. И солдаты, уже поколебленные, которых питают обманами и клеветой, будут вынуждены признаться, что перед ними—не горсть мятежников, а целый народ, восставший против ненавистного гнета,—народ, который в лице своих женщин и мужчин, ищет свободы или смерти, и дети которого, рожденные от родителей, одушевленных подобной страстью, вырастут готовыми к мести».

11 апреля группа гражданок (une groupe de citoyennes) опубликовала следующее «воззвание к парижским гражданкам»:

«Париж подвергнут блокаде, Париж бомбардируется.

Гражданки, где же наши дети, наши братья и мужья?.. Слышите вы рев пушек и призывный звон набата?

К оружию! Отечество в опасности.

Гражданки Парижа, потомки женщин Великой Революции, которые во имя народа и справедливости отправились в Версаль и привели пленного Людовика XVI, мы—матери, жены и сестры французского народа,—допустим ли, чтобы нужда и невежество сделали врагов из наших детей, чтобы отец восстал на сына, брат на брата, чтобы они убивали друг друга у нас на глазах по прихоти наших притеснителей, сперва предавших Париж пруссакам, а теперь желающих уничтожить его?

Гражданки, настал решительный час. Надо покончить со старым миром. Мы хотим свободы. Взгляните, не только одна Франция поднимается, глаза всего цивилизованного мира направлены на Париж, все ждут нашей победы, чтобы освободиться в свою очередь.

Гражданки, решимся! Соединимся, чтобы помочь нашему делу! Будем готовы защищаться и мстить за наших братьев. К воротам Парижа, на баррикады, в предместья, все равно, куда! Будем готовы в нужный момент притти им на помощь!

Если все оружие и штыки разобраны нашими братьями, то на нашу долю остается булыжник мостовой, чтобы сразить им изменников» [1]).

В тот же день (по инициативе «группы гражданок», в зале Ларшед) состоялось первое организационное собрание Центрального Комитета Гражданок. На нем обсуждался вопрос о создании окружных комитетов, которые должны были заняться организацией «регулярных отрядов для обслуживания

---

[1]) „Journal Officiel", 11 апреля 1871 года.

походных госпиталей или рот, готовых в минуту крайней опасности—в случае вторжения неприятеля в Париж—строить баррикады и драться на них вместе с теми из наших братьев, для которых начавшаяся борьба составляет вопрос жизни или смерти» [1]).

«Вооружившись шаспо, с револьвером за поясом, с красным шарфом через плечо, женщины воодушевляли и сопровождали бойцов... Одни из них исполняют функции полицейских, арестуют нерадивых и упорствующих граждан. Другие всходят на церковные кафедры и провозглашают наступление господства человеческого разума» [2]).

Париж покрывается сетью женских организаций: рядом с окружными комитетами—отделениями женского союза—возникают «наблюдательные комитеты» (comités de vigilance) и многочисленные благотворительные общества, вроде «Общества солидарности женщин VI округа», «Комитета дам-благотворительниц», «республиканского комитета XII округа» по борьбе со скрытой нищетой» [3]).

Все эти организации, не будучи резко-классовыми по составу, стоят на революционной платформе «республики и коммуны» против монархического собрания и правительства в Версале. Рабочие элементы преобладают в женском союзе и в наблюдательных комитетах,—отсюда социалистическая окраска и боевой революционный дух их деклараций. Наоборот, в чисто-благотворительных организациях доминируют мелкобуржуазные элементы.

Во главе женского союза стоят работницы: Аделаида Валентен, Жозефина Пратт, сестры Дельвенкье, Алина Жакье, учительницы Наталия Лемель, Лелу; Бланш Лефевр и русская революционерка Елизавета Дмитриева. Во главе наблюдательных комитетов—Пуарье, Экскоффон, Барруа, Блен, писательница Андрэ Лео, русская Анна Жаклар (урожденная Корвин-Круковская), «красная дева» Луиза Мишель, учительница по профессии, и многие другие.

В связи с общим подъемом женского самосознания во время Коммуны, среди женщин-работниц наблюдалась сильная тяга к профессиональной организации. Созывая на 15 мая общее делегат-

---

[1]) „Journal Officiel", 14 апреля 1871 года.

[2]) Барон М. де-Вилье, op. cit., стр 419.

[3]) „Le Cri du Peuple" 10 апреля 1871. „Le Mot d'Ordre", 15 апреля 1871. М. Р. II, 335.

ское собрание всех рабочих синдикатов, «комиссия по обследованию и организации труда» обращалась с особенным призывом к гражданкам, «преданность которых социальной революции так драгоценна и нужна, не оставаться равнодушными к столь важному вопросу труда». «Пусть труженицы различных профессий, как то: прачки, швеи, модистки, работницы, занятые обработкой страусовых перьев и выделкой искусственных цветов и т. п., объединятся в синдикаты и пришлют своих делегаток в комиссию по обследованию и организации труда» [1]).

Через несколько дней, учитывая наличие в Париже крепкой женской организации в лице «Союза женщин для защиты Парижа и помощи раненым», комиссия труда и обмена решила передать в руки последнего всю работу по организации женского труда и женских синдикатов. Центральный Комитет Союза выпустил воззвание, приглашавшее всех работниц явиться 18 мая в здание Биржи для выбора делегаток от каждой профессии в совет соответствующих синдикальных камер, каждая из которых должна, в свою очередь, послать по две делегатки в Федеральную Палату Работниц (Chambre Fédérale des Travailleuses) [2]). Второе собрание, которое должно было быть окончательным, было назначено на 21 мая, но не состоялось [3]).

Специфически женский, феминистский элемент играл ничтожную роль в женском движении во время Коммуны, носившем, по преимуществу социальный характер. Не буржуазные феминистски-суфражистки, а социалистически настроенные работницы составляли главное ядро армии коммунарок. Эксплоатируемые вдвойне, и как работницы, и как женщины, они поднялись вместе со своими мужьями и братьями против колоссальной социальной несправедливости, имя которой—капиталистическое общество. Они избегали выделять свои чисто женские интересы из интересов всего пролетариата, сознавая, что только в тесном единении работниц с рабочими лежит залог победы трудящихся, которая одна даст женщине полное освобождение—экономическое, социальное и политическое—и фактическое (а не только бумажное) уравнение с мужчиной.

«Я еще не слышал, чтобы кто-либо из них требовал равенства полов перед избирательной урной, но они горячо добиваются для

[1]) „Journal Officiel", 10 мая 1871.

[2]) Там же, 18 мая 1871.

[3]) Там же, 21 мая 1871.

себя титула гражданина и, что еще больше, поступают как гражданки»,—отмечает в своем дневнике Эли Реклю [1]).

Далее Реклю сообщает: «Ежедневно повторяются теперь факты, подобные приводимым газетою «Право» (Le Droit). Несколько женщин было убито и ранено в деле при Нейи. Вот маркитантка: раненая в голову, она дала перевязать свою рану и возвратилась на свое место. В рядах 61 батальона сражалась энергичная женщина, она убила нескольких жандармов и городовых на Шатильонском плато. Маркитантка, задержавшаяся с группой национальных гвардейцев, заряжала свое ружье, стреляла, разряжала его без перерыва; она удалилась почти последней, оборачиваясь каждую минуту, чтобы сделать выстрел» [1]).

Другая газета отмечала «среди самых неустрашимых героинь» гражданку Эд, жену одного из генералов Коммуны, а также «героическое поведение» гражданки Луизы Мишель и г-жи де-Рошбрюн, «вдовы прославленного борца за независимость Польши». «Обе дамы под градом вражеских пуль подбирают раненых, а иногда и сами стреляют» [2]).

Некоторые женщины упоминались в приказах по полку, как, например, гражданка Сэнтоз, жена капитана 1 батальона «Мстителей Парижа», или гражданка Желен, маркитантка 3 роты 219 батальона. Отмечая мужество, проявленное последней, офицеры и гвардейцы батальона писали: «Говорят, что Империя испортила наших женщин. Если это так, то Коммуна их возрождает, и мы можем гордиться этим» [3]).

«Вчера (читаем в газете «Пер-Дюшен»), проходя через площадь Согласия, Пер-Дюшен встретил длинную колонну гражданок, которые тоже шли в бой, чтобы иметь свою долю в нашей победе. Это напомнило ему нашу Великую Революцию, их предков, женщин 92 года, шедших в Версаль с барабанным боем; при этом воспоминании Пер-Дюшен испытал огромное удовлетворение!

Он благодарит храбрых гражданок, которые идут навстречу смерти, чтобы поддержать мужество патриотов, которые могут, в разгар боя, вдруг пасть духом при мысли о них! Среди них вчера были убитые!

Павшие на поле чести смертью храбрых, они умерли, не сводя

---

[1]) Reclus, „La Commune de Paris. Au jour le jour". Paris 1908; p. 262. (9—V).
[2]) Reclus op. c., p. 304.
[3]) „Le Vengeur", 12 апреля 1871.
[4]) „Le Cri du Peuple", 25 апреля 1871; 13 мая 1871.

глаз с красного знамени; их последний вздох и последняя мысль принадлежали Республике!

Да здравствует Коммуна! Женщины Революции не вырождаются!».

«Если война будет длиться,—писал Реклю,—у нас, без сомнения, будут целые женские батальоны, даже молодые девушки все пойдут на войну, как этого требует уже госпожа Андре Лео. Наши поэты, романисты, моралисты и драматурги, которые знали только кокоток с бульваров, графинь, маркиз, откроют, может быть, ныне, что из рядов народа выходит новое поколение женщин, которые не были воспитаны на коленях у церкви. Они хотят быть свободными и ныне уже ими стали. С ними мужчинам придется соперничать не только в расточительности и легкомыслии, но и в постоянстве, в энергии, труде и честности. Найдутся такие, которым это покажется в тягость» [1]).

Наступают последние, кровавые дни Коммуны. По свидетельству всех, даже реакционных, историков и публицистов, в эти страшные дни парижские работницы проявили необычайное мужество.

«Войска истощены, изнурены, последние бойцы пали,—пишет буржуазный историк Ганото,—женщины и дети стоят на баррикадах и стреляют. Страшная энергия двигает их хрупким мужеством,—они еще сражаются, когда мужчины покидают баррикады» [2]).

Франциск Сарсэ, злобный реакционер, непримиримый ненавистник Коммуны, писал в газете «Gaulois» от 13 июля: «Все женщины, которых казнили раздраженные солдаты, умерли с проклятиями на устах, с презрительной усмешкой, как мученицы, которые, принося себя в жертву, выполняют этим высший долг» [3]).

«На площади Бланш батальон женщин, под командой героической Луизы Мишель и русской Дмитриевой, уже накануне (22 мая) сражавшийся в Батиньоле, проявил чудеса храбрости. Когда позицию уже невозможно было удерживать, батальон отбежал на несколько сот метров далее, на площадь Пигаль, где вновь боролся с неприятелем; и так, отступая с одной баррикады,

---

[1]) Reclus, op. c., стр. 305—306.

[2]) G. Hanotaux, „Histoire de la France contemporaine". Paris 1904; I, 205.

[3]) Луи Дюбрейль. „Коммуна 1871 года". (Пер. Н. Тютчева.) Петроград 1920; стр. 247.

чтобы возобновить эту жестокую борьбу на следующей, батальон этот сражался до последнего дня» [1]).

По словам Луизы Мишель, «в майские дни более десяти тысяч женщин, поодиночке или группами, сражались в Париже за свободу» [2]).

Таковы были женщины Коммуны,—эти, по выражению Маркса, «истинные парижанки, такие же героические, великодушные и самоотверженные, как женщины классической древности» [3]).

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В БОРЬБЕ — ОДНА ИЗ НАИБОЛЕЕ СЛАВНЫХ СТРАНИЦ В ИСТОРИИ СЛАВНОЙ БОРЬБЫ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ.

И. СТЕПАНОВ.

---

1) Луи Дюбрейль, op. c., стр. 223—224.
2) L. Michel, „La Commune“. Paris 1898; p. 266.
3) К. Маркс, „Гражданская война во Франции в 1870—1871 году“.

Н. Лукин

Законодательная деятельность Коммуны

Несмотря на сокращение числа занятых в производстве рабочих с 600 тыс. (по данным 1870 г.) до 114, из которых 62.500 были женщины [1]), и другие неблагоприятные условия,—в виде понижения заработной платы предпринимателями,—профессиональное и кооперативное движение продолжало развиваться и при Коммуне.

Возникают новые синдикальные камеры и рабочие кооперативы, втягивая в движение наиболее отсталые профессии.

Тяга к профессиональной организации замечалась и среди женщин-работниц. В Париже имелась революционная женская организация—«Женский союз для защиты Парижа и помощи раненым», во главе которого стояли женщины-социалистки, в том числе несколько работниц [2]).

Предварительная разработка всех декретов по рабочему вопросу была возложена Коммуной на Комиссию «Труда и Обмена», состоявшую, за исключением одного члена, из рабочих-интернационалистов.

Комиссия поняла свою задачу весьма скромно: «изучение всех реформ, необходимых как в общественных учреждениях Коммуны, так в области отношений между рабочими и работницами, с одной стороны, и их хозяевами—с другой, пересмотр законов, относящихся к области торговли, пересмотр таможенных тарифов, реорганизация всех прямых и косвенных налогов, организация статистики труда» [3]).

Сконструировавшись, Комиссия Труда и Обмена обратилась

---

[1]) Bourgin. „Histoire de la Commune", p. 131.

[2]) Аделаида Валентен, Селина Дельвенкье, Жозефина Пратт и др.

[3]) Дюбрейль, „Парижская Коммуна", стр. 136. В начале в комиссию вошли: Малон, Франкель, Тейс, Авриаль, Луазо-Пензон, Е. Жерарден и Пюжс. После реорганизации комиссии 21 апреля состав несколько изменился (Тейс, Малон, Серайе, Лонге и Шален). („J. O.", 30/III, 22/IV). Уже в самом названии этой Комиссии чувствуется влияние прудонизма.

за содействием к делегатам Комитетов двадцати парижских округов, рабочим обществам и федеральным палатам, приглашая немедленно войти с ней в сношения.

Инициатива всех важнейших декретов по рабочему вопросу исходила от Комиссии Труда и Обмена [1]).

К таковым, прежде всего, относится декрет Коммуны, воспрещавший ночной труд в булочных. Это требование давно уже выставлялось союзом рабочих-булочников [2]).

20 апреля ночная работа в булочных была отменена распоряжением Исполнительной Комиссии Коммуны, мотивированным «справедливыми требованиями всего цеха рабочих-булочников».

Декрет вызвал упорную оппозицию со стороны владельцев булочных. Хозяева устраивают ряд собраний и требуют отсрочки его применения, ссылаясь на невозможность немедленно перейти к новым распорядкам в производстве. Ночная работа продолжает производиться. Отношения с рабочими обостряются: пекаря грозят, в случае дальнейшего упорства со стороны «патронов», разломать печи.

В виду создавшегося положения, вопрос пришлось вынести на обсуждение Коммуны, которая оставила в силе декрет 20 апреля. Но оппозиция хозяев-булочников была сломлена не сразу. Об этом свидетельствует декрет от 4 мая, изданный Коммуной по предложению Комиссии Труда и Обмена и угрожавший хозяевам за всякие нарушения постановления от 20 апреля реквизицией выпеченного ночью хлеба, который поступит затем на нужды благотворительных учреждений города.

Как бы то ни было, воспрещение ночной работы в пекарнях являлось существенным принципиальным завоеванием парижского пролетариата и крупной заслугой Коммуны, опередившей изданием этого декрета не только тогдашнее, но отчасти и современное нам фабричное законодательство.

Но вопрос о законодательном ограничении рабочего дня до 8 часов для всех пролетариев, как это ни странно, не был выдвинут Комиссией Труда и Обмена, хотя еще первый (Женевский) конгресс Интернационала принял резолюцию в пользу 8-часового рабочего дня. Лишь при обсуждении положения рабочих, заня-

---

[1]) При Комиссии Труда и Обмена была организована особая „инициативная“ подкомиссия из 9 членов, „J. Off.“ 5/IV.

[2]) „Les 31 Séances“, p. 110 („J. Off.“, 29/IV).

тых у казенных подрядчиков, Франкель предлагал Коммуне внести в обязательные условия договоров о подрядах пункт об ограничение рабочего времени 8-ю часами [1]).

В смысле вмешательства в отношения между трудом и капиталом важное значение имел также декрет 26 апреля, воспрещавший штрафы и всякого рода вычеты из заработной платы, столь процветавшие при Империи.

Коммуна взяла власть в момент острой безработицы в Париже; много предприятий закрылось в силу общего кризиса (отсутствие заказов, кредита и т. п.), другие были брошены бежавшими из столицы предпринимателями. Огромная часть безработных отлила в национальную гвардию [2]), но и за всем тем число остававшихся без заработка было весьма значительно, особенно среди работниц.

С точки зрения борьбы с безработицей и регулирования рынка труда важное практическое значение имело распоряжение Комиссии об открытии в каждой мэрии [3]) записи предложений труда и спроса на него. В одну книгу безработные должны были заносить свои фамилии с указанием условий, на которых лежали бы получить ту или другую работу. В другую—записывают требования на рабочих и свои условия «компании, всякого рода предприниматели, заводчики, фабриканты, негоцианты и т. д.».

Некоторые округа успели приступить к практическому осуществлению этого постановления. Так, с 10 мая биржа труда для булочников была открыта при мэрии III округа. Администрация мэрии выражала надежду, что с закрытием частных контор будет «положен конец эксплоатации, жертвой которой был рабочий», и в то же время хозяину будут облегчены поиски необходимых для его предприятия рабочих.

В качестве муниципальной и в то же время центральной власти, Коммуна сама являлась предпринимателем, у которого были заняты тысячи всякого рода чиновников, служащих и рабочих, которые вправе были рассчитывать на улучшение своего положения при пролетарской власти.

---

[1]) „Les 31 S.“, p. 218. Введение 8-час. рабочего дня для всех рабочих в этот момент было особенно необходимо, как одна из наиболее действительных мер борьбы с безработицей.

[2]) Национальные гвардейцы получали полтора франка (55 к.) в день жалованья. Их жены получали пособие в 75 сант.

[3]) Париж был разделен на 20 округов, или „мэрий“.

И они не ошиблись в своих ожиданиях. Сократив оклады высшей администрации, установив максимум вознаграждения в 6.000 фр. в год, воспретив совместительство и даже оплату дополнительных (сверхурочных, работ [1]), Коммуна почти удвоила жалованье учителям и учительницам, подняв его до 2.000 фр., а помощникам их—до 1.500 фр. В почтовом ведомстве, во главе которого стоял рабочий-социалист Тейс, были повышены оклады почтальонам, кучерам, служащим отделений и другим низшим чиновникам, «сверхурочная работа была ограничена самым необходимым временем». Способности рабочих должны были отныне устанавливаться посредством испытания, равно как род и количество их работы [2].

Оклад комиссара Коммуны при казенных оружейных мастерских был установлен в 250 франков в месяц, заведующего мастерской—в 210 фр. [3]).

Все мероприятия, с которыми мы до сих пор познакомились, вели к улучшению положения пролетариев, как продавцов своей рабочей силы, и укрепляли позицию труда в его борьбе с капиталом на экономической почве. Но при всем том Коммуна оставалась здесь на почве существующих капиталистических отношений. Она не поставила в порядок дня «экспроприацию экспроприаторов», но один из ее декретов делал первый, хотя весьма робкий, шаг в этом направлении.

Издание этого декрета мотивировалось тем, что владельцы некоторых промышленных предприятий, не желая «исполнять своих гражданских обязанностей» [4]), трусливо бросили свои фабрики и заводы, чем поставили в безвыходное положение своих рабочих. Таким образом остановились многие предприятия, имевшие весьма существенное значение в экономической жизни страны.

16 апреля Коммуна постановила создать Анкетную Комиссию из представителей рабочих союзов. Эта Анкетная Комиссия должна была, во-первых, предпринять статистическое обследование брошенных хозяевами мастерских, выяснить в точности число таких предприятий, учесть находящиеся в них орудия труда, отметить их общее состояние. Во-вторых, представить доклад с из-

---

[1]) Les 31 Séances, p. 249. Сами члены Коммуны совмещали по несколько должностей, но никто из них не получал более 500 фр. в месяц.

[2]) См. доклад Тейса, приведенный у Лиссагарэ в приложениях (стр. 483).

[3]) Enq. Parl., III, 243.

[4]) Декрет имел в виду бегство буржуазии перед первой и второй осадой.

Коммунарки в плену у Шантьера в Версале

ложением практических средств, с помощью которых можно было бы немедленно пустить брошенные предприятия в ход, но уже не силами хозяев-дезертиров, а силами «кооперативной ассоциации занятых в них рабочих».

Декрет 16 апреля имел больше принципиальное, чем практическое значение, но он важен тем, что привлекал рабочие организации к решению социально-экономических вопросов, выдвинутых революцией 18 марта. Как бы скромна не была идея, лежащая в его основе, она давала известное представление о требованиях передовых слоев пролетариата и будила в массах социалистическую мысль, впервые, наконец, ставила на практическую почву, хотя бы частичную, передачу управления предприятиями в руки самих рабочих.

В практике Коммуны можно даже указать на зародыши государственного и рабочего контроля над крупными предприятиями.

Чтобы предотвратить саботаж железнодорожной администрации и обеспечить регулярный подвоз продовольствия к Парижу, а также правильное обслуживание линии фортов, 16 апреля Исполнительная Комиссия назначила уполномоченного по надзору и контролю над железными дорогами.

Привлечение рабочих к управлению и контролю имело место лишь в правительственных учреждениях и предприятиях. Так, напр., Тейс организовал в своем ведомстве почт Совет, куда наряду с представителями администрации ввел двух старших почтальонов, а Луи Дебок предоставил рабочим государственной типографии право выбирать средне-технический персонал [1]).

Коммуне не чужда была, повидимому, идея организации социального страхования. По крайней мере, в докладе, представленном Комиссии Труда и Обмена по вопросу о ликвидации ломбарда, говорилось, что недостаточно закрыть подобные учреждения: необходимо поставить пролетариат в такое положение, чтобы ему не было надобности к ним обращаться.

«Действительно,—читаем в этом докладе,—ссуды под залог вещей оказывают экстренную помощь рабочим классам в случае остановки предприятия или болезни, в случаях часто повторяющихся, которые социальная организация, основанная на справедливости, должна предвидеть и оказывать безвозмездную помощь»...

---

1) Liss., 503, 505.

Из приведенной цитаты видно, что Комиссия Труда и Обмена уже подошла к необходимости организовать социальное страхование на случай болезни и безработицы.

В качестве меры неотложной необходимости перед Коммуной стояло обеспечение инвалидов и семей национальных гвардейцев, павших в борьбе с версальцами. Декрет 11 апреля назначал вдове национального гвардейца, «погибшего в борьбе за права народа», ежегодную пенсию, в размере 600 фр. На каждого из детей, не достигшего 18-летнего возраста, полагалось по 365 франков. Круглые сироты должны были воспитываться и получать за счет Коммуны «всестороннее образование, необходимое для того, чтобы жить своим трудом в обществе».

Назначая пенсию вдове или детям федералиста, павшего на службе Коммуны, декрет не делал различия между «законными» и «незаконными» женами и детьми. В наши дни этот принцип кажется бесспорным, но иначе обстояло дело 50 лет тому назад: так, правительство национальной обороны выдавало пособия лишь «законным» женам гвардейцев, и уничтожение этого разграничения является крупной заслугой Коммуны.

Могли рассчитывать на получение пенсии от 100 до 800 фр. и другие родственники убитого федералиста, если бы они доказали, что пользовались его материальной поддержкой [1]).

Пособие инвалидам устанавливалось в размере от 300 до 1.200 фр. в год. Жены национальных гвардейцев, раненых и находящихся на излечении в госпиталях, получали пособие до 1 фр. в день, сами раненые—50 сантимов. 17 мая Коммуна постановила, что всякий гражданин, который принимает участие в защите республики и коммунальных свобод, вправе рассчитывать на пенсию в размере 300 фр., которая будет уплачиваться по триместрам, по истечении трех месяцев с того дня, когда «защитниками республики будет одержана полная победа над версальскими роялистами» [2]).

Считая, что организация помощи нуждающимся достаточно налажена, Коммуна повела энергичную борьбу с нищетой и проституцией.

17 апреля делегат Общественной Безопасности издал следующий приказ: «Принимая во внимание, что нищенство приняло

---

1) J. O. 11/IV.

2) M. Pol, II, 308 (№ 165) „J. O.“ 19/V.

значительные размеры; что окружные муниципалитеты... принимают меры к удовлетворению действительно нуждающихся; что при таких условиях нищенство является не чем иным, как системой организованной эксплоатации, Комиссия Безопасности постановляет: 1) «Нищенство воспрещается. 2—3) Всякий, уличенный в занятии нищенством, подлежит немедленному аресту и преследованию по закону».

Борьбу с проституцией начали коммунальные делегации отдельных округов. Так, во II округе были закрыты «дома терпимости» и «абсолютно воспрещено» появление на улицах женщин, занимающихся проституцией. Надзор за выполнением этого распоряжения возлагался на местную национальную гвардию, которой предписывалось немедленно арестовывать проституток, нарушающих означенное постановление [1]).

В развитых здесь идеях сказываются социалистические тенденции Коммуны; в обществе свободных работников не должно быть места эксплоатации человека человеком, а тем более, унижающему человеческое достоинство ремеслу «белых рабынь». Аналогичные предписания об аресте появляющихся в публичных местах проституток и пьяных были изданы мэриями IX и X округов [2]).

Коммуна не поставила жилищного вопроса во всей его широте, не провела социализации домов, но в своем заседании 24 апреля она высказалась за реквизицию пустующих квартир, оставленных съемщиками до или после 18 марта 1871 г. Декрет был издан по частному поводу, в связи с необходимостью разместить население разгромленных артиллерией версальцев частей города.

Судя по некоторым данным, декрет о реквизиции необитаемых

---

1) Коммуна подходила к женскому вопросу и в других декретах. Мы уже говорили, что право на получение пенсий было предоставлено Коммуной безразлично как „законным", так и „незаконным" женам и детям убитых и искалеченных национальных гвардейцев. Председателю вновь организованного гражданского трибунала было предоставлено назначать женщине, требующей развода, временную, впредь до окончательного решения суда, пенсию на прожитие, чем значительно облегчались трудности развода. В заседании Коммуны 17 мая Везинье предложил в отмену закона 1816 года узаконить всех детей, признанных их родителями, не признанных—усыновить Коммуне, а также ввести свободный гражданский брак основанный на взаимном согласии,— брак для мужчин, достигших 18-летнего, а женщин — 16-летнего возраста. Издать соответствующий декрет Коммуна не успела („Les 31 S.". 239—240).

2) „J. O.", 18/V, M. P. II, 465, 546.

квартир вовсе не остался только на бумаге. 10 мая на улицах Парижа было расклеено объявление от Коммуны, приглашавшее собственников, арендаторов или консьержей домов, где имеются свободные квартиры, заявить о таковых не позже следующего дня под угрозой законного преследования.

Домовладельцам предписывается, под угрозой взысканий, сообщить о таковых в мэрию немедленно. Пустующие помещения должны быть предоставлены в распоряжение граждан, пострадавших от бомбардировки. Под страхом суровых наказаний домовладельцы и консьержи не имеют права отказывать в помещении лицам, имеющим от мэрии соответствующий ордер. Надзор за строгим выполнением настоящего приказа возлагался на национальную гвардию и комиссаров полиции.

Декрет об отсрочке квартирной платы задевал интересы домовладельческой буржуазии, доходы которой в течение последних десятилетий перед войной увеличились в огромных размерах благодаря росту цен на всякого рода наемные помещения.

В Париже не было железных рудников или угольных копей, но в нем находились правления пяти крупнейших железнодорожных компаний, в руках которых сосредоточивалась почти вся рельсовая сеть страны.

Тем не менее вопрос о национализации железных дорог не был поставлен в Коммуне. Правда, на одном из заседаний Жоаннар потребовал, чтобы все имущество компании Северной железной дороги было конфисковано в пользу государства, если в течение 48 часов не будет восстановлено правильное железнодорожное движение [1]).

Во главе делегации, ведавшей народное просвещение, стоял один из образованнейших членов Коммуны—инженер и врач Вайян. Его ведомство не менее прочих было дезорганизовано саботажем административного и преподавательского персонала. Для восстановления нормальных занятий в высшей школе Вайян обращался за помощью к ученым, не принадлежащим к академической среде.

Восстановлению нормального функционирования художественных музеев немало способствовала возникшая в середине апреля свободная ассоциация художников. Она выделила из своей среды комиссию в составе 47 человек, куда вошли художники, скуль-

---

[1]) „Les 31 S.“, 105—106 („J. O.“, 29/IV).

пторы, архитекторы, гравера-литографы и представители художественного ремесла.

Душой этой организации, в которую должны были также войти артисты оперы и драмы, были великий революционер в области искусства, член Коммуны художник Курбе, талантливый скульптор Далю и другие. Комиссия как бы заняла место прежнего ведомства изящных искусств.

Ассоциация художников была привлечена к реорганизации Лувра, Люксембургского музея и Дворца Промышленности (Palais de l'Industrie), персонал которых был значительно обновлен по ее указаниям.

Коммуна поручила Курбе в кратчайший срок привести в нормальный вид парижские музеи, открыть галлереи для публики и содействовать возобновлению работ, которые обычно в них производились. Люксембургский музей был открыт с половины мая. Ассоциация же давала звание профессора рисования и лепки [1]).

Издавая распоряжения о разрушении дома Тьера, Коммуна приняла меры к охране ценнейших художественных коллекций и книг, находившихся в особняке главы версальского правительства, для чего выделила особую комиссию из художников и литераторов [2]).

Что касается театров, то они были переданы в ведомство просвещения лишь 20 мая. Особый декрет отменял выдачу казенных пособий театрам и, таким образом, уничтожал их монопольное положение. В то же время делегату по просвещению вменялось в обязанность положить конец «системе эксплоатации артистов директорами или театральными обществами» путем преобразования театральных предприятий в товарищества самих артистов [3]).

Больше всего делегация по просвещению уделяла внимания начальному образованию. Как помнит читатель, при Второй Империи низшая школа находилась почти целиком в руках духовенства. С изданием декрета об отделении церкви от государства должен был быть положен конец влиянию монашеских конгрегаций на воспитание подрастающего поколения.

---

1) „J. Off.", C. 22/IV, 13/IV (p. 523), 10/V, 16, 17, 20/V.
2) „Les 31 S.", 219—220.
3) „J. O.", 21/V.

Коммуна провозгласила принцип «обязательного, светского и бесплатного» образования [1]), но провести его немедленно в жизнь при тогдашних условиях было чрезвычайно трудно. С переходом власти в руки рабочего правительства началось массовое бегство учителей-церковников из школ.

Довольно медленно осуществлялось и удаление из школьных помещений предметов культа. «Скоро,—читаем в «Официальном Журнале» от 12 мая,—религиозное воспитание исчезнет из парижских школ. Однако во многих школах еще и теперь остаются следы этого воспитания в виде Распятий, Мадонн и других реликвий. Преподаватели и преподавательницы должны распорядиться об удалении этих предметов культа, присутствие которых несовместимо с принципом свободы совести. Металлические предметы подобного рода должны быть описаны и отправлены на Монетный Двор [2]).

Особое внимание делегация по просвещению уделяла вопросу о создании—на-ряду с общеобразовательными—профессиональных школ, в чем, между прочим, несомненно, сказалась пролетарская сущность правительства Коммуны.

«Необходимо,—писал в одном из своих циркуляров Вайян,—чтобы коммунальная революция закрепила свой социалистический по сути характер реформой в области просвещения. Важно, чтобы каждому была обеспечена истинная основа социального равенства—общее образование, на которое всякий имеет право; но в то же время необходимо облегчить ему прохождение ученичества и дальнейшую работу в отвечающей его вкусам и привычкам профессии».

Успеху идеи чисто-светского образования в немалой степени могла содействовать анти-религиозная пропаганда.

Многие из церквей, где за арестом священников прекратилось богослужение, были заняты под красные клубы. Так, клуб якобинцев водворился в церкви Vaugirard, клуб Социальной Революции—в церкви св. Иоанна Батиньольского и т. д. Такое использование церковных помещений могло иметь известное агитационное значение.

---

1) Требование „дарового, светского и общего (integrale) образования“ издавна было популярно в рабочих кругах. Мы встречаем его, например, в воззвании Федерального Совета парижских секций Интернационала, выпущенном перед выборами в Коммуну. (См. Elections des 26 mars. etc. Mailard, p. 72).

2) „J. O.“, 12/V.

Авторитет духовенства в значительной степени должен был поколебаться после разоблачений преступлений, имевших место в церкви св. Лаврентия, в склепе которой были найдены кости женщин, завлеченных силою или обманом, изнасилованных монахами и заживо погребенных затем в церковном подземельи.

Крупное агитационное значение имели декреты Коммуны об уничтожении капеллы Людовика XVI, самое существование которой являлось «вечным оскорблением первой Революции» и выражением «постоянного протеста реакции против народной справедливости»; о срытии церкви, сооруженной на месте июньской бойни, и разрушении Вандомской колонны [1]).

Последним постановлением Коммуна хотела демонстрировать свой антимилитаризм. В этом отношении интересна мотивировочная часть декрета: «Парижская Коммуна,—говорится там,—принимая во внимание, что императорская колонна на Вандомской площади представляет собой варварский монумент, символ грубой силы и ложной славы, апологию милитаризма, отрицание международного права, постоянное издевательство победителей над побежденными, вечное посягательство на один из трех главных принципов французской республики—на принцип братства,—постановила: Ст. I и единственная: Вандомская колонна должна быть уничтожена».

Разрушая памятник, сооруженный в честь побед, одержанных буржуазной Францией над полуфеодальной Европой, Коммуна как бы осуждала всякое участие рабочих в будущих войнах между буржуазными правительствами. Классовая борьба международного пролетариата против мирового капитала вплоть до уничтожения капиталистической системы—таков был завет коммунаров будущим поколениям.

«Коммуна,—говорит по этому поводу Дюбрейль,—низвергла бронзовую статую «Человека Вандомской площади», Наполеона Аустерлица и Иены, Ваграма и Эйлау, который в течение пятнадцати лет топтал народы... Гордая колонна пала... на глазах, с одной стороны, французской армии, осаждавшей Париж под начальством бонапартистских генералов, а с другой—прусских армий, которые два месяца перед тем блокировали и взяли этот самый Париж.

---

[1]) Вандомская колонна, или колонна „Великой Армии" была отлита из бронзовых пушек, захваченных у неприятеля в 1805 г.; в виде барельефов изображались подвиги Наполеона I, статуей которого увенчивалась колонна.

«На обязанности Коммуны лежал долг свергнуть этот символ деспотизма: она исполнила его. Она доказала этим, что ставит право выше силы и предпочитает справедливость убийствам, хотя бы они и приводили к торжеству.

«Пусть каждый твердо знает: колонны, которые может воздвигнуть Коммуна, никогда не прославят какого-нибудь исторического разбойника, но запечатлеют в памяти потомства какие-либо славные завоевания в области науки или в достижении свободы.

«С этого времени Вандомская площадь будет называться «Международной площадью».

Коммуна не раз подчеркивала свой интернационализм и в других своих актах. Слагая с себя полномочия временного правительства, ЦК писал, обращаясь к национальным гвардейцам: «Твердо и мужественно идите по пути будущего, докажите собственным примером, чего стоит свобода, и вы, без сомнения, достигнете нашей ближайшей цели—всемирной республики».

Мандатная комиссия Коммуны утвердила избрание венгерца Франкеля, исходя из того принципа, что «знамя Коммуны есть знамя всемирной революции». В своем обращении к национальной гвардии по поводу назначения поляка Домбровского комендантом, Исполнительная Комиссия рекомендовала его парижскому населению, как «самоотверженного преданного солдата всемирной республики».

ВЕЛИКИМ СОЦИАЛЬНЫМ МЕРОПРИЯТИЕМ КОММУНЫ БЫЛО ЕЕ СОБСТВЕННОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ.

КАРЛ МАРКС.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА, ПРОВОЗГЛАСИВШАЯ НЕБЫВАЛО НОВУЮ ИДЕЮ, ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, НЕСУЩАЯ В МИР ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ, НЕ ИМЕЛА ТОЧКИ ОПОРЫ И ПРИМЕРА В ПРОШЛОМ, ЧТО МОГЛО БЫ ЕЮ РУКОВОДИТЬ.

АРТУР АРНУ.

Документы Коммуны

1

Воззвание Тьера по поводу Центрального Комитета

Национальные гвардейцы Парижа!

Комитет, принявший имя центрального, захватил несколько пушек, покрыл Париж баррикадами и овладел в течение ночи министерством юстиции.

Он открыл стрельбу по защитникам порядка: он произвел аресты, он хладнокровно умертвил генерала Клемана Тома и генерала французской армии Леконта.

Кто же члены этого комитета?

Никто в Париже не знает их; их имена неведомы миру. Никто не может даже сказать, к какой партии они принадлежат. Коммунисты они, бонапартисты или пруссаки? Или агенты какой-то тройственной коалиции? Но кто бы они ни были,—они враги Парижа, который они предают разграблению; они враги Франции, которую они предают пруссакам; они враги республики, которую они предают деспотизму. Их страшные преступления лишат тех, кто решится последовать за ними или подчиниться им, всякого права на снисхождение.

Захотите ли вы взять на себя ответственность за учиненные ими убийства, за разрушение, которое они произведут? Тогда останьтесь дома. Но если вам дороги честь и ваши священные интересы, присоединяйтесь к правительству республики и к Национальному Собранию.

Министры, находящиеся в Париже: Дюхор, Жюль Фавр, Эрнест Пикар, Жюль Симон, адмирал Потюо, генерал Ле-Фло.

Париж 19 марта 1871 г.

2

Воззвание Центральн. Комитета о совершившемся перевороте

К народу!

Граждане!

Парижский народ свергнул ярмо, которое пытались наложить на него.

Спокойный, невозмутимый в своей силе, он без страха и без вызова ждал лишь того момента, когда наглые безумцы осмелятся посягнуть на нашу святыню—республику.

На этот раз наши братья, солдаты армии, отказались поднять руку на святыню нашей свободы. Мы выражаем нашу благодарность всем; пусть теперь Париж, а с ним и вся Франция, создаст прочный фундамент для истинной республики, единственного правительства, которое навсегда положит конец эпохе враждебных нашествий и гражданских войн. Осадное положение снято.

Население Парижа приглашается явиться в свои секции для производства коммунальных выборов.

Безопасность граждан обеспечена, благодаря содействию Национальной Гвардии.

Центральный Комитет Национальной Гвардии:

Асси, Билльорэ, Ферра, Бабик, Эд, Моро, К. Дюпон, Варлен, Бурсье, Мортье, Гуйе, Лавалотт, Фр. Журд, Руссо, Ш. Люллье, Бланше, Ж. Гроллар, Барру, Жерем, Фабр, Пужере.

Городская Ратуша Парижа, 19 марта.

3

Воззвание о провозглашении Коммуны

Граждане!

Коммуна учреждена.

Голосование 26 марта санкционировало победу революции. Подлая власть напала на вас, схватив вас за горло; в законной самозащите вы прогнали от ваших стен правительство, желавшее обесчестить вас и навязать вам короля.

Вы не хотели преследовать преступников, теперь они злоупотребляют вашим великодушием и организуют у самых ворот города очаг монархической конспирации. Они призывают к гра-

жданской войне, прибегают к подкупу, устраивают заговоры, они осмеливаются даже клянчить помощь у неприятеля.

За эти гнусные происки мы призываем их к суду Франции и всего мира.

Граждане, вы только что создали учреждения, которые сумеют бороться с этими покушениями.

Вы сами располагаете своей судьбой. Созданное вами правительство, сильное вашей поддержкой, исправит весь ущерб, причиненный городу отжившим правительством. Подавленная промышленность, остановившийся труд, парализованная торговля получат новый, сильный импульс.

На первой очереди стоит вопрос о наемной плате за квартиры, затем вопрос о сроках платежей; восстановление и упрощение всех общественных учреждений; немедленная реорганизация Национальной Гвардии, отныне единственной вооруженной силы города.

Таковы будут наши первые шаги.

Народные избранники просят своих избирателей поддержать их своим доверием в деле упрочения торжества республики.

Со своей стороны они исполнят свой долг.

Парижская Коммуна.

Городская ратуша, 29 марта 1871 г.

4

Декрет об уничтожении рекрутского набора

Парижская Коммуна постановляет:

§ 1. Рекрутский набор отменяется.

§ 2. В пределах Парижа не может быть учреждена и в город не может быть введена никакая военная сила, кроме национальной гвардии.

§ 3. Все способные к военной службе граждане вступают в ряды национальной гвардии.

Парижская Коммуна.

Городская Ратуша, 29 марта 1871 г.

5

Декрет Коммуны об усыновлении детей убитых

Парижская Коммуна усыновляет всех детей граждан, павших при отражении преступного монархического заговора против Парижа и Французской республики.

Парижская Коммуна.

2 апреля 1871 г.

6

Декрет Коммуны о „дешевом правительстве“

Парижская Коммуна, принимая во внимание, что до сего времени высшие общественные должности, благодаря присвоенным им высоким окладам, служили предметом домогательства и раздавались в виде милости; с другой стороны, принимая во внимание, что в истинно-демократической республике не может быть ни синекуры, ни преувеличенных окладов жалованья, постановляет: максимум содержания чиновникам различных коммунальных учреждений определяется в шесть тысяч франков в год.

Парижская Коммуна.

Городская Ратуша, 2 апреля 1871 г.

7

Декрет Коммуны о предании суду главарей версальского правительства

Принимая во внимание, что члены версальского правительства объявили и начали гражданскую войну, напали на Париж, убили и ранили много солдат Национальной Гвардии и линейных войск, а также женщин и детей, что это преступление противно всякому праву, совершено ими без всякого вызова, предумышленно и предательски, Коммуна постановляет:

§ 1. Г.г. Тьер, Фавр, Пикар, Дюфор, Симон и Потюо привлекаются к ответственности.

§ 2. Их имущество подлежит аресту и секвестру впредь до их появления перед народным судом.

§ 3. Правительственные уполномоченные по министерству юстиции и общественной безопасности озаботятся приведением настоящего декрета в исполнение.

Парижская Коммуна.

2 апреля 1871 г.

8

Декрет об отделении церкви от государства

Принимая во внимание, что основным принципом Французской республики является свобода;

что из всех видов свободы главная есть свобода совести;

что государственный бюджет церкви противоречит этому принципу, так как насилует убеждения граждан;

что в действительности духовенство было соучастником в преступлениях монархии против свободы,—

Коммуна постановляет:

§ 1. Церковь отделяется от государства.

§ 2. Церковный бюджет упраздняется.

§ 3. Так называемые неотчужденные имущества, принадлежащие религиозным конгрегациям, как движимое, так и недвижимое, объявляются национальной собственностью.

§ 4. Назначается немедленное расследование по поводу этих имуществ, с целью выяснить их характер и передать их в распоряжение нации.

Парижская Коммуна.

Городская Ратуша, 2 апреля 1871 г.

9

Воззвание к парижским гражданкам

Париж подвергнут блокаде; Париж бомбардируется.

Гражданки, где же наши дети, наши братья и мужья?.. Слышите вы рев пушек и призывной звон набата?

К оружию! Отечество в опасности.

Что это, или чужеземец опять хочет покорить Францию? Или союз европейских тиранов шлет свои легионы, чтобы уничтожить наших братьев, до основания разрушить наш город, истребив даже память о бессмертных победах, купленных целым столетием крови, победах, имя которым—свобода, равенство и братство?

Нет, эти враги, эти убийцы народа и свободы—французы!

Это братоубийственное безумие, овладевшее вдруг Францией, эта смертельная борьба—финал вечного антагонизма между правом и силой, трудом и эксплоатацией, народом и его палачами.

Наши враги—это привилегированные существующего социального строя, те, которые жили нашим потом и жирели нашей нуждой...

На их глазах народ восстал, провозглашая: «нет обязанностей без прав, нет прав без обязанностей... Мы хотим работы, но мы хотим сами пользоваться ее плодами... Не надо эксплоататоров, не надо хозяев... Пусть работа будет для всех источником благосостояния,—пусть народ сам будет правительством—Коммуной, будем жить и работать свободными,—или умрем сражаясь»...

И страх предстать перед народным трибуналом, толкнул наших врагов на величайшее вероломство — на гражданскую войну.

Гражданки Парижа, потомки женщин Великой Революции, которые во имя народа и справедливости отправились в Версаль и привели пленного Людовика XVI, мы, матери, жены и сестры французского народа, допустим ли, чтобы нужда и невежество сделали врагов из наших детей, чтобы отец восстал на сына, брат на брата, чтобы они убивали друг друга у нас на глазах по прихоти наших притеснителей, сперва предавших Париж пруссакам, а теперь желающих уничтожить его?

Гражданки, настал решительный час. Надо покончить со старым миром. Мы хотим свободы. Взгляните, не только одна Франция поднимается, глаза всего цивилизованного мира направлены на Париж, все ждут нашей победы, чтобы освободиться в свою очередь. Даже Германия, та самая Германия, королевские армии которой опустошали нашу родину, обрекая на смерть наши демократические и социалистические принципы, даже она взволнована и потрясена дыханием революции. Уже шесть месяцев, как она объявлена на осадном положении, а представители ее рабочих заключены в тюрьму. Даже в России правительство уничтожает защитников свободы, а на смену им появляется новое поколение, также готовое на-смерть биться за Республику и обновление социального строя.

Ирландия и Польша умирают, чтобы возродиться с новой энергией; Испания и Италия вновь нашли утраченную мощь и присоединились к интернациональной борьбе народов; в Англии вся пролетарская, живущая одним заработком масса, уже в силу своего социального положения, переходит на сторону революции; в Австрии правительство принуждено подавлять одновременно восстание и целой страны, и славянских княжеств. Не указывает ли это вечное столкновение между правящими классами и народом, что дерево свободы, целые века увлажняемое потоками крови, принесло, наконец, плоды?

Гражданки, перчатка брошена, мы должны умереть или победить. Пусть женщина, думающая: «что мне в торжестве нашего дела, если я потеряю тех, кого люблю»,—поймет, что есть только один путь спасти дорогих ей людей, поддерживающего ее мужа, или сына, в котором она видит всю свою надежду. Этот путь— принять деятельное участие в завязавшейся борьбе. Надо навсегда

прекратить эту братоубийственную борьбу, а она или окончится теперь торжеством народа, или возобновится в близком будущем.

Горе матерям, если народ будет опять побежден. Их малютки заплатят за поражение; ведь участь наших мужей и братьев уже решена, и реакция разгуляется вволю. Ни мы, ни наши враги не хотим милосердия.

Гражданки, решимся! Соединимся, чтобы помочь нашему делу! Будем готовы защищать и мстить за наших братьев. В ворота Парижа, на баррикады, в предместья, все равно куда; будем готовы в нужный момент присоединить наши усилия; если негодяи, расстреливающие пленных и убивающие наших вождей, дадут залп по толпе безоружных женщин,—тем лучше. Крик ужаса и негодования всей Франции и всего мира завершит то, что мы начали. Если все оружие и штыки разобраны нашими братьями, то на нашу долю остаются уличные булыжники, чтобы поразить изменников.

Группа гражданок.

11 апреля 1871 г.

10

Декрет Коммуны об уравнении законных и незаконных жен

Исполнительная Комиссия Коммуны предписала уполномоченным мэрий не делать разницы при назначении вознаграждения национальным гвардейцам, между законными женами и так тазываемыми незаконными сожительницами.

Парижская Коммуна.

12 апреля 1871 г.

11

Декрет о свержении Вандомской колонны

Принимая во внимание, что императорская колонна на площади Вандом является памятником варварства, символом грубой силы и ложной славы, утверждением милитаризма, отрицанием международного права, вечным оскорбительным вызовом победителей побежденным, постоянным покушением на один из трех великих принципов республики—братство, Парижская Коммуна постановляет:

Вандомская колонна должна быть снесена.

Парижская Коммуна.

13 апреля 1871 г.

12

Декрет о передаче покинутых хозяевами мастерских кооперативным ассоциациям рабочих

Принимая во внимание, что многие мастерские брошены своими хозяевами, которые стремятся, не считаясь с интересами рабочих, уклониться от исполнения своих гражданских обязанностей, и что вследствие этого оказались прерванными необходимые для жизни Коммуны работы и подорвано благосостояние рабочих,—

Парижская Коммуна постановляет:

Рабочие синдикальные камеры созываются для учреждения осведомительной комиссии, имеющей целью:

§ 1. Дать статистику брошенных мастерских с точным описанием состояния, в котором они находятся, и перечнем имеющихся в них инструментов.

§ 2. Представить доклад о практических мерах, которые могли бы быть приняты для скорейшего пуска в ход этих мастерских, переданных из рук покинувших их дезертиров в ведение кооперативной ассоциации занятых в них рабочих.

§ 3. Выработать проект устава этих рабочих кооперативных товариществ.

§ 4. Учредить третейский суд, который по возвращении хозяев подобных мастерских устанавливал бы условия окончательной их уступки рабочим товариществам и размер вознаграждения, уплачиваемого товариществами бывшему хозяину.

Осведомительная комиссия должна будет представить свой отчет коммунальной комиссии по организации труда и обмена, на обязанности которой лежит составление, в возможно скором времени, проекта декрета, отвечающего как интересам Коммуны, так и интересам рабочих.

Парижская Коммуна.

Париж, 16 апреля 1871 г.

13

Постановление Коммуны о реорганизации высшей школы

Профессора Высшей Медицинской Школы покинули свой пост: чтение их курсов отложено.

Ввиду необходимости немедленно прекратить подобное положение дел, комиссия просвещения постановляет:

§ 1. Практикующие в Париже врачи и военные лекаря всех округов приглашаются в будущую субботу, 22 апреля, в 1 час дня на собрания в соответствующие мэрии, для избрания двух уполномоченных в каждом округе.

§ 2. Студенты медики, записанные в Высшей Школе, интерны и экстерны госпиталей также приглашаются в будущую субботу, 22 апреля, в 1 час дня в большой амфитеатр школы для избрания десяти уполномоченных.

§ 3. Граждане врачи Дюпре и Рамбо озаботятся пригласить своих коллег свободных профессоров на специальное собрание для производства выборов трех делегатов.

§ 4. Избранные на этих собраниях уполномоченные, снабженные соответствующими доверенностями, соберутся в будущее воскресенье, 23 апреля, в 1 час дня в большом амфитеатре высшей медицинской школы. Собрание выберет председателя и двух его товарищей и под их руководством займется составлением проекта медицинской реорганизации. Если собрание найдет нужным, оно может выделить комиссию из пяти членов для выработки основных пунктов проекта, который затем в возможно скором времени будет подвергнут обсуждению на общем собрании делегатов.

§ 5. Проект и протокол будут сообщены комиссии просвещения, помещающейся в городской ратуше; в свою очередь, она передаст их в общее собрание Коммуны, которое и примет окончательное решение.

§ 6. Уполномоченным при мэриях гражданам предлагается отвести помещение для производства работ.

Члены Коммуны, уполномоченные по Комиссии просвещения.

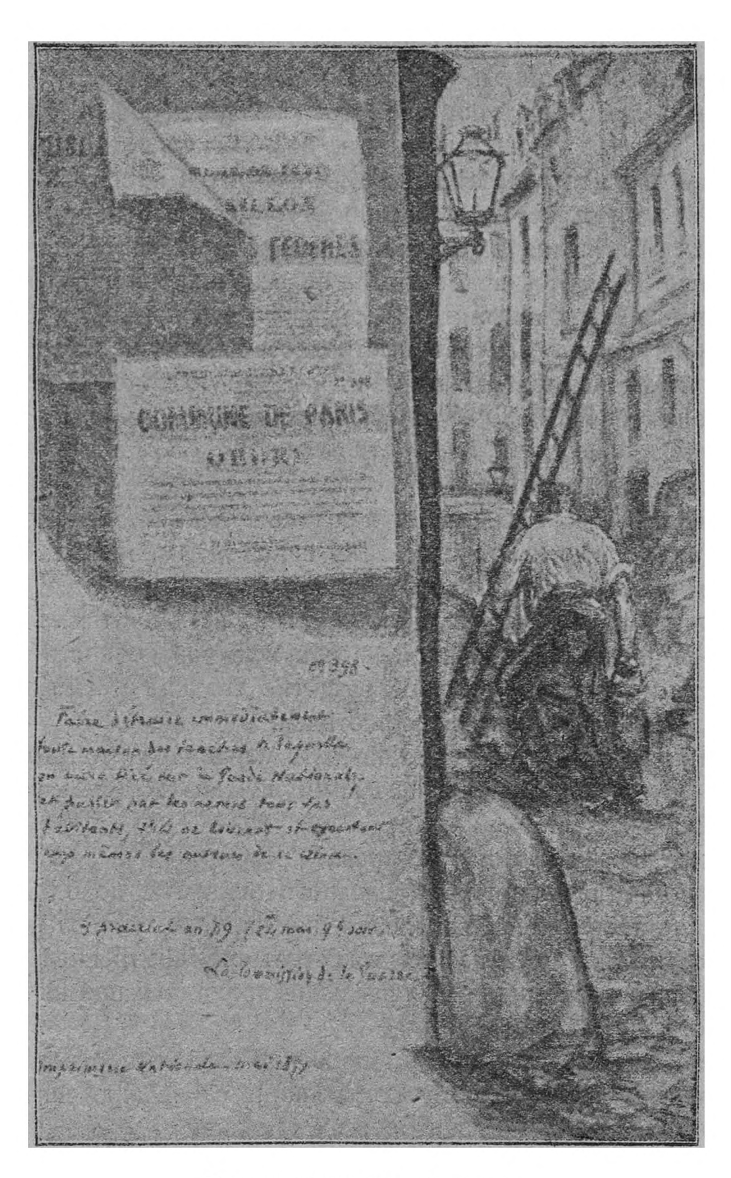
Париж, 17 апреля 1871 г.

14

Декларация Коммуны

Французскому народу.

В дни грозного и печального конфликта, грозящего Парижу ужасами новой осады и бомбардировки, когда льется французская кровь, когда гибнут под ядрами и картечью наши братья, жены и дети, необходимо, чтобы ничто не смущало национальной совести и чтобы общественное мнение было единодушно.

Последние плакаты Коммуны

Париж и вся страна должны знать характер, причину и цель совершающейся революции. Ответственность за наши траур, страдания и муки должна пасть, наконец, на головы изменников, предавших Францию и открывших Париж врагам, а теперь в слепом и жестоком упорстве своем добивающихся гибели великого народа, чтобы похоронить под обломками республики и свободы двойное доказательство их измены и преступления.

На Коммуне лежит обязанность определить и подтвердить надежды и желания парижского населения и выяснить характер движения 18 марта, непонятный, не осознанный и оклеветанный политическими деятелями, заседающими в Версале.

Париж опять работает и страдает для всей Франции; его битвы и жертвы подготовляют ей интеллектуальное и моральное, политическое и экономическое возрождение, ее славу и преуспеяние.

Чего добивается Париж?

Признания и упрочения Республики, единственной формы правления, совместимой с правами народа, с правильным и свободным развитием общества.

Полной автономии каждой коммуны на всем протяжении Франции, обеспечивающей каждой из них всю совокупность ее прав, а каждому французу—полное развитие его сил и способностей, как человека, гражданина и работника.

Автономия Коммуны должна быть ограничена только автономиями других связанных с нею коммун, союз которых укрепляет единство Франции.

Принадлежащие Коммуне права:

Право вотирования коммунального бюджета, доходов и расходов; установление и распределение налогов, управление местными службами; организация магистратуры, внутренней полиции и народного просвещения; управление принадлежащими Коммуне имуществами;

назначение посредством выборов или конкурса ответственных и подлежащих постоянному контролю и отозванию магистратов или коммунальных чиновников всех степеней;

полная гарантия индивидуальной свободы, свободы совести и свободы труда;

постоянное участие граждан в коммунальных делах, путем свободной пропаганды своих взглядов и свободной защиты их интересов; Коммуна должна гарантировать свободу этой пропа-

ганды, так как на ней одной лежит обязанность надзора и обеспечения правильного и свободного пользования правом гласности и собраний;

организация городской безопасности и национальной гвардии, избирающей себе своих начальников, поддерживающей в городе порядок;

Париж не требует других местных гарантий, разумеется, при условии, что в центральной администрации, делегации федеральных коммун, он найдет осуществление на практике этих же самых принципов.

Но, в силу своей автономии, Париж пользуется свободой действия и сохраняет за собою право произвести по собственному разумению административные и экономические реформы, которых желает его население; создать учреждения, способствующие развитию просвещения, производительности, кредита и обмена; принять меры к обобществлению власти и собственности, следуя потребности момента, желанию заинтересованных сторон и данным опыта.

Наши враги ошибаются или сознательно обманывают страну, обвиняя Париж в желании навязать свою волю или свое главенство остальной нации, в стремлении к диктатуре, которая, конечно, была бы покушением на независимость и суверенитет других коммун.

Они ошибаются или обманывают страну, говоря, что Париж хочет разрушить единство Франции,—единство, созданное Революцией и единодушным признанием наших отцов, пришедших со всех концов старой Франции на праздник федерации.

Политическое единство, как его навязывали нам до сих пор империя, монархия и парламентаризм,—есть централизация деспотическая, неразумная, основанная на произволе и крайне тягостная.

Но политическое единство, как его понимает Париж, это добровольная ассоциация всех местных инициатив, свободное и ничем не вынужденное сотрудничество всех индивидуальных энергий, стремящихся к общей цели: благосостоянию, свободе и безопасности всех.

Коммунальная революция, начатая, по народной инициативе, 18 марта, открывает новую эру экспериментальной, позитивной и научной политики.

Это—конец старого чиновнического и клерикального мира,

конец милитаризма, бюрократизма, эксплоатации, ажиотажа, монополий и привилегий—всего того, что поддерживало рабство пролетариата и навлекло столько бед и несчастий на родину!

Наша великая, дорогая родина, обманутая этой ложью и клеветой, должна, наконец, узнать истину!

Борьба, возгоревшаяся между Парижем и Версалем, не такова, чтобы окончиться призрачным компромиссом: исход ее должен быть несомненным. Победа, к которой с несокрушимой энергией стремится национальная гвардия, должна принадлежать идее и праву.

Мы взываем к Франции!

Она знает, что вооруженный Париж преисполнен мужества и спокойствия, что он энергично, с энтузиазмом поддерживает порядок, героически и сознательно приносит себя в жертву; что он вооружился единственно из преданности свободе и общей славе,— и Франция прекратит это кровавое столкновение.

Франция должна торжественно проявить свою непреклонную волю и обезоружить Версаль.

Вся Франция воспользуется нашими победами; пусть же она покажет себя единодушной с нами; пусть она будет нашей союзницей в этой борьбе, исходом которой будет или торжество идей Коммуны или разрушение Парижа.

А наше призвание, граждане Парижа, — совершить современную революцию, самую широкую и плодотворную из всех, когдалибо озарявших историю.

Наш долг бороться и победить.

Парижская Коммуна.

Париж, 19 апреля 1871 г.

15

Декрет о реквизиции имущества Тьера

Согласно решению, одобренному Комитетом Общественного Спасения, гражданин Жюль Фонтэн, управляющий коммунальными имуществами, постановляет:

В ответ на слезы и угрозы Тьера, осмелившегося бомбардировать Париж, а также в ответ на законы, изданные его сообщниками, деревенской ассамблеей,

§ 1. Все белье, находящееся в доме Тьера, передается в распоряжение походных госпиталей.

§ 2. Предметы искусства и ценные книги передаются национальным музеям и библиотекам.

§ 3. Мебель должна быть выставлена для осмотра и продана с аукциона.

§ 4. Деньги, вырученные от этой продажи, предназначаются целиком на выдачу содержания и пособий вдовам и сиротам жертв этой подлой войны, виновником которой является бывший собственник отеля Жорж.

§ 5. На этот же предмет обращаются деньги, полученные от продажи постройки.

§ 6. На площади, занятой отелем отцеубийцы, будет разбит публичный сквер.

Генеральный директор коммунальных имуществ *Ж. Фонтэн.*

Париж, 25 флореаля года 79
(15 мая 1871 г.).

16

Обращение Коммуны к великим городам

После двух месяцев непрестанной борьбы, Париж не затронут, он не устал.

Париж все еще борется без перерыва и отдыха, неутомимый, героический, непобежденный.

Париж заключил договор со смертью. За его укреплениями имеются его стены, за его стенами—его баррикады, за баррикадами—дома, которые придется вырывать у него один за другим и которые, в случае необходимости, он скорее взорвет, нежели отдастся на милость победителя.

Великие города Франции, будете ли вы неподвижно и равнодушно присутствовать на этом поединке будущего с прошедшим, республики с монархией?

Или же вы, наконец, узрите, что Париж является витязем Франции и мира, и что не прийти ему на помощь, значит предать его...

Вы желаете Республику,—в противном случае, ваше голосование бессмысленно; вы желаете Коммуны,—отвергнуть ее—значило бы отказаться от вашей доли в национальном суверенитете; вы желаете политической свободы и общественного равенства,—вы их включаете в ваши программы, вы ясно видите, что версальские войска—войска бонапартизма, монархического централизма, дес-

потизма и привилегий, так как вы знакомы с их вождями и припоминаете их прошлое.

Чего же вы ждете, чтобы подняться? Чего вы ждете, чтобы изгнать из вашей среды подлых агентов этого правительства капитуляции и позора, которое клянчит и покупает в этот час у прусской армии возможность бомбардировать Париж одновременно со всех сторон?

Ждете ли вы, чтобы воины права пали бы до единого от отравленных пуль Версаля?

Ждете ли вы, чтобы Париж обратился в кладбище и каждый его дом—в гробницу?

Великие города, вы ему прислали ваше братское сочувствие; вы ему сказали: «сердцем я с тобою!».

Великие города, теперь не время манифестам: когда пушки заговорили—время действовать.

Довольно платонических симпатий. У вас есть ружья и снаряды—к оружию! Восстаньте, города Франции!

Париж смотрит на вас; Париж ждет, чтобы ваше кольцо сомкнулось вокруг подлых бомбардировщиков и лишило бы их возможности избегнуть возмездия, которое он им уготовил.

Париж исполнит свой долг до конца.

Однако, и вы—Лион, Марсель, Лилль, Тулуза, Нант, Бордо и другие—не забудьте о нем...

Если бы Париж пал во имя свободы мира, историческая Немезида имела бы право сказать, что Париж был задушен, потому что вы допустили это убийство.

Уполномоченный Коммуны для внешних сношений

Паскаль Груссэ.

Париж 15 мая 1871 г.

17

Статья из „Journal Officiel“ за 17 мая 1871 г. о свержении Вандомской колонны

Декрет Парижской Коммуны, предписывавший уничтожение Вандомской колонны, вчера был приведен в исполнение при восторженных криках громадной толпы, которая серьезно и сознательно присутствовала при крушении ненавистного памятника, созданного в честь ложной славы честолюбивого чудовища.

День 26 флореаля будет славным в истории, потому что он

знаменует собою наш разрыв с милитаризмом, этим кровавым отрицанием всяких прав человека.

Бонапарт первый принес в жертву своей ненасытной жажде господства миллионы детей народа; он задушил Республику, поклявшись защищать ее. Сын революции, он окружил себя привилегиями и смешной высокопарностью королевской власти; своею местью он преследовал всех, кто еще решался мыслить или рассчитывал быть свободным; он хотел заклепать ошейник

COMMUNE DE PARIS

COMITÉ DE SALUT PUBLIC

RÉPUBLIQUE FRANÇAISE

Liberté Égalité. Fraternité

PLACE VENDÔME

Laissez passer et circuler librement dans la Place Vendôme le 16 Mai seulement

Le citoyen

Paris le 16 Mai 1871

Signature du Titulaire — Le Major de la Place Vendôme

LE MAJOR de la Place Vendome

RÉPUBLIQUE FRANÇAISE — LIBERTÉ EGALITÉ

République

Факсмииле разрешения, выданного комендантом Вандомской площади для присутствия при свержении Вандомской колонны, 16 мая 1871 г.

на шее народа, чтобы тщеславно царствовать одному среди всеобщего принижения. Вот его подвиги в продолжение 15 лет.

Дела эти начались 18 брюмера нарушением присяги, поддерживались бойней и завершились двумя нашествиями; после них остались лишь развалины, долговременный духовный упадок, уменьшение территории Франции и наследство, в виде Второй Империи, начавшейся 2 декабря, чтобы дойти до позора Седана.

На обязанности Коммуны лежал долг свергнуть этот символ деспотизма: она исполнила его. Она доказывает этим, что ставит право выше силы и предпочитает справедливость убийству, даже когда последнее приводит к торжеству.

Пусть каждый твердо знает: колонны, которые Коммуна может воздвигнуть, никогда не прославят какого-нибудь исторического разбойника, но запечатлеют в памяти потомства какие-либо славные победы в науке, в достижении свободы.

С этого времени Вандомская площадь получает название: Международной площади.

18

Декрет о заложниках

Принимая во внимание, что версальское правительство открыто попирает ногами законы войны и гуманности и пятнает себя преступлениями, которых не совершали даже завоеватели французской территории;

что на представителях Парижской Коммуны лежит долг защищать честь и жизнь двух миллионов жителей, доверивших им свою судьбу, и что следует немедленно же принять все требуемые обстоятельствами меры;

но что, с другой стороны, политические деятели, магистраты города должны согласовать общественное спасение с уважением к общественной свободе,—

Парижская Коммуна постановляет:

§ 1. Всякое лицо, заподозренное в сношениях с Версалем, будет немедленно подвергнуто аресту и судебному преследованию.

§ 2. Не позднее двадцати четырех часов должно быть созвано обвинительное жюри для расследования преступлений.

§ 3. Приговор жюри должен быть вынесен не позже сорока восьми часов.

§ 4. Все обвиняемые, задержанные по постановлению обвинительного жюри, считаются заложниками парижского народа.

§ 5. Всякое убийство военнопленного или сторонника правительства Коммуны влечет за собою немедленную казнь тройного числа задержанных, согласно § 4.

§ 6. Военнопленные немедленно передаются обвинительному жюри, которое решает, должны ли они быть отпущены на волю или задержаны в качестве заложников.

Комитет Общественного Спасения.

17 мая 1871 г.

19

Воззвание Делеклюза о баррикадной борьбе

Населению Парижа, Национальной гвардии.

Граждане!

Довольно милитаризма, нет больше расшитых и украшенных по всем швам позументами штабов! Место народу, борцам, обнаженным рукам, час революционной войны пробил!

Народ не сведущ в искусных маневрах; но когда у него ружье в руке, мостовая под ногами, он не боится всех стратегов монархической школы.

К оружию, граждане, к оружию! Дело в том, как вы знаете, чтобы победить или пасть под неумолимыми руками реакционеров и клерикалов Версаля, этих подлецов, заведомо отдавших Францию пруссакам и заставляющих нас платить дань их предательства.

Если вы хотите, чтобы кровь, которая, как вода, текла в течение шести недель, не была бы бесплодна; если вы хотите жить свободными в свободной и равноправной Франции; если вы хотите избавить ваших детей и от ваших страданий и от ваших бедствий, вы подниметесь, как один человек, и перед вашим грозным отпором враг, хвастающийся тем, что вновь подчинит вас своему игу, останется при позоре своих бесполезных злодеяний, которыми он себя пятнает вот уже два месяца.

Граждане, ваши избранники будут бороться и умрут с вами, если это необходимо; но во имя доблестной Франции—матери всех народных революций, постоянного очага идей справедливости и солидарности, которые должны быть и будут законами мира, наступайте на врага, и пусть ваша революционная энергия покажет ему, что можно продать Париж, но нельзя его ни предать, ни победить.

Коммуна рассчитывает на вас, верьте Коммуне.

Гражданский уполномоченный по военным делам.

Ш. Делеклюз.

Комитет общественного спасения:

Ант. Арно, Бильорэ, Э. Эд, Ф. Гамбон, Г. Ранвье.

1 прериаля 79 г.
(22 мая 1871 г.).

20

Воззвание Комитета Общественного Спасения

Граждане!

Ворота Сен-Клу, осаждаемые одновременно с четырех сторон, с Мон-Валерьен, с холма Монмартра, со стороны Мулино и с форта Исси, изменой преданного версальцам, взяты штурмом, и неприятель распространился частью по парижской территории.

Эта неудача не должна лишать нас бодрости, напротив, она должна усилить нашу энергию. Народ, низлагающий королей, разрушающий Бастилии, народ 89 и 93 годов, народ революции не может потерять в один день все плоды освобождения 18 марта.

Парижане! Никто не должен уклоняться от участия в этой борьбе, ибо это—борьба будущего с прошлым, свободы с деспотизмом, равенства с монополиями, братства с рабством, единства народов с эгоизмом их притеснителей.

К оружию!

Итак, к оружию! Пусть Париж покроется баррикадами, пусть из-за этих импровизированных прикрытий он бросит врагам свой вызывающий, гордый военный клич,—клич победы, ибо ничто не может покорить Париж с его баррикадами.

С улиц должны быть сняты все мостовые, потому что, во-первых, неприятельские снаряды менее опасны, если падают прямо на землю; во-вторых, обломки этих мостовых могут служить, в свою очередь, орудием защиты; они должны быть собраны в разных местах на балконах верхних этажей.

Пусть революционный Париж, Париж великих дней, исполнит свой долг; Коммуна и Комитет Общественного Спасения исполнят свой.

Комитет Общественного Спасения:

Ант. Арно, Э. Эд, Ф. Гамбон, Ранвье.

Городская Ратуша, 22 мая 1871 г.

21

Воззвание ЦК к солдатам версальской армии

Солдаты версальской армии!

Мы имеем детей.

Мы сражаемся за то, чтобы нашим детям не пришлось уже, как вам, сгибаться под игом военного деспотизма.

Придет день,—и вы тоже будете отцами семейства.

Если вы будете стрелять сегодня в народ, ваши дети проклянут вас, как мы проклинаем солдат, терзавших народ в июне 1848 и в декабре 1851 года.

Два месяца назад ваши братья, солдаты парижской армии, в негодовании на презренных трусов, предавших Францию, побратались с народом; последуйте их примеру.

Солдаты, дети и братья наши, выслушайте нас, и пусть решит ваша совесть.

Если приказ подл, непослушание становится долгом.

Центральный Комитет.

24 мая 1871 г.

ЕСЛИ ОНИ (КОММУНАРЫ) ОКАЖУТСЯ ПОБЕЖДЕННЫМИ, ВИНОЙ БУДЕТ НЕ ЧТО ИНОЕ, КАК ИХ ВЕЛИКОДУШИЕ.

КАРЛ МАРКС.

А. И. Молок

Искусство Коммуны и художник Курбэ

Коммуна, которую реакционные историки обвиняют в вандализме и варварстве, выказала, однако, большую заботливость и интерес к сокровищам искусства, собранным в музеях. 12 апреля, в разгар ожесточенных беспрерывных боев под стенами Парижа, Исполнительная Комиссия находит время подумать об искусстве и предписывает гражданину Гюставу Курбэ, «президенту художников», в кратчайший срок привести музеи города Парижа в нормальный вид, открыть картинные галлереи для публики, а также озаботиться устройством ежегодной весенней выставки в Елисейских Полях.

Это постановление не осталось на бумаге, уже 15 апреля значительная часть музеев Лувра была открыта для посетителей.

Но и тут работа тормозилась постоянными переменами в личном составе музейных служащих. Делегату просвещения приходилось подписывать массу увольнений и назначений. Так, 15 мая было уволено сразу 12 хранителей и их помощников в музеях Лувра. 16 мая директор Люксембургского музея, «назначенный экс-администрацией Империи» Chennevières, смещен и заменен знаменитым художником-карикатуристом Андрэ Жилль, в качестве «временного администратора». В помощники ему даны граждане Шапюи, скульптор, и Глюк, живописец. Временное заведывание музеями Лувра возложено было на архитектора и живописца Ахилла Удино, а помощниками его назначены выдающийся скульптор Далу и живописец Жюль Эро.

Проведенное таким образом обновление служебного персонала музеев было настоящей мобилизацией талантов, молодости и преданности, которая дала бы, вероятно, блестящие результаты, если бы только им было дано время развернуться.

12 мая, в заседании Коммуны, Курбэ поднял вопрос о том, что ему делать с ценной коллекцией античной бронзы, принадлежащей Тьеру, коллекцией, достойной, по его мнению, музея. «Хотите, чтобы я перевез ее в Лувр или в ратушу, или продал

с публичного торга?—спрашивал он:—я обращаю ваше внимание на то, что эти маленькие бронзовые статуэтки стоят, в общем, не менее 1.500.000 франков». Демэ напоминает, что еще в апреле месяце, когда был издан декрет о разрушении дома Тьера, Исполнительная Комиссия отрядила двух человек, его и Курбэ, с поручением позаботиться о сохранении в целости всех находящихся в нем предметов искусства; он предлагает теперь создать целую комиссию из специалистов, достаточно компетентных в области искусства. «Не забывайте,—говорит этот старик-рабочий, сам не получивший правильного образования,—что эти маленькие изделия из бронзы—это история человечества; мы должны бережно хранить прошлое нашей культуры в назидание грядущим поколениям. Мы не варвары». Этот незначительный эпизод очень характерен для Коммуны. Не забудем, что речь идет о заседании 12 мая. Момент чрезвычайно тяжелый. Натиск версальцев все усиливается. Форты рушатся, и недалек день штурма. И в таких критических обстоятельствах Коммуна находит время думать о коллекциях книг и предметов искусства, к тому же, принадлежащих человеку, который ведет с нею жестокую борьбу не на жизнь, а на смерть, бомбардирует Париж, расстреливает пленных, человеку, для которого все они, Курбэ и Демэ, интеллигенты и рабочие, заседающие в ратуше,—только сброд убийц, разбойников и варваров!

Коммуна сказала новое слово и в области театра. «Чем занимается Коммуна 19-го? — пишет Лиссагарэ.— Театрами». Вальян утверждает, что вмешательство государства в театральное дело законно, что сценические работники эксплоатируются, что театр должен быть устроен на принципе ассоциации. В результате был принят декрет, который появился 21 мая на столбцах «Правительственного Вестника»:

«Согласно с принципом, установленным первой республикой и выраженным в законе 11 жерминаля II года, Парижская Коммуна постановляет: 1) Театры поступают в ведение делегации по просвещению; 2) всякие субсидии и привилегии для театров отменяются; 3) делегации поручается прекратить в театрах режим эксплоатации их одним директором или группой предпринимателей и заменить его в кратчайший срок режимом ассоциации».

20 мая уполномоченный Вальяном гражданин Даниэль Сальвадор (во время Империи музыкальный критик газеты «Marseillaise») приглашал всех артистов и артисток Оперы, Комической Оперы

и Лирического театра (хористов, музыкантов, танцовщиц и т. п.) собраться 23 мая в зале Консерватории для выработки конкретных мер к переходу театров в руки артистических ассоциаций.

Вступление армии Тьера в Париж помешало проведению в жизнь этого декрета, и он остался на бумаге. Возвещенная в нем реформа должна была произвести целую революцию в театральном деле, революцию, благотворную как с точки зрения искусства (в отношении репертуара и постановок театры были поставлены под надзор ведомства народного просвещения, руководимого такими людьми, как Вальян, Курбэ и др.), так и с точки зрения интересов работников сцены, избавленных от беззастенчивой эксплоатации жадных и грубых антрепренеров.

Для охраны интересов музыкального искусства и артистов была создана особая комиссия из шести лиц, под председательством делегата Курнэ и при участии композитора Рауля Пюньо (Pugno).

Театры работали нормально и, несмотря на бегство в Версаль крупной буржуазии и так называемой «золотой молодежи», делали полные сборы. В этом сходятся свидетельства всех очевидцев, как врагов, так и друзей Коммуны. «Взгляните на великий город в вечернюю пору,—пишет Лиссагарэ:—открываются театры. В «Лирическом» большой музыкальный вечер в пользу раненых; в «Комической Опере» на-днях тоже будет благотворительный спектакль. В «Опере», где попрежнему поет Мишо, на понедельник, 22-го, объявлен торжественный вечер, на котором Рауль Пюньо исполнит гимн Госсека. Артисты «Gaîté», оставшиеся без директора, сами управляют театром. «Жимназ», «Шатлэ», «Французский театр», «Амбигю-Комик», «Делассман» каждый вечер переполнены». Необычайно высокую посещаемость театров в Париже в апреле—мае 1871 года отмечают также Добан и Катюлль Мандес; последний очень возмущен этим явлением, столь неуместным в дни траура гражданской войны.

Что касается репертуара, то вот программа на 22 мая: театр «Жимназ»—«Вдова с камелиями», фарс; театр «Gaîté» — «Принц Тото», водевиль в одном действии, и др. в том же роде.

Совсем другая программа в театре Оперы, где в пользу жертв войны (вдов и сирот) Коммуна устраивает большой вечер музыки, пения и драмы, с участием артистов Оперы, Комической Оперы, театра итальянцев и Лирического театра. Здесь, на-ряду с классическим репертуаром, как «Увертюра из Фрейшюца» или 4-е дей-

ствие оперы «Трубадур», встречаем репертуар революционно-патриотический: мелодекламация «Отечество» из Виктора Гюго; «89 год»; трио из «Вильгельма Телля»; гимн Пюньо «Братство народов», гимн Госсека «Да здравствует свобода!».

6 мая члены Коммуны и доктор Руссель, главный инспектор больниц, организовали первый народный концерт во дворце Тюльери в пользу раненых, вдов и сирот. Плата за вход была 50 сантимов. Стечение публики было так велико, что очень многим не удалось попасть в залу маршалов, где происходил концерт; тогда главной исполнительнице, талантливой M-lle Agar, пришла счастливая мысль переходить из залы в залу с декламацией «Медной лиры» Огюста Барбье. Сбор дал 12 тысяч франков.

11 мая был второй концерт в Тюльери. Во избежание давки, концерт давался сразу в трех местах: в зале маршалов, в старом театральном зале и, наконец, в саду дворца. «Украшением вечера» (le bouquet de la soirée),—иронизирует очевидец Мориак,—была следующая афиша, расклеенная во всех помещениях, где была публика: «Народ, золото, которое струится по этим стенам,—это твой пот. Достаточно долго вскармливал ты своим трудом, орошал своей кровью это ненасытное чудовище: монархию. Теперь, освобожденный революцией, ты вступаешь во владение своим добром; здесь—ты хозяин. Но сохрани свое достоинство, потому что ты силен, и будь тверд и бдителен, чтобы тираны никогда не могли возвратиться. Д-р Руссель». Вот как держал себя этот народ Парижа, эти малограмотные рабочие, ремесленники и мелкие лавочники, которых с брезгливой гримасой называют «скопищем воров и плутов» (l'essaim des marouffles et des voleurs).

Вот как описывает Лиссагарэ один из последних концертов в Тюльери: «У входа стоят гражданки с комиссарами и собирают деньги в пользу вдов и сирот Коммуны. В первый раз на скамейках в саду сидят прилично одетые женщины. В галлереях играют три оркестра. Вместо непристойной музыки Империи теперь исполняют Моцарта, Мейербера и другие великие произведения искусства. Через большое среднее окно звуки музыки проникают в сад. Свет люстр и веселых разноцветных фонариков падает на траву, скользит по деревьям, отражается в воде фонтанов. Из сада доносится смех гуляющей там толпы. А Елисейские Поля, погруженные во мрак, как будто протестуют против этих хозяев из простого народа, которого они никогда не признавали. Версаль тоже протестует своими выстрелами, бросающими багровые отблески на Три-

умфальную арку, под темными сводами которой идет великая гражданская война».

После окончания концерта один офицер главного штаба взошел на эстраду дирижера оркестра и сказал: «Граждане, согласно своему обещанию, г. Тьер вчера должен был вступить в Париж; г. Тьер вчера не вошел в Париж, он не войдет в Париж. Я приглашаю вас на будущее воскресенье, сюда же, на наш второй концерт в пользу вдов и сирот». В тот же самый час, на расстоянии двух ружейных выстрелов, авангард версальцев вступил в Париж.

В устройстве благотворительных концертов и спектаклей деятельную помощь Коммуне оказывала «артистическая федерация» (fédération artistique), организованная Шарлем Монпло. Это был центр, куда стекались артисты (драмы, музыки, пения, балета), уклонявшиеся от военной службы. Впрочем, федерация была организована по-военному, имела свой главный штаб в кафэ «Alcazar lyrique» и сборный пункт в Консерватории, но, по соглашению с Коммуной, никогда не должна была переходить линии внешних укреплений. 10 апреля батальон артистов (54-й) насчитывал 500 человек, 17 апреля в нем было уже 600, а 25-го 900 человек; выше этой цифры численность его не повышалась. Оружия он не имел и только 22 мая получил 130 легких ружей. Избавленный от службы в траншеях и фортах под Парижем, батальон этот служил Коммуне своими артистическими силами, давая многочисленные концерты и спектакли, весь сбор с которых шел в пользу жен и детей раненых национальных гвардейцев.

Гораздо более серьезные задачи ставило себе другое профессиональное объединение—союз «левых» работников изобразительных искусств, возникший в первой половине апреля.

13 апреля в амфитеатре Медицинской Школы под председательством Гюстава Курбэ состоялось многолюдное собрание художников разных специальностей, на котором был принят устав «коммунальной федерации художников» (fédération communale des artistes). «Художники Парижа,—говорится здесь,—присоединяясь к принципам коммунальной республики, организуют федерацию. Это объединение всех работников изобразительных искусств будет покоиться на следующих основаниях: 1) охранять сокровища прошлого, 2) поощрять современных художников и содействовать широкому распространению их произведений и 3) подготовлять почву для грядущего расцвета искусства».

В соответствии с этими целями комитет берет на себя охрану

памятников старины и искусства, управление музеями и картинными галлереями; организует в Париже выставки «коммунальные, национальные и международные» (допуская на них только оригинальные произведения, подписанные авторами, и решительно отвергая всякую попытку плагиаторства; наблюдает за преподаванием рисования и лепки в коммунальных школах, начальных и профессиональных, назначает туда преподавателей по конкурсу; вырабатывает новые методы; выдвигает талантливых детей и помогает им дополнить свое образование за счет Коммуны; издает свой печатный орган «Вестник искусства» (Officiel des arts), давая в литературной его части место статьям и дискуссиям всех направлений и школ в искусстве; выступает в качестве арбитра в спорных вопросах, касающихся искусства; находится в тесном контакте с Коммуной, представляя ей постоянные отчеты о своей деятельности и оказывая ей всемерную поддержку во всех полезных начинаниях в области искусства; обращается к инициативе самых широких слоев общества для разрешения проблемы морального и интеллектуального освобождения художников и улучшения их материального положения; наконец, с помощью слова, пера, карандаша и народных репродукций шедевров искусства, содействует распространению их среди самых отсталых и глухих (humbles) коммун Франции, работая над ее возрождением и во имя грядущего расцвета искусства и Всемирной Республики.

«Мы хотим,—говорил один художник,—демократической революции в искусстве, Лувр, завоеванный нами, будет нашей Ратушей. Мы поднимаем красное знамя живописи».

Федерация насчитывала в своих рядах таких высокоталантливых людей, как скульптор Далу и живописец Андрэ Жилль; председателем ее был знаменитый художник Гюстав Курбэ, один из основателей реалистической школы во французской живописи. Ученик и друг Прудона, проникнутый идеями прудонистского федерализма и горячий демократ по настроениям и симпатиям, Курбэ принимал живое участие в Коммуне, членом которой стал после дополнительных выборов 16 апреля. Он помогал Вальяну в реорганизации музеев Лувра и был, как мы видели, одним из главных учредителей союза художников. В Коммуне он примкнул к прудонистскому меньшинству и голосовал против учреждения Комитета Общественного Спасения. Из этого не следует, однако, что он был умеренным или недостаточно революционным. Он отлично сознавал необходимость создания сильной и твердой вла-

сти и возражал лишь против употребления устаревшей терминологии революции 1789—1793 г.г. («Общественное Спасение», «монтаньяры», «жирондисты», «якобинцы» и т. п.), как жалкого плагиаторства, лишь затемняющего истинную сущность движения 1871 г., «социалистического и республиканского». После разгрома Коммуны, обвиненный в том, что по его инициативе был издан декрет о свержении Вандомской колонны, он был осужден на шесть месяцев тюремного заключения, которые и отсидел. В 1873 году, после падения Тьера и усиления реакции, против него был затеян новый процесс, его приговорили к уплате 320 тысяч франков на восстановление колонны. Курбэ не мог уплатить этой чудовищной суммы и бежал в Швейцарию, где вскоре умер в полном одиночестве и нищете (1877 г.).

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА, КАК ИДЕЯ, КАК „НОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ", ВРЕЗАЛА НЕИЗГЛАДИМО СВОЙ СЛЕД В ИСТОРИЮ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ.

П. Л. ЛАВРОВ.

IV

ОПЫТ КОММУНЫ

П. Л. Лавров

Задачи Коммуны

Перед деятелями Коммуны стояло одновременно несколько задач крайне трудных, почти неразрешимых, и, между тем, все эти задачи приходилось решать зараз, решать сейчас же, и это возможно было только при самой большой энергии членов Коммуны, при их полной самоотверженности, при полном согласии между ними и при единстве их деятельности, при совершенной ясности для них того пути, которым следовало итти. Решение большинства этих задач было уже затруднено тем положением, которое относительно их было принято Центральным Комитетом.

Прежде всего, надо было существовать в Париже и организовать ежедневное удовлетворение потребностей полуторамиллионного населения при полном расстройстве всех учреждений и ведомств, так как Тьер постарался не оставить ни одного из них на месте.

Затем надо было вести войну против ожесточенного и неумолимого врага. Ему дали время опомниться и укрепиться. Несколько отрывочных коммунальных восстаний во Франции было уже подавлено. Приходилось отстаивать Париж от усиливающегося Версаля. В этом заключался «узел вопроса», как выражается Артюр Арну (II. 156). «Коммуна,—говорит Лиссагарэ (225),—это был «лагерь мятежников». Для того, чтобы эта вторая, самая насущная задача была исполнена, надо было, рядом с непосредственною борьбою против версальцев, бороться и против многочисленных внутренних врагов, которые наполняли Париж и вчера еще бунтовали около Биржи и на Вандомской площади, имели своих представителей в управлении, в национальной гвардии, имели свою прессу, свои собрания, почти явно сносились с версальцами и становились решительнее и дерзче при всякой неосторожности, при всякой неудаче Коммуны. В этом отношении все зависело от первых дней борьбы: насколько первые удачные действия могли усилить энергию Парижа, продолжить и увеличить деморализацию в Версале, вызвать сочувствие и содей-

ствие во Франции, на столько первые решительные неудачи должны были иметь самое гибельное действие на сторонников Коммуны.

Третья задача заключалась в политическом самоопределении Коммуны, как формы государства. Как представитель парижского пролетариата в его новой революции, Совет Коммуны должен был заявить свои права на политическое существование, провести свою политическую программу в виду разнообразных претензий на руководство событиями, предъявленных около него. Он должен был выставить свою политическую программу и отстоять ее в виду версальского правительства, которое имело за себя старую легальность и рутину; в виду всей Франции, которая привыкла следовать примеру Парижа и смотреть с завистью на его фактическую диктатуру. Если Коммуне не суждено было одержать фактическую победу над врагами, то ее представителям предстояло, по крайней мере, провозгласить принципы, которые вызвали восстание парижского пролетариата против выборного правительства Франции, и эти принципы, заявленные в распоряжениях, которые не имели надежды быть немедленно приведенными в действие, могли составить завещание Парижской Коммуны 1871 года для будущего.

Совершившаяся революция была торжеством пролетариата; как же мог заявить себя победоносный пролетариат? Если рабочий социализм, провозглашенный Интернационалом, был социальною истиною, то переворот экономический был единственный насущный, и экономической задаче должны были подчиниться все политические отношения. Как говорили Мильеры и Верморели, надо было установить равенство путем экономическим, и тогда только можно было осуществить политическую свободу для всех и каждого. Пока экономическое неравенство существовало и тяготело над большинством, невозможно было ни правильно поставить, ни удовлетворительно решить многочисленные вопросы о свободе собраний, о правильных выборах представителей, об отношениях администрации к администрируемым, об автономии личности в группе, группы в обширном политическом целом, об автономии и федерации коммун ввиду политического единства Франции. Только решительный переворот, который сразу поставил бы экономически пролетариев в уровень с их вчерашними владыками, дал бы здоровый базис для построения политического целого, которое осуществило бы революцию в пользу пролетариата. Но чтобы подобный базис мог быть сразу завоеван, чтобы

подобный переворот мог совершиться, необходимо было, чтобы заранее план этого переворота и значение для него экономического базиса были выработаны в своих главных началах; необходимо было, чтобы в среде пролетариата и сочувствующих ему групп или единиц из более обеспеченных классов была заранее организована партия, решившаяся действовать по этому плану; необходимо было, чтобы в минуту взрыва эта партия вынесла во главу движения представителей своей мысли, сознающих свою революционную миссию, готовых принять на себя ответственность за шаг, который заключает в себе всегда много загадочного и неверного, личностей, вполне определенно относящихся к частным задачам революции; необходимо было, чтобы эти люди были в новом правительстве достаточно многочисленны и между собою с первого же шага достаточно согласны, чтобы отстоять свой план против товарищей, которые не усвоили бы еще смысла борьбы пролетариата с господствующими силами старого общества; необходимо было, чтобы это большинство революционного правительства, вынесенное во главу своими сторонниками, явилось перед победоносным пролетариатом с определенною программою, не навязывая массам декретами фантастический строй, им непонятный, но привлекая к своей программе массы тем пониманием их интересов, которое позволило бы программе, предложенной новым правительством, с первой же минуты быть усвоенной массами, как их же мысли, желания, стремления, только выраженные ясно, сжато, систематически, определенно, и поэтому позволило бы этой программе быть немедленно осуществимой. Представители пролетариата в правительстве должны были быть самою сильною группою, самою определенною по своей теоретической программе нового строя, самою решительною по практическим мерам, ею предлагаемым. Только тогда они могли восторжествовать над рутиною сторонников традиционной политики, над неизбежным отсутствием политического понимания у масс, которые всегда идут за тем, кто менее колеблется в мысли и в действии.

В сущности, ни один камень экономического строя, враждебного пролетариату, не был сдвинут с места представителями его революции. «Все серьезные восстания,—пишет Лиссагарэ (212),— начали с того, что захватили жизненный нерв врага—кассу. Одна Коммуна отказалась сделать это. Ее Совет отменил бюджет вероисповеданий, который зависел от Версаля, и преклонился с благо-

говением перед бюджетом буржуазии, который был у него в руках».

Из этого как бы следует заключить, что члены меньшинства видели «главное» не в экономических мерах.—В чем же?—Лефрансэ и Артюр Арну утверждают, насколько можно видеть из их трудов, что это «главное» было отрицание диктатуры, отрицание государственного начала, следовательно—принцип политической свободы в самом широком смысле. Но сами французские теоретики социализма, накануне революции 18 марта, доказывали совершенно основательно, что «свобода политическая» без социального (т.-е. экономического) равенства есть «худшее из бедствий», значит, что ее можно проводить только при условии предварительного установления этого равенства. В грозную минуту Коммуны отрицание диктатуры и государственности было недостаточно. Вопрос был не в том: чего не следует делать? а в том, что должно сделать? И в этом отношении недостаток продуманного заранее плана ставил социалистическое меньшинство в самые невыгодные условия борьбы с его противниками.

Программа экономического переворота, по своей ширине и глубине, по резкости своих требований, заставила бы побледнеть пред собою самую «ужасную» программу традиционного якобинизма, но в ней «автономия» могла составить лишь элемент и могла иметь смысл лишь как элемент. Поставив же программу экономического переворота, социалисты для ее осуществления фатально были бы выдвинуты пролетариатом в руководители дела, так как они одни понимали экономический вопрос, а их товарищи в этом отношении им охотно уступали. Конечно, неожиданное наступление революционного мгновения застало социально-революционную партию неприготовленною, неорганизованною, состоящею из единиц, действующих каждая «по своему темпераменту», и, кроме того, из единиц неуверенных в себе, смущенных ответственностью, на них свалившеюся. «Коммуну могли спасти», рядом с «хорошей внутренней администрацией», еще «широкие социальные реформы, которые перевели бы в первый раз в область фактов удивительную и радикальную программу революции нового времени, революции, которая должна взять общество в его основах, поразить его в живых элементах: капитале, привилегиях, магистратуре, полиции, войске, духовенстве, финансах, общественном обучении. Это было должно и было можно сделать». Тем не менее, в этой широкой программе

не видно еще самого важного сознания, что экономический вопрос господствует над всеми другими социальными вопросами в наше время, и что экономический переворот должен служить основою всей программы.

Итак, не было осуществлено ни одно условие для решительного переворота, который поставил бы революцию, совершенную пролетариатом, на почву социальной революции. «Экономическое равенство», необходимое условие социалистического переворота, оставалось одною из задач будущего, и люди Коммуны были поставлены пред «политическими вопросами свободы» в таком же смутном и ненаучном виде, как все предшествующие революционеры. Люди замечательного ума, неутомимой энергии, искренно самоотверженные, но без всякой организации, с самыми разнообразными программами, а частью рутинеры революционных форм 1793 года были поставлены «в условия самые серьезные, которые когда-либо существовали для народов, самые невыгодные, которые когда-либо имели перед собою люди» (Arn. II, 59). При этом нельзя удивляться ни тем ошибкам, которые имели место, ни тем гибельным результатам, которые получились из каждой подобной ошибки. Но должно удивляться, что Коммуна могла продержаться 72 дня и могла оставить после своей гибели пролетариату мира то великое завещание, которое сделало из 18 марта торжественный день социалистов всех стран.

Как только Коммуна оставила с первого же дня в стране экономический вопрос, перед нею стали неразрешимые политические вопросы: прежде всех—вопрос об отношении восставшего Парижа к Франции, а вместе с тем об отношении только что совершившегося революционного движения к законности, пред тем существовавшей в стране. С точки зрения социально-революционной эти вопросы не возникали вовсе.

Социальная революция должна была создать новые формы договорных или законодательных отношений в сфере трудящегося пролетариата, на основании новых экономических условий жизни, но весь прежний закон, обеспечивающий экономическое неравенство и возможность для одних жить трудом других, сам собою прекращал свое действие.

Но экономический переворот не стоял даже задачею данной минуты в самых смелых умах членов Коммуны. При провозглашении Коммуны, старик Бэлэ, первый французский буржуа, приступивший к Интернационалу, произнес речь, где говорил: «Коммуна

будет заниматься вопросами местными, департамент—вопросами края (de ce qui est regional); правительство—вопросами национальности... Коммуна, которую мы основали, будет модельною Коммуною... Не будем выходить из пределов этой программы». Но подобная программа была неосуществима именно потому, что революция 18 марта была революцией, совершенною пролетариатом в сознательном противоположении его интересов интересам господствующих классов. Это было подтверждено и присутствием членов Интернационала среди руководителей революционного движения, тогда как вопрос о правах парижской политической Коммуны не имел никакого значения для Интернационала.

Если бы революция, признав себя откровенно революцией пролетариата, немедленно организовалась в общину рабочего класса, принимая в ее среду лишь тех, которые вступили бы под знамя социальной революции, и решительно устраняя из своей среды все элементы, враждебные пролетариату, то был бы устранен всякий вопрос о разнице между военною и гражданскою властью, были бы устранены и все претензии врагов рабочей Коммуны на равноправность, как граждан разносословного Парижа. Если бы Коммуна была не результат выборов, произведенных случайными жителями традиционного феодально-буржуазного города, состоящего из враждебных элементов, но состояла из представителей рабочего класса, решившегося раздавить господствующие классы, поставивши это первою задачею избранным и подчинивши все прочие задачи организации этой основной задаче борьбы труда с капиталом, то не имел бы место спор о диктатуре Совета Коммуны или об обязательном полномочии, которое они должны были исполнить. Мильер был совершенно прав в том, что всякая революция есть «диктатура», т.-е. именно потому, что она есть революция, представляет отрицание старой легальности и поддержание силою новой общественной программы. Таким образом на другой день после победоносной революции неизбежно образуется потребность принудительных отношений к враждебному элементу, необходимость диктаториальных отношений к врагам нового строя, тогда как внутри нового строя принудительный элемент тем менее будет присутствовать, чем лучше была заранее организована и выработана победившая партия, чем теснее ее материальная, умственная и нравственная связь с делегатами ее, поставленными обстоятельствами во главе

движения. Но и принудительность в отношении враждебных элементов может быть доведена до минимума, если все материальные общественные силы перешли в руки победившей партии, если она составляет громадное большинство населения, и если враги нового строя, оставшиеся в его среде, могут для своей деятельности располагать лишь своим личным умственным и нравственным влиянием. Но именно этот случай представила бы победоносная социальная революция, совершенная рабочим пролетариатом.

Париж, совершивший революцию в пользу пролетариата и поставивший своею задачею осуществить эту революцию в учреждениях, Париж, как община эмансипированного рабочего пролетариата, требовал революционных, т.-е. диктаториальных мер относительно врагов нового строя. Большинство Коммуны во имя революционных традиций склонялось к последним мерам, не замечая, что все они будут совершенно бессильны, пока Париж останется разносословною политическою Коммуною, где большинство материальных средств останется в руках враждебной буржуазии. Меньшинство, во имя принципов свободы и равенства, боролось против всякой диктатуры во всех ее проявлениях, забывая, что равенство может быть установлено только путем экономического переворота революционной диктатуры, и что о свободе можно с пользою говорить **только тогда**, когда это равенство будет установлено. Ни большинство, ни меньшинство не ставило перед собою ясно и определенно первой задачи социальной революции, без которой никакая другая задача решена быть не могла: отмены всей старой экономической легальности революционным путем и установление нового экономического строя.

НЕ ЗАБЛУЖДАЙТЕСЬ, РАБОТНИКИ: ЭТО — ВЕЛИКАЯ БОРЬБА; БОРЮТСЯ МЕЖДУ СОБОЙ ПАРАЗИТИЗМ И ТРУД, ЭКСПЛОАТАЦИЯ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ.

ИЗ ПРОКЛАМАЦИИ ЦК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ.

Н. Лукин

Ошибки и причины гибели Коммуны

Социальная революция представлялась Ц. К-ту делом не только пролетариата, но и всех «трудящихся и эксплоатируемых»; не диктатура пролетариата, производящего социальный переворот при поддержке городской и деревенской бедноты, а блок рабочих, мелкой и средней буржуазии и интеллигенции в целях осуществления нового общественного строя на почве демократии.

В этом сказалась полупролетарская, полумещанская психология членов Ц. К-та.

Став у власти, Ц. К-т должен был, прежде всего, употребить все усилия, чтобы добить врага: нужно было арестовать правительство, разоружить полицию, жандармерию и линейные войска. Если бы правительственной армии удалось все же отступить из Парижа, необходимо было мобилизовать все силы национальной гвардии, итти на Версаль, разогнать реакционное Национальное Собрание, установить связь с пролетарскими центрами провинции, распространить пламя революционного пожара на всю страну.

«Восстание—искусство,—писал Энгельс[1]) в одной из своих статей, помещенных в нью-иоркской «Трибуне»,—и, подобно всякому военному и другим искусствам, подчинено определенным правилам, пренебрежение которыми ведет к гибели той партии, которая оказывается в нем виновной... В случае, если восстание однажды начато, необходимо действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборонительная тактика— это гибель любого вооруженного восстания; оно потеряно еще до схватки с врагом. Нападай на врага врасплох, пока его войска не собраны, добивайся ежедневно новых, хотя бы и незначительных успехов...»

Между тем, Ц. К-т держался тактики пассивной, оборонитель-

---

[1]) Статьи, напечатанные в „Трибуне“ и относящиеся к германской революции 1848 г. Прежде они приписывались Марксу.

ной, хотя и был победителем. Ничего не было сделано, чтобы помешать бегству правительства в Версаль и выводу его вооруженных сил из Парижа. Еще 19-го из Парижа в Версаль тянулись нестройные колонны тьеровских войск, оцепленных отрядами жандармов; уезжали чиновники, генералы и офицеры.

Но этого мало. За все время, пока Ц. К-т оставался у власти, не было предпринято никаких военных действий против Версаля; а между тем, в эти первые после революции дни армия Коммуны имела огромный численный и моральный перевес над силами противника.

«Если бы мы были атакованы в это время,—говорит тот же Тьер,—я не поручился бы за устойчивость армии, поколебленной уже одним сознанием слишком большой своей численной слабости» [1]).

Итак, в области военно-стратегической отсутствовали самые элементарные мероприятия, которые повелительно диктовались обстоятельствами момента. И нельзя делать ответственным за все эти упущения полупомешанного Люллье: общие директивы давал Ц. К-т.

В результате Тьер получил передышку, которую он использовал для реорганизации своих военных сил и поднятия их боеспособности, чтобы потом самому перейти в наступление против Парижа.

Враги пролетарской революции гнездились и в самом Париже; сторонники Национального Собрания имелись среди оставшейся реакционной буржуазии, администрации и среди национальной гвардии; они свободно выпускали свои черносотенные газеты, устраивали собрания, пробовали организовать вооруженную демонстрацию против Ц. К-та. Эти элементы, несомненно, сносились с Версалем и готовили Коммуне удар с тыла.

Враждебную позицию по отношению к новой власти заняли и радикальные круги парижской буржуазии, руководимые мэрами и депутатами. Эти господа, как мы видели, пытались ни

---

[1]) Если не все, то часть „соглашателей" вела переговоры с Ц. К-том для того, чтобы выиграть время и дать правительству Тьера возможность собраться с силами. Вот что говорил потом мэр Тирар перед следственной комиссией: „Главная цель, которую мы все преследовали этим упорством, заключалась в том, чтобы помешать федератам (т.-е. национальным гвардейцам) итти на Версаль... Наше сопротивление, продолжавшееся несколько дней, позволило правительству организовать защиту".

более ни менее, как свергнуть Ц. К-т путем нового контр-революционного восстания.

Если Ц. К-т хотел решительной победы и упрочения пролетарской революции, он должен был железной рукой подавить всякое сопротивление своей власти. Необходимо было принять репрессивные меры против черносотенных собраний, закрыть все газеты, в которых велась травля Ц. К-та, беспощадно расстреливать шпионов Тьера, арестовать мэров и депутатов и т. д.

Вместо этого Ц. К-т декретировал свободу печати, в течение нескольких дней вел переговоры с мэрами и лишь 24-го принял решительные меры к ликвидации затеянного ими контр-революционного мятежа.

Переговоры с мэрами, которые выступили в роли посредников между Ц. К. и версальским правительством, только отвлекли внимание революционной власти от борьбы с главным врагом и повели к отсрочке выборов в Коммуну; в конечном счете все это было только на руку Тьеру.

Все эти тактические ошибки Ц. К-та вытекают из его общей соглашательской позиции, основанной на непонимании той истины, что социалистическую революцию пролетариат может осуществить лишь вопреки всем группам буржуазии и в процессе жестокой борьбы с ними. «Не хотели начинать гражданской войны, как будто бы чудовищный выродок Тьер не начал ее уже своей попыткой обезоружить Париж». «Если они окажутся побежденными, виной их будет не что иное, как их великодушие»,—говорит Маркс в том же письме к Кугельману[1]).

Выборы в Коммуну должны были пройти на основании закона, существовавшего при Империи, который не распространял всеобщее избирательное право на женщин. Голосовать могли лишь

---

[1]) Маркс, который в сентябре 1870 г. не советовал парижским пролетариям свергать немедленно временное правительство, а употребить все усилия для создания прочных организаций, теперь с восторгом приветствует революцию 18 марта. „Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан! — читаем в том же письме. — После шестимесячного голодания и разорения, вызванного гораздо более внутренней изменой, чем внешним врагом, они восстают под прусскими штыками, как будто бы войны между Францией и Германией и не было, как будто бы враг не стоял еще у ворот Парижа. История не знает еще примера подобного героизма... Как бы там ни было, теперешнее парижское восстание,—если оно даже и будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества,—является славнейшим подвигом нашей партии со времени июньского восстания". („Письмо к Кугельману". 88—89.).

лица, получившие избирательные карты перед выборами в Национальное Собрание.

Из 90 «городских советников» 5 человек были одновременно избраны в двух округах; таким образом, в состав Коммуны вошло 85 человек. Среди них оказалось 15 заведомых контр-революционеров, принадлежавших к партии Тьера и находившихся с ним в сношениях, и 6 буржуазных радикал-гамбеттистов, из числа «соглашателей», оппозиционно-настроенных к версальскому правительству, но в то же время не признававших революции 18 марта и своей борьбой против Ц. К. игравших лишь на руку Тьеру. Эти представители буржуазии (преимущественно парижские мэры и их помощники), избранные от фешенебельных кварталов, поспешили дезертировать из Собрания, оказавшегося определенно революционным по своему составу. Сложивших свои полномочия в первые же дни оказалось 17 человек.

«Неуместные» господа попали в Коммуну только потому, что стоявший на почве соглашения с Версалем Ц. К-т не устранил буржуазию от участия в выборах. Это «уважение к демократии», которым так восхищался теперь Каутский[1]), не создало из Коммуны общеклассового, общедемократического представительства и не спасло ее от гражданской войны. Сама жизнь, неумолимая логика классовой борьбы исправляла утопические планы парижских революционеров.

По своему социальному составу Коммуна далеко не была пролетарской: среди 68 ее членов, избранных 26 марта и оставшихся после ухода сторонников Тьера и радикалов, рабочих было лишь 25 человек, служащих—7; лиц свободных профессий—врачей, учителей, литераторов, художников, инженеров, адвокатов—около трех десятков; остальные были мелкие торговцы и ремесленники, мелкие чиновники [2]). В мелкобуржуазном Париже и при-

1) Kautsky. Terrorismus und Kommunismus.

2) Если принять в расчет не только основные, но и дополнительные выборы, исключив в то же время членов, сложивших свои полномочия, то социальный состав Коммуны можно характеризовать следующими данными. Из 83 членов было:

Рабочих	27	или	32,5%
Служащих и мелких чиновников	13	„	15,7 „
Лиц свободных профессий (артистов, художников, врачей, инженеров, литераторов и т. п.)	32	„	38,5 „
Мелких торговцев и предпринимателей	4	„	4,9 „
Офицеров	2	„	2,4 „
Лиц неизвестных профессий	6	„	6,02%
Всего	83	или	100%

системе всеобщего избирательного права ожидать иного состава Коммуны было бы трудно.

Коммуна не представляла собой государства советского типа. В противоположность Ц. К-ту, который до известной степени носил характер классовой, пролетарской организации, она была избрана всеобщим голосованием.

Опыт Коммуны показывает, что именно ее демократическая природа мешала ей проводить последовательно диктатуру рабочего класса, для осуществления которой она как раз не нашла нужной политической формы.

В борьбе с контр-революцией Коммуна отступала от либеральных начал, применяла репрессивные меры к своим политическим противникам, практиковала своего рода террор.

Но политика репрессий проводилась непоследовательно, нерешительно, подчас она лишь укрепляла врагов Коммуны. Ее деятели недостаточно сознавали, что революция неизбежно связана с применением насилия. Полемизируя с анархистами, Энгельс писал: «Видали ли когда-нибудь революцию эти господа (анти-авторитаристы)? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т.-е. средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия, по необходимости, бывает вынуждена выдерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась больше одного дня? Не в праве ли мы, наоборот, *порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом!*»[1]).

Даже бланкисты как бы позабыли завет своего учителя, рекомендовавшего после захвата власти неуклонно проводить принцип: «Никакой свободы врагам революции!» и «вложить кляп в рот капиталу».

Коммуна не понимала, что буржуазное общество может сдать

Указания на профессии членов Коммунны можно найти у Vapereau—Dictionnaire universel des cont mporains, а также у Delion—Les membres de la Commune, Clere—Les hommes de la Commune, Proles—Les hommes de la révolution de 1871 и Chincholle—Les survivants de la Commune. Наибольшего доверия заслуживает „Словарь" Vapereau.

[1]) Цитирую по книге Ленина „Государство и революция", стр. 58—59.

свои позиции только после жестокой и упорной борьбы; что нерешительность в подавлении классовых врагов ведет только к излишним жертвам.

Важнейшей финансовой организацией в Париже был Французский банк, который спешно бежавшему правительству не удалось эвакуировать из города. «Для этого,—говорит Лиссагарэ,—потребовалось бы от шестидесяти до восьмидесяти повозок и целый корпус солдат».

Таким образом банк со всеми его ресурсами достался в наследство новому революционному правительству—Ц. К-ту национальной гвардии. А эти ресурсы были весьма значительны. На 20 марта в кассе банка было 243 милл. фр. наличными (77 милл. в звонкой монете и 166 милл. в билетах), в портфеле—899 милл., облигаций на 120 милл.; в слитках—11 милл.; на хранении—900 милл. в ценных бумагах и 7 миллионов в драгоценностях; всего—2 миллиарда 180 милл. франков.

Кроме того, в банке хранилось на 800 милл. банковых билетов, которым не хватало только подписи кассира.

Таким образом в распоряжении банка имелось около 3 миллиардов фр., из них 1 миллиард наличными[1]).

Вместо того, чтобы захватить Французский банк и назначить туда своего директора, Ц. К-т удовольствовался тем, что заручился согласием банка субсидировать новое правительство и получил через своих делегатов в счет города Парижа[2]) в два приема 2 милл. 350 тыс. фр.

Коммуна продолжала эту нерешительную политику. Она оставила на месте помощника директора банка (директор бежал), прикомандировав к нему в качестве комиссара правого прудониста Белэ, который в Исполнительной Комиссии Коммуны сделал следующее характерное заявление: «Необходимо уважать банк со всеми его привилегиями и преимуществами; надо, чтобы он стоял высоко с его безупречным кредитом. В этом заинтересована вся Франция».

Читая эти строки, приходится согласиться с Лиссагарэ, кото-

---

[1]) См. показание помощника директора банка де-Плека перед следственной комиссией. Enq. Parl. II, 489. III, 438. Реакционный историк Максим дю-Кан определяет наличность Банка в 2 миллиарда 960 милл.

[2]) Париж имел в банке на текущем счету 8.826.860 фр. (M. du Camp, III, 180).

рый писал: «Крепость капитала в Версале не имела нигде более ревностных защитников, чем в Ратуше» [1]).

Таким образом позиция, занятая Коммуной в отношении банка, была ошибочна и в другом отношении. «Все повстанцы,—говорит Лиссагарэ,—серьезно относившиеся к делу, начинали с того, что забирали в свои руки кассу, нерв противника; один только Совет Коммуны отказывался сделать это. Он отменил бюджет на содержание духовенства, которое находилось в Версале, и оставался в восторге от бюджета буржуазии, который он держал в своих руках. В своем ребяческом увлечении члены Коммуны не заметили настоящих заложников, которые имелись у них под руками; а это был банк с его 90 тысячами вкладчиков и другие финансовые учреждения». «Вот с какой стороны можно было захватить в свои руки жизненный нерв буржуазии, и тогда только смеяться над их изворотливостью и их шутками. Тогда Коммуне, не подвергая опасности ни одного человека, достаточно было бы только заявить версальцам: «Уступка или смерть!»[2]).

Кроме того, Коммуна чрезмерно бережно относилась к принципу частной собственности, что, надо полагать, объясняется отчасти боязнью оттолкнуть от себя мелкую буржуазию, представлявшую собою довольно значительный общественный слой, который незаметно переходил в пролетариат.

Всякие попытки самочинной конфискации собственности, принадлежавшей даже крупному капиталу, решительно пресекались.

Наконец, вся политика Коммуны по отношению к Французскому банку свидетельствует об ее почтительном отношении к священной частной собственности, в частности—к собственности паразитов-рантье.

Интересы денежного капитала представлялись столь же священными, как и интересы промышленников. В том же заседании П. Груссе предложил принять меры для уничтожения всех денежных обязательств, принадлежащих версальцам, в тот день, когда они вступят в Париж, что вызвало протестующий шум в собрании [3]).

В общем Коммуна не успела произвести коренного изменения в отношениях собственности, и нельзя не согласиться с тем

---

1) Лисс., 197.

2) Лисс., 196—197.

3) См. J. O. 22/V.

выводом, к которому приходит П. Лавров, говоря, что «в сущности на один камень экономического строя, враждебного пролетариату, не был сдвинут с места представителями его революции» [1]). Фактически к экспроприации экспроприаторов» так и неприступили.

Итак, Коммуна не подвела экономического фундамента под политические завоевания пролетарской революции. Это, конечно, не случайность. Теоретическая неподготовленность социалистов, отсутствие сплоченной социалистической партии, слабость экономических организаций пролетариата, наконец, недостаточная степень концентрации промышленности,—все это ставило непреодолимые препятствия всякому сколько-нибудь решительному шагу Коммуны на пути к социализации промышленности.

Длительная осада и мартовская революция не могли не отразиться на боеспособности национальной гвардии. Старая дисциплина, связанная с именами ненавистных генералов и политически умеренных офицеров, сильно расшаталась, а новая еще не успела укрепиться. О той путанице, которая имелась в головах многих рядовых гвардейцев, можно судить хотя бы по тому, что далеко не все члены самой Коммуны отчетливо сознавали необходимость принуждения в эпоху диктатуры пролетариата; среди «меньшинства», несомненно, еще встречались анархические взгляды на обязательную военную службу.

Падению дисциплины в огромной степени содействовало то обстоятельство, что оперировавшие против версальцев отряды гвардейцев не получали необходимых директив из центра, у которого, кстати сказать, никогда не было общего плана действий.

Упадок дисциплины среди офицерства проявлялся и в иных формах. Назначения и смещения высшего командного состава, исходившие от военного делегата, порой наталкивались на сопротивление не только со стороны Ц. К-та, но и самих заинтересованных лиц.

Командиры, провалившиеся при перевыборах в своих частях, не сдавали сабель и револьверов.

Среди офицеров, особенно штабных, необычайно развилась далеко не демократическая страсть к красивой форме: нашивкам, галунам, аксельбантам и т. п.

Как бы то ни было, вопрос о командном составе стоял очень

---

1) Лавров, 122.

остро. В области военной, еще больше, чем во всякой другой, ощущался недостаток в специалистах, преданных делу Коммуны.

«Военная администрация,—говорил член Коммуны Билльорэ,— это—организованная дезорганизация».

«Ведомство военного министерства,—пишет Лиссагарэ,—было какой-то темной комнатой, в которой все сталкивались».

Словом, наблюдалась полнейшая неслаженность отдельных частей военно-административного механизма, которые беспорядочно цеплялись друг за друга, тормозя всякую работу.

Но никакой стройности организации, никакого единства и планомерности в политике военного ведомства и не могло быть при том многовластии и недостаточном разграничении компетенций отдельных органов, которое наблюдалось в военном управлении и командовании.

Дело обороны пролетарской революции находилось в весьма неумелых и ненадежных руках. Частая смена высшего командования, отсутствие единого авторитетного органа управления, двоевластие Коммуны и Ц. К., наконец, вся соглашательская политика Ц. К., сделавшая невозможным немедленное (после 18 марта) наступление на Версаль,—все это в сущности почти предрешало военное поражение Коммуны.

АНАЛИЗИРОВАТЬ ОПЫТ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ, ИЗВЛЕЧЬ ИЗ НЕГО УРОКИ ТАКТИКИ, ПЕРЕСМОТРЕТЬ НА ОСНОВАНИИ ЕГО СВОЮ ТЕОРИЮ-ВОТ КАК ПОСТАВИЛ СВОЮ ЗАДАЧУ МАРКС.

ЛЕНИН.

ПОДАВЛЯТЬ БУРЖУАЗИЮ И ЕЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ—ДЛЯ КОММУНЫ ЭТО БЫЛО ОСОБЕННО НЕОБХОДИМО, И ОДНА ИЗ ПРИЧИН ЕЕ ПОРАЖЕНИЯ СОСТОИТ В ТОМ, ЧТО ОНА НЕДОСТАТОЧНО РЕШИТЕЛЬНО ЭТО ДЕЛАЛА.

ЛЕНИН.

Карл Маркс

Коммуна—правительство рабочего класса

Коммуна была прямой противоположностью Империи. Крик: «Да здравствует социальная республика», которым парижский пролетариат приветствовал февральскую революцию, выражал лишь неясное стремление к такой республике, которая не только уничтожила бы монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство. Коммуна и явилась именно определенной формой такой республики.

Париж, бывший резиденцией и центром старой правительственной власти, а вместе с тем и общественным центром французского рабочего класса,—Париж восстал с оружием в руках против попытки Тьера и его помещичьей палаты восстановить и увековечить эту старую правительственную власть, оставшуюся в наследство от Империи. Париж мог сопротивляться Версалю только потому, что осада освободила его от армии, место которой заняла национальная гвардия, комплектовавшаяся большей частью из рабочих. Этот факт надо было превратить в прочное учреждение, и поэтому первым декретом Коммуны был декрет об уничтожении регулярного войска и о замене его вооруженным народом.

Коммуна была образована из муниципальных советников (городских гласных), выбранных парижскими округами посредством всеобщей подачи голосов. Члены ее были ответственны и сменяемы в любое время. Большинство их было, как это само собою разумеется, рабочими или известными представителями рабочего класса. Коммуна должна была быть не парламентским учреждением, а деловой коллегией, соединявшей в себе как исполнительную, так и законодательную власть. У полиции, бывшей до сих пор орудием государственного правительства, были немедленно отняты все ее политические функции, и она была превращена в ответственное и во всякое время сменяемое орудие Коммуны. Та же судьба постигла чиновников и другие отрасли правления.

Начиная с членов Коммуны и до самых низов, общественные должности оплачивались жалованьем в размере заработной платы.

Уничтожив регулярную армию и полицию—эти орудия материальной силы старого правительства,—Коммуна приступила немедленно к сокрушению власти духовенства, этого орудия духовного порабощения; она декретировала распущение и экспроприацию всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом. Священники должны были вернуться к скромной жизни честных людей и, подобно их предшественникам—апостолам, жить милостынею верующих. Все учебные заведения, поставленные вне влияния церкви и государства, стали бесплатными для всех. Таким образом, школьное образование сделалось доступным всем; с науки были сняты оковы, наложенные классовыми предрассудками и правительственною властью.

Судей лишили той мнимой независимости, которая только скрывала их подчиненность поочередно сменявшимся правительствам; они каждому правительству приносили присягу на верность и каждому изменяли. Как и прочие должностные лица общества, они были сделаны выборными, ответственными и сменяемыми.

Парижская Коммуна должна была служить естественным образцом всем большим промышленным центрам Франции. Если бы Коммуна водворилась в Париже и второстепенных центрах, старое централизованное правительство уступило бы место самоуправлению производителей и в провинциях. В кратком очерке национальной организации, который Коммуна не успела подробно разработать, прямо говорится, что Коммуна должна стать политической формой самых маленьких деревушек, и что постоянное войско должно быть заменено по всей стране народной милицией с самым кратким сроком службы. Собрание уполномоченных, заседающих в главном городе округа, должно было заведывать общими делами всех сельских общин каждого округа, а эти окружные собрания в свою очередь должны были посылать уполномоченных в Национальное Собрание, заседающее в Париже; уполномоченные должны были строго придерживаться инструкций своих избирателей и могли быть сменены во всякое время. Немногие, но важные функции, оставшиеся еще у центрального правительства, должны были быть не уничтожены, как ложно говорили враги Коммуны, а лишь переданы коммунальным чиновникам, т.-е. таким, которые были строго ответственны. Коммунальное устройство не разрушало, а, напротив, организовывало единство нации; это

единство должно было превратиться в нечто действительное с уничтожением государственной власти, считавшейся воплощением этого единства, претендовавшей стоять выше нации и независимо от нее, а на деле бывшей только паразитом на организме нации. Уничтожая те органы старой правительственной власти, которые служили только для угнетения, Коммуна вырывала из рук этой власти, претендовавшей стоять выше общества, ее законные функции и отдавала их ответственным слугам общества. Всеобщая подача голосов до сих пор служила народу для выбора каждые три года или шесть лет какого-нибудь члена господствующего класса, который представлял и подавлял народ в парламенте; теперь она должна была служить народу, организованному в Коммуны.

Буржуазия провинциальных городов видела в Коммуне попытку восстановить то господство над деревнею, которым она пользовалась при Луи Филиппе и которое при Луи Бонапарте было вытеснено мнимым господством деревень над городами. В действительности Коммуна хотела подчинить сельских производителей умственному руководству окружных городов и обеспечить им в городских рабочих естественных представителей их интересов. Уже из факта существования Коммуны естественно вытекало местное самоуправление, но это местное самоуправление не должно было больше служить противовесом государственной власти, становившейся совершенно излишней.

Уничтожив две крупнейшие статьи расходов: армию и чиновничество, Коммуна осуществила собою идеал всех буржуазных революций—дешевое правительство. Самое существование ее было отрицанием монархии, которая является в Европе, по крайней мере, обычным балластом и неизбежной маской классового господства. Коммуна создала для республики фундамент действительно демократических учреждений. Но ни дешевое правительство, ни «истинная республика» не были конечной целью ее; и то и другое явилось само собою, между прочим.

Различные толкования значения Коммуны, разнообразные интересы, которые она выражала, доказывают, что она была весьма растяжимою государственною формою, меж тем как все прежние формы правительства были по существу своему формами угнетения. Тайна ее заключается в том, что она по существу своему, была **правительством рабочего класса**, результатом борьбы между классом производящим и классом присваивающим,

той давно искомой политической формой, в которой могло бы совершиться экономическое освобождение труда.

Без этого последнего условия Коммуна немыслима, без него она—пустой призрак. Политическое господство производителей не может существовать рядом с увековечением их социального рабства. Коммуна должна была поэтому служить орудием ниспровержения тех экономических устоев, на которых зиждется самое существование классов, а следовательно, и классовое господство. Раз труд освобожден, все станут рабочими, и производительный труд перестанет быть особенностью известного класса.

Странная вещь: стоит только рабочим где-нибудь взять дело в свои руки, и тотчас, несмотря на все, что за последние 60 лет писалось и говорилось об освобождении труда, начинают раздаваться хвалебные гимны защитников современного общества. Коммуна, говорят они, хочет уничтожить собственность, основу всей цивилизации! Да, милостивые государи, Коммуна хотела уничтожить эту классовую собственность, которая превращает труд многих в богатство немногих. Она хотела экспроприировать экспроприаторов. Она хотела создать индивидуальную собственность, взаправду превратив средства производства, землю и капитал, служащие в настоящее время прежде всего орудиями порабощения и эксплоатации труда, в орудия свободного и объединенного труда.

Но ведь это коммунизм, «невозможный» коммунизм! Однако нашлись же среди господствующих классов люди,—и их мало,—которые поняли, что настоящее положение вещей не может долго существовать; они стали назойливыми и крикливыми апостолами кооперативного производства. А если кооперативное производство не пустой звук и не обман, если оно должно вытеснить капиталистическую систему, если ассоциации организуют национальное производство по общему плану, возьмут его в свое заведывание и этим прекратят постоянную анархию и периодические конвульсии—неизбежные при капиталистическом производстве,—не будет ли это, спрашиваем мы вас, милостивые государи, коммунизмом, «возможным» коммунизмом?

Рабочий класс не требовал чудес от Коммуны. Он не думает осуществлять посредством народного решения готовых и законченных утопий. Он знает, что для того, чтобы добиться своего освобождения и достигнуть той высшей формы жизни, к которой неудержимо стремится современное общество в силу соб-

ственного своего экономического развития, ему придется выдержать упорную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и людей и обстоятельства. Рабочему классу предстоит не осуществлять какие-либо идеалы, а лишь дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах разрушающегося буржуазного общества.

Когда Парижская Коммуна взяла на себя руководство революцией, когда простые рабочие впервые решились посягнуть на привилегию своего «естественного начальства»—имущих классов, именно: на привилегию управления,—они взялись за работу при неслыханно тяжелых условиях и исполняли ее скромно, добросовестно и успешно; высший размер их вознаграждения не превышал одной пятой части жалованья, получаемого, по словам известного авторитета в науке (проф. Гексли), секретарем лондонского школьного совета. Старый мир скорчило от бешенства, когда он увидел красное знамя над городскою ратушею,—символ республики труда.

Это была первая революция, в которой рабочий класс был открыто признан единственным классом, способным еще к общественной инициативе; это признал парижский средний класс—мелкие торговцы, ремесленники, купцы, все, за исключением богатых капиталистов. Мудро разрешив вопрос, бывший всегда причиной раздоров в самом среднем классе—вопрос о должниках и кредиторах,—Коммуна спасла этот класс.

Коммуна имела полное право объявить крестьянам: «Наша победа—ваша надежда!». Самой наглой клеветой, пущенной в ход в Версале и разнесенной по всему свету достославными башибузуками европейской печати, было утверждение, что помещики Национального Собрания являлись представителями французских крестьян.

Не правда ли, как правдоподобна эта внезапно вспыхнувшая во французских крестьянах любовь к людям, которым они после 1815 г. должны были заплатить миллиард вознаграждения! В глазах французского крестьянина уже самое существование крупного поземельного собственника есть посягательство на его завоевания 1789 года.

В 1848 г. буржуа обложили землю крестьян добавочным налогом в 45 сантимов на франк, но это сделали именем революции, теперь же они затеяли гражданскую войну против революции, чтобы взвалить на плечи крестьян главную тягость 5-миллиардной контрибуции, которую они обязались уплатить пруссакам.

Коммуна, напротив, заявила в одной из первых же своих прокламаций, что бремя войны должны нести настоящие виновники ее. Коммуна освободила бы крестьянина от «налога крови», дала бы ему дешевое правительство, заменила бы таких пиявок, как нотариуса, адвоката, судебного пристава и проч.,—наемными коммунальными чиновниками, выбираемыми им самим и ответственными перед ним. Она освободила бы его от произвола полевого сторожа, жандарма и префекта; она заменила бы отупляющего его ум священника просвещающим его школьным учителем.

Вот какие существенные блага обещало непосредственно господство Коммуны—и только Коммуны—французским крестьянам. Поэтому излишне останавливаться здесь на тех, более сложных и действительно жизненных, вопросах, которые только одна Коммуна могла и необходимо должна была решить в пользу крестьян; таковы вопросы об ипотечном долге, который тяготел на крестьянской земле, о сельском пролетариате, возрастающем со дня на день, об экспроприации самих крестьян, которая совершалась все быстрее и быстрее благодаря развитию новейшего сельского хозяйства и конкуренции капиталистического земледелия.

Помещики отлично понимали (и этого они больше всего боялись), что если коммунальный Париж будет свободно сообщаться с провинциями, то через какие-нибудь три месяца вспыхнет поголовное крестьянское восстание. Потому-то они так трусливо спешили окружить Париж полицейскою блокадой, чтобы помешать распространению заразы.

Коммуна служила истинною представительницею всех здоровых элементов французского общества: она была поэтому действительно национальным правительством. Но, будучи правительством рабочих, смелой поборницей освобождения труда, она являлась в то же время международной в полном смысле этого слова. Перед лицом прусской армии, присоединившей к Германии две французские провинции, Коммуна присоединила к Франции рабочих всего мира.

Вторая Империя была праздником космополитического мошенничества. На ее призыв из всех стран бросились грабители, чтобы принять участие в ее оргиях и в ограблении французского народа. Даже и в настоящую минуту правой рукой Тьера является Ганеско, валашский плут, а левой—Марковский. Коммуна предоставила всем иностранцам честь умереть за бессмертное дело.

В тюрьме Де-Шантьер в Версале

Буржуазия успела в промежуток между внешнею войною, проигранной из-за ее измены, и гражданской войною, вызванной ее заговором с чужеземным завоевателем, показать свой патриотизм полицейской травлей против немцев по всей Франции. Коммуна назначила немца министром общественных работ.

И Тьер, и буржуазия, и Вторая Империя постоянно обманывали поляков громогласными выражениями своего сочувствия, на деле предавая поляков. Коммуна почтила геройских сынов Польши, поставив их во главе защитников Парижа. Чтобы резче оттенить новую историческую эру, которую она сознательно открывала собой, Коммуна перед лицом пруссаков-победителей, с одной стороны, и бонапартовской армии с бонапартовскими генералами во главе—с другой, низвергла колоссальный символ военной славы—Вандомскую колонну.

Великим социальным мероприятием Коммуны было ее собственное существование, ее работы. Отдельные меры, предпринимавшиеся ею, могли обозначить только направление, в котором развивается управление народа посредством самого народа. К числу их принадлежали: запрещение ночной работы пекарей; запрещение, под страхом наказания, понижать заработную плату наложением штрафов на рабочих под всевозможными предлогами—обычный прием работодателей, которые, соединяя в своем лице законодательную, судебную и исполнительную власти, кладут штрафные деньги себе в карман. Подобной же мерой была и передача рабочим товариществам всех мастерских и фабрик, владельцы которых бежали или приостановили работы, с предоставлением им права на вознаграждение.

Финансовые меры Коммуны отличались расчетливостью и умеренностью; она должна была ограничиться только мерами, совместимыми с осадным положением города. Париж так обкрадывали банкирские компании и предприниматели построек, что Коммуна имела значительно большие права конфисковать их имущества, чем Луи Бонапарт имущество Орлеанов. Гогенцоллерны и английские олигархи, большая часть богатств которых состоит из награбленных церковных имуществ, были сильно возмущены Коммуной, которая получила от конфискации церковных имуществ всего только 8.000 франков.

Версальское правительство, как только оно немного приободрилось и окрепло, стало принимать против Коммуны самые насильственные меры; оно давило во всей Франции всякое свобод-

ное выражение мнений, запретило даже собрания делегатов больших городов, оно завело шпионов в Версале и во всей Франции и притом в более широких размерах, чем при Второй Империи; его жандармы-инквизиторы сжигали все издававшиеся в Париже газеты, вскрывали все письма из Парижа и в Париж; Национальное Собрание на самую робкую попытку сказать слово в защиту Парижа отвечало неистовым воем, неслыханным даже в помещичьей палате. Версальцы не только вели кровожадную войну против Парижа, но еще старались подкупами и заговорами проникнуть в него. Могла ли Коммуна при таких условиях, не изменяя позорно своему призванию, соблюдать, как при глубоком мире, условные формы либерализма? Если бы правительство Коммуны было таково же по духу, как и правительство Тьера, то не было бы причин запрещать газеты «партии порядка» в Париже и газеты Коммуны в Версале.

Естественно, что депутаты «помещичьей палаты» бесились, когда в то время, как они объявляли единственным средством для спасения Франции возвращение в лоно церкви, неверующая Коммуна раскрывала тайны женского монастыря Пикпуса и церкви св. Лаврентия. Разве это не было едкой сатирой на Тьера, сыпавшего кресты Почетного Легиона на генералов Бонапарта за их отличное умение проигрывать сражения, подписывать капитуляции и делать папиросы в Вильгельмсгэе, что Коммуна сменяла и арестовывала своих генералов при малейшем подозрении в небрежном исполнении своих обязанностей? Разве это не было пощечиной фабриканту фальшивых документов Жюлю Фавру, министру иностранных дел Франции, продавшему ее Бисмарку, диктовавшему приказы несравненному бельгийскому правительству, если Коммуна сменила и арестовала одного из членов своих, который вкрался в нее под вымышленным именем, после 6 дней ареста в Лионе за банкротство? Но Коммуна зато не претендовала на непогрешимость, как это делали все старые правительства без исключения. Она опубликовывала все речи своих заседаний, оглашала все свои действия; она посвящала публику во все свои несовершенства.

Коммуна каким-то чудом преобразила Париж. Распутный Париж Второй Империи бесследно исчез. Столица Франции перестала быть сборным пунктом для британских крупных поземельных собственников, ирландских абсентеистов, американских экс-рабовладельцев и выскочек, русских экс-крепостников и валашских

бояр. В морге ни одного трупа, нет ночных грабежей, почти ни одной кражи. С февраля 48 года улицы Парижа в первый раз стали безопасными, хотя на них не было ни одного полицейского. «Мы уже не слышим,—говорил один из членов Коммуны,—ни об убийствах, ни о грабежах, ни о преступлениях против личности; можно думать, что полиция увезла с собой в Версаль всех консервативных друзей своих». Кокотки последовали за своими покровителями, за этими обратившимися в бегство столпами семьи, религии и особенно собственности. Их место заняли снова истинные парижанки, такие же героические, великодушные и самоотверженные, как женщины классической древности. Трудящийся, мыслящий, борющийся, истекающий кровью, но сияющий вдохновенным сознанием своей исторической инициативы, Париж почти забывал о людоедах, стоявших перед его стенами, всецело отдавшись строению нового общества.

И лицом к лицу с этим новым миром Парижа стоял старый мир Версаля—это собрание отрепьев всех отживших порядков—легитимистов и орлеанистов, жаждущих растерзать труп народа,—с хвостом из допотопных республиканцев, поддерживающих в Национальном Собрании рабовладельческий бунт: они надеялись, что, благодаря тщеславию старого арлекина, находившегося во главе правления, они отстоят свою парламентскую республику; они занимались тем, что пародировали 1789 год своими таинственными собраниями в Jeu de Paume (зал для игры в мяч, где Национальное Собрание 1789 г. приняло свои знаменитые решения). Это собрание, этот труп, представлявший собою всю отжившую Францию, продолжало жить призрачной жизнью, благодаря исключительно саблям генералов Бонапарта, которые были для него подпорою. Париж—весь истина, Версаль—весь ложь; и глашатаем этой лжи был Тьер.

ТАЙНА ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТО ОНА, ПО СУЩЕСТВУ СВОЕМУ, БЫЛА ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РАБОЧЕГО КЛАССА, РЕЗУЛЬТАТОМ БОРЬБЫ МЕЖДУ КЛАССОМ ПРОИЗВОДЯЩИМ И КЛАССОМ ПРИСВАИВАЮЩИМ, ТОЙ ДАВНО ИСКОМОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФОРМОЙ, В КОТОРОЙ МОГЛО БЫ СОВЕРШИТЬСЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА.

КАРЛ МАРКС.

П. Л. Лавров

Что сделала Коммуна?

Парижская Коммуна пала. При данных условиях это падение было фатально. Революция застала передовые партии неподготовленными к тому, чтоб захватить в свои руки движение, дать ему определенную программу и решительно осуществить ее. Революция не нашла в передовых партиях людей с надлежащим знанием и уменьем военного дела, чтоб создать план действия, приспособленный к данным обстоятельствам. Революция, поднявшая самое передовое знамя, по необходимости передала его в руки людей, которые внесли в борьбу слишком много личных недостатков, личных столкновений из-за власти и придали внутренней истории Коммуны характер, мало достойный того дела, за который билась и гибла Парижская Коммуна 1871 года. В избытке сыпались обвинения на этих людей, оказавшихся— «ниже своей задачи», и эти обвинения не только встречаются почти неизбежно в произведениях противников Коммуны, но высказываются не раз и ее сторонниками. «Не следует никогда забывать, что люди, которые мечтают о будущем обществе, пытаются положить ему основание, родились, воспитались в настоящем обществе; что его традиции, его примеры, его воспитание пустили в каждом из нас корни, которые трудно совсем отрезать» [1]). Все патологические явления истории Коммуны, столь поучительные для революционеров, изучающих эту историю, были прямыми и явными следствиями тех обстоятельств, в которых произошел взрыв 18 марта,—тех условий, при которых развились и выработались люди, принявшие неожиданно на свои плечи тяжелую ответственность быть представителями и руководителями парижского пролетариата в минуту его победоносного восстания. При этих обстоятельствах и этих условиях не могут и не должны удивить никого патологические явления, которые я не думал ни обходить, ни скрывать, как не может никого удивить

[1]) Артур Арну. Народная история Парижской Коммуны".

фатальный факт падения Коммуны. Но можно и следует изумляться, что при столь невыгодных условиях, при столь печальных обстоятельствах Парижская Коммуна 1871 г. могла еще продержаться так долго и сделать так много.

Потому что лишь то, что она действительно сделала, поставило ее так высоко в воспоминаниях всемирного пролетариата, борющегося за свои права, и соединяло в ее почитании все разнообразные партии, разделявшие и разделяющие в последние годы приверженцев рабочего социализма.

Что же сделала Коммуна? В каких элементах этой совокупности событий,—заключавшей в себе не мало печального и жалкого,—содержится ее завещание будущей истории и тайна ее влияния на настоящее социальное движение?

Мне кажется, что эти исторические элементы все обусловливаются одним принципом, присущим парижскому движению.

Я не раз уже упоминал об этом принципе, который я нахожу самым существенным в революции 18 марта 1871 года. Это была революция пролетариата. В первый раз он в ней сознательно противопоставил свои интересы и стремления интересам и стремлениям господствующих классов.

Проследим же вкратце факты, в которых этот принцип проявился наиболее ярко; посмотрим, в каких отдельных явлениях он отразился более или менее ясно; отметим в совокупности событий разнообразного происхождения те события, которые с ним имели более или менее отдаленную связь. В этом именно заключается историческое дело Коммуны, ее завещание будущему. Да, как сказано в приведенных выше словах Артура Арну: «Традиция была разрушена. Нечто неожиданное совершилось в мире. В правительстве не было ни одного члена управляющих классов». Тому несколько лет я пробовал («Вперед», 1875, 132) вкратце характеризовать переворот 18 марта словами, которые могу повторить и теперь: «Революция 1871 года в первый раз в истории решилась с самого начала поставить в своей главе «неизвестных людей» из народа. Парижская Коммуна 1871 г. была первою организацией общества, во главе которой стояли Франкели, Варлены, Тэйсы, Пенди и другие работники физического труда, и при всех ошибках, при всех несовершенствах управления Коммуны они доказали, что рабочий класс может выставить для распоряжения общественными делами лиц, которые нисколько не хуже распорядятся ими, чем работники

интеллигенции, считавшие до тех пор администрацию своею специальностью... Сравнительно с декретами, вышедшими из парламентов и министерств, наполненных тщательно выращенными, выхоленными и дрессированными политическими людьми, законодательство Коммуны едва ли может заслужить какое-либо порицание: переплетчики, слесаря, золотых дел мастера оказались настолько же годными для этого дела, как и воспитанники различных лицеев и специальных школ, выросшие в среде дельцов и политиков. Парижская Коммуна, в свое короткое существование, окончательно уничтожила иллюзию, что буржуазное развитие дает какое бы то ни было превосходство в управлении общественными делами,—иллюзию, что пролетариат, на другой день после победы, все-таки будет нуждаться в интеллигенции побежденных буржуа и все-таки должен будет поставить в своей главе тех, против которых восстал... Великие дни марта 1871 года были первыми днями, когда пролетариат не только произвел революцию, но и стал во главе ее. Это была первая революция пролетариата».

Хотя мы видели, что слишком часто в официальных бумагах и заявлениях идея политическо-коммунальной революции заслоняла идею революции пролетариата, однако следует заметить, что последняя снова и снова выдвигалась на первый план, как действительное содержание совершившейся революции. Прежде чем интернационалист Лонге проповедывал в «Официальном Журнале» фантастическое прекращение сословного антагонизма, этот журнал печатал (21 марта) заявление: «Пролетарии столицы, среди бессилия и измен правительственных классов, поняли, что пришел час для них найти исход из данного положения, взяв в свои руки распоряжение политическими делами... День освобождения пролетариата настал». Через два дня прокламация Центрального Комитета объясняла оппозицию буржуазной прессы ее «досадою на переход господства в мир рабочих» («Mur. Pol.»[1]), II, 78). Тот же Центральный Комитет говорил 5 апреля в прокламации, обращенной к жителям Парижа: «Не обманывайтесь, работники; это—великая борьба, это—столкновение паразитизма и труда, эксплоатации и производительности»... Это «социальное обновление» заключалось и могло заключаться исключительно в принципе революции, совершенной в пользу рабочего пролетариата.

[1]) „Les Murailles politiques françaises". 1874, Paris.

Лишь в зависимости от этого основного принципа революции 18 марта приходится рассматривать и тот принцип коммунальной независимости и коммунальной федерации, которому большинство сторонников Коммуны придает первостепенное значение.

Манифест Генерального Совета Интернационала немедленно после падения Коммуны указал, что «окончательною целью ее были не «дешевое правительство» и не «истинная республика»; это были не более, как ее спутники... Истинная тайна ее заключалась в следующем. Это было, по существу, правление рабочих, результат борьбы класса производителей с классом, присвоившим себе продукты труда; это была найденная, наконец, политическая форма, в которой должна осуществиться экономическая эмансипация труда. Вне этого последнего условия коммунальная конституция была бы невозможностью и призраком. Политическое господство производителя не может существовать рядом с продолжением социального рабства. Поэтому Коммуна должна была служить рычагом для разрушения экономических основ, на которых зиждется существование сословий, а следовательно, и сословного господства. При эмансипации труда всякий человек становится работником, и производительный труд перестает быть признаком особенного сословия...

Пролетариат Парижской Коммуны 1871 г. противопоставил свои интересы интересам господствующих классов и заявил свои права на революцию, совершенную во имя этих интересов. Он показал, что в случае удачной революции, он не нуждается ни в какой помощи со стороны господствующих классов для поддержания общественного порядка и ведения своих дел. Он поставил политическую программу будущего: федерацию автономных групп работников, вооруженных для своей защиты, избирающих начальников своим вооруженным силам, точно так же, как делегатов для всех отправлений общественной службы. Он представил план научного подготовления социальной революции путем обсуждения в рабочих группах вопросов производства, обмена и распределения, которые, выработавшись в определенную программу экономического переворота, выказали бы, что рабочие группы готовы совершить этот, заранее обдуманный и подготовленный, переворот в минуту взрыва, которому исторические комбинации доставили бы успех. Он намекнул, наконец, на некоторые практические приемы социального переворота в области экономической—на экспроприацию производительных учре-

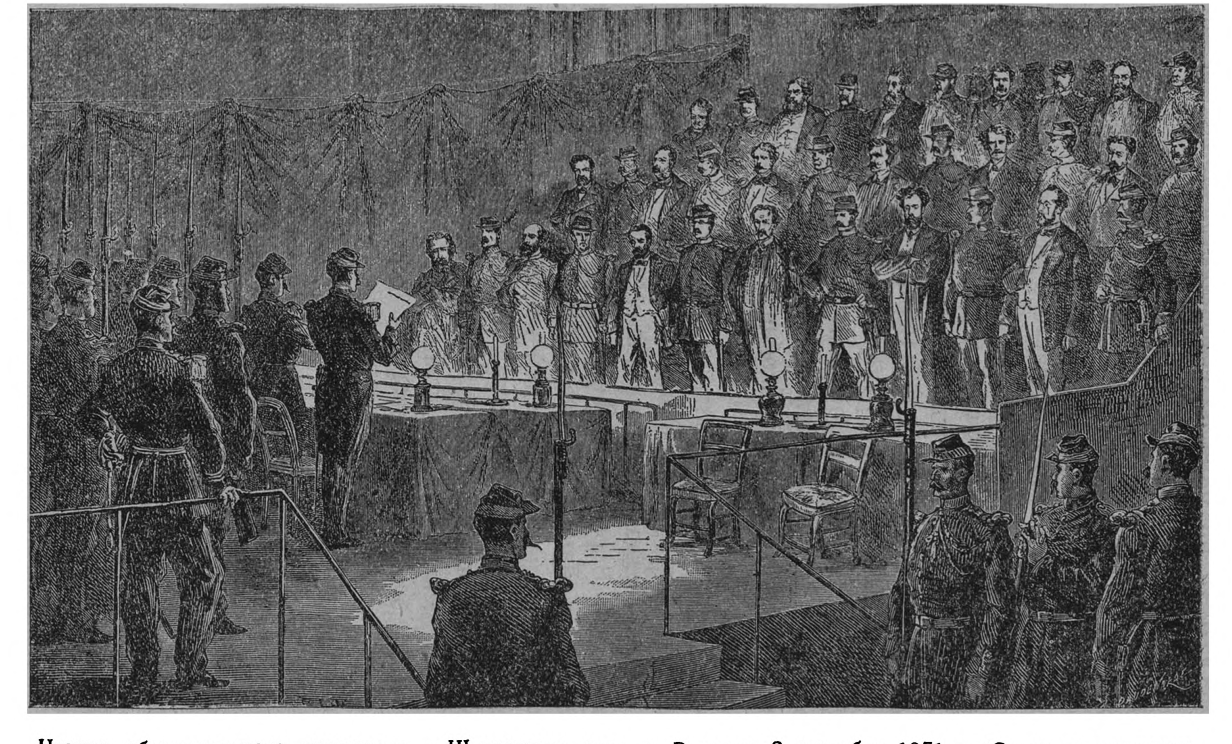
ждений, с передачею их в руки рабочих групп, в них находившихся в минуту революции; в области теоретической—на полное устранение элемента религии из школ и нормальных отношений общественного строя (что, впрочем, есть не более, как единственное наследство, которое рабочий социализм может сохранить от завоеваний либерально-буржуазного строя); в области общежития—на разрыв с рутинным взглядом на законную семью. Повторяю: при грозных обстоятельствах, которые составляли среду, где родилась и развивалась революция 1871 года в 2½ месяца своего существования, при недостатке предварительной организации и подготовки партии, которая сделала эту революцию своим знаменем; при недостатке согласия, недостатке военных талантов; при неизбежных личных столкновениях, вследствие ряда столь же неизбежных теоретических и практических ошибок, можно удивляться не тому, что Коммуна не могла отстоять себя и сделала вообще мало, но тому, что она продержалась так долго и сделала так много.

Но было ли возможно вообще торжество рабочего пролетариата? Должно ли искать причин его поражения в Париже в 1871 г. в тех обстоятельствах, о которых я говорил? или не следует ли—как и думают некоторые противники пролетариата—считать это поражение фатальным явлением, которое должно повторяться всюду, при всех обстоятельствах, так что борьба рабочего пролетариата против господствующих классов может быть героическою, но никогда не может быть победоносною?—Нет. Борьба эта не безнадежна, и победа пролетариата не только возможна, но и необходима, если она будет надлежащим образом подготовлена. Я не имею возможности здесь остановиться на этом предмете и развить его надлежащим образом, но в настоящую минуту, для того, чтобы судить, чем может сделаться при удобных обстоятельствах восстание рабочих, даже лишенное определенной социалистической программы, достаточно вспомнить о том, что произошло в Соединенных Штатах в 1877 г., и как легко этот взрыв, разлившийся от одного океана до другого, передавший в руки рабочих несколько городов и громадные средства, мог бы перейти в победоносную социальную революцию, если бы подкладкою ему служила не простая стачка с довольно ограниченными требованиями, но обширная и определенная социалистическая программа.

При удобных обстоятельствах победа рабочей партии может

зависеть лишь от двух условий: от степени подготовленности передовых социалистических групп и от героической решимости участников рабочего революционного движения. Для Коммуны обстоятельства были лишь отчасти удачны, но фатальным недостатком ее была неподготовленность к социальной революции именно передовых социалистических групп. Что касается до последнего условия, то социалистическое движение во всех странах и во всех его формах дало и дает неопровержимые доказательства, с каким героизмом приверженцы его идут на ту борьбу, которую, по местным политическим, юридическим и культурным условиям, они находят выгоднейшею для своих целей. Легальная агитация немецких социал-демократов, взрывы итальянских инсургентов, громадные стачки Англии и Америки и мученичество наших молодых борцов за будущее русского народа доказали, что социалисты всюду—да едва ли теперь не одни лишь социалисты—способны выставить ряд героев и героинь, готовых бороться упорно, неутомимо, не обращая внимания ни на препятствия, ни на опасности, ни на продолжительность и однообразие медленных, но постоянных усилий, ни на грозную силу врагов, ввиду единичных знаменосцев будущего; ряд героев и героинь, готовых жить и умереть за свое дело.

В этой золотой книге социалистических героев, в мартирологе социалистических мучеников, Парижская Коммуна занимает одну из самых величественных страниц. Здесь исчезает разница самого развитого понимания социалистических задач и самого рутинного поклонения старым революционным идеям. Здесь теоретическая неподготовленность, практическая неумелость, борьба личности за власть, неосторожное и вредное распоряжение этой властью,—все это бледнеет, обращается в ничто перед одною общею для всех характеристикою, перед горячею преданностью пролетариату и его стремлениям, перед самоотверженным убеждением, которое не останавливает никакая жертва, перед героическою решимостью делать до последней минуты свое дело. Здесь исчезло различие партий перед единством и солидарностью целого. «Коммуна,—пишет Арт. Арну (III, 93 и след.),—любила народ глубоко, безусловно, не примешивая к этой любви какого-либо иного чувства. Она принадлежала народу сердцем и делом вполне, без ограничения, без задней мысли. Она составила с ним одно целое, думая лишь о нем, разорвав решительно связи со старым миром, имея всегда пред глазами исключительную,—если и не всегда

Чтение обвинительного приговора в III военном суде в Версале, 2 сентября 1871 г. (Среди подсудимых Клеман, Тренкэ, Феррэ, Курбэ, Режер, Асси, Паран, Шампи, Юрбен, Ферра, Люллье, Бильорэ, Вердюр, Декан, Журд, Груссе, Растуль)

достаточно ясную,—картину нового общества, где не должна была существовать ни одна из уважаемых привилегий, ни одна из священных несправедливостей настоящего строя... Коммуна любила народ с убеждением. Это было даже единственное в мире собрание, где никогда, ни у одного из ее членов, не возникло чувства недоверия и опасения относительно народа, где никогда никому не пришло в голову его оттолкнуть, подвергнуть надзору, поставить ему препятствие... В Коммуне не было ни буржуа, ни рабочих, были только делегаты народа, которые существовали и хотели существовать лишь во имя народа». Когда, в минуту битвы, Феррэ встретил Вермореля, последний сказал ему, улыбаясь: «Что же, Феррэ? члены меньшинства дерутся». «Члены большинства исполняют свою обязанность», отвечал ему Феррэ (Liss., 362). И они исполнили ее наравне со своими политическими противниками. «Эти якобинцы,—писал о них Бакунин («Община», № 5),—сумели умереть за Коммуну! Кто же осмелится потребовать от них большего?». Да, героически умереть на баррикадах, под пулями легальных убийц, гордо стоять пред судьями, гордо страдать в тюрьме и в ссылке сумели одинаково все: Делеклюз и Верморель, Феррэ и Мильер, Риго и Варлен, полупомешанный Люлье и Луиза Мишель, одна из самых чистых и привлекательных личностей революции 18 марта. Парижская Коммуна, как идея, как «новая революция», врезала неизгладимо свой след в истории социалистической мысли, но ее самою славною страницею в истории человеческого героизма останутся десятки тысяч безыменных, забытых героев и героинь, мучеников и мучениц, которые дрались и гибли на баррикадах 20—28 мая, страдали и гибли на понтонах, в тюрьмах, в Новой Каледонии и своею кровью, своими страданиями оплодотворяли почву, на которой вырастет будущая победоносная социальная революция.

Париж 1879 г.

МОЖНО И СЛЕДУЕТ ИЗУМЛЯТЬСЯ, ЧТО ПРИ СТОЛЬ НЕВЫГОДНЫХ УСЛОВИЯХ, ПРИ СТОЛЬ ПЕЧАЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПАРИЖСКАЯ КОММУНА 1871 Г. МОГЛА ЕЩЕ ПРОДОЛЖАТЬСЯ ТАК ДОЛГО И СДЕЛАТЬ ТАК МНОГО.

П. Л. ЛАВРОВ.

Карл Маркс

«Кровавая неделя» и мировой пролетариат

Перед небывалыми ужасами 1871 года бледнеют даже мерзости буржуазии в 1848 году. Самоотвержение, с которым весь парижский народ—мужчины, женщины и дети—еще целую неделю сражался после того, как версальцы ворвались в город, отражает величие его дела так же ярко, как зверские подвиги солдатчины отражают весь дух той цивилизации, наемными защитниками и мстителями за которую они были; цивилизация, которая после окончания битвы стояла перед задачей, куда девать массы трупов убитых ею людей,—поистине, великая цивилизация!

Чтобы найти что-либо похожее на поведение Тьера и его палачей, надо вернуться ко временам Суллы и римских триумвиратов. То же хладнокровное массовое избиение людей; то же безразличное отношение палачей к полу и возрасту жертв; та же пытка пленных; те же гонения, только на этот раз уже против целого класса; та же дикая травля скрывшихся вождей, чтобы никто из них не спасся; те же доносы на политических и личных врагов; то же равнодушное избиение людей, совершенно непричастных к борьбе. Разница только в том, что римляне не имели митральез, чтобы расстреливать пленных толпами, что у них не было «в руках закона», а на устах слова «цивилизация».

На-ряду с этими зверствами, посмотрите теперь на другую, еще более омерзительную сторону этой буржуазной цивилизации, описанную ее собственной печатью.

Парижский корреспондент одного лондонского консервативного журнала пишет: «Вдали раздаются еще выстрелы; раненые, брошенные на произвол судьбы, умирают между памятниками кладбища Père Lachaise; 600 инсургентов в предсмертной борьбе отчаяния бродят, заблудившись, в лабиринтах катакомб; по улицам гонят толпы несчастных, чтобы расстрелять их митральезами. Возмутительно видеть в такую минуту, как различные господа увеселяют себя в кафе, попивая абсент, играя на биллиарде и в домино, а кокотки нагло разгуливают по бульварам; возмути-

тельно слышать, как громкие крики оргий, раздававшиеся из отдельных кабинетов богатых ресторанов, нарушают ночную тишину!» Г. Эдуард Гервэ пишет в «Journal de Paris», версальской газете, запрещенной Коммуною: «Форма, в которой парижское население (!) вчера выражало свою радость, действительно более чем легкомысленна, и мы боимся, что дальше будет еще хуже. Париж имеет праздничный вид, что совершенно неуместно; если мы не хотим заслужить имени парижан «времен упадка», то надо это прекратить». Затем он приводит выдержки из Тацита: «И вот на следующее же утро после этой ужасной борьбы и даже раньше, чем она была совершенно закончена, униженный и развращенный Рим снова опустился в то болото распутства, которое разрушало его тело и оскверняло его душу,— alibi proelia et vulnera, alibi balnea popinaeque» (здесь битвы и раны, там бани и рестораны). Г. Гервэ только забывает, что то «парижское население», о котором он говорит, есть только население тьеровского Парижа, Парижа шулеров, набежавших толпами из Версаля, Сен-Дени, Рюэля и Сен-Жермена; это действительно «Париж времен упадка».

Эта позорная цивилизация, основанная на рабстве труда, при каждом кровавом триумфе заглушает крики своих жертв, самоотверженных борцов за новое лучшее общество, воем травли и клеветы, которая отдается эхом во всех концах света. Веселый Париж рабочих, времен Коммуны, превращается внезапно, под руками этих алчущих крови сторожевых псов «порядка», в какой-то ад. Что говорит это чудовищное превращение рассудку буржуазии всех стран? Только то, что Коммуна устроила заговор против цивилизации! Парижский народ с воодушевлением жертвует собою за Коммуну; ни в одной из происходивших до сих пор битв не было столько убитых. Что это значит? Только то, что Коммуна эта была не правительством народа, а насильственным захватом власти кучкой преступников! Парижские женщины с радостью умирают и на баррикадах, и на месте казни. Что это значит? Только то, что злой дух Коммуны сделал из них Мегер и Гекат! Умеренность Коммуны во все время ее двухмесячного полного господства может сравниться только с геройским мужеством ее защиты. Что это значит? Только то, что Коммуна для того в течение двух месяцев и скрывала под личиной умеренности и гуманности свою дьявольскую кровожадность, чтобы дать ей свободно вылиться во время предсмертной агонии!

Рабочий Париж в своем геройском самопожертвовании предал огню здания и памятники. Когда поработители пролетариата рвут на куски его живое тело, то пусть они не надеются ликующе вернуться в свои неповрежденные жилища. Версальское правительство кричит: поджог! и нашептывает своим прихвостням вплоть до самых далеких деревень такой лозунг: «Травите всех моих врагов, как простых поджигателей». Буржуазия после мира наслаждается массовым убийством людей после битвы, и она же возмущается, когда «оскверняют» частные жилища!

Когда правительства дают своим военным флотам официальное разрешение «убивать, жечь и разрушать», есть ли это разрешение поджогов? Когда английские войска умышленно сожгли Капитолий в Вашингтоне и летний дворец китайского императора,—был ли это поджог? Когда Тьер в течение шести недель бомбардировал Париж, уверяя, что желает разрушить только те дома, в которых есть люди, был ли это поджог? На войне огонь— вполне законное оружие. Здания, которые занял неприятель, бомбардируют, чтобы их сжечь. Когда обороняющимся приходится оставить эти здания, они сами их поджигают, чтобы нападающие не могли укрепиться в них. Неизбежная судьба всех зданий, мешающих какой бы то ни было регулярной армии,—быть сожженными. Но в войне рабов против их угнетателей, в этой единственной правомерной войне, какую только знает история, такой поступок считают, видите ли, преступлением! Коммуна пользовалась огнем, как средством обороны, в самом строгом смысле слова; она воспользовалась им, чтобы не допустить версальские войска в те длинные, прямые улицы, которые Осман предусмотрительно приспособил для артиллерийского огня; она воспользовалась им, чтобы прикрыть свое наступление, так же, как версальцы, наступая, посылали вперед себя гранаты, которые разрушали домов не меньше, чем огонь Коммуны. Еще до сих пор остается спорным вопрос, какие здания зажжены были наступавшими, какие—оборонявшимися. Да и оборонявшиеся только тогда стали пользоваться огнем, когда версальские войска уже начали свои массовые избиения пленных. К тому же Коммуна открыто объявила заранее, что, если ее доведут до крайности, она похоронит себя под развалинами Парижа и сделает из Парижа вторую Москву; такое же обещание давало раньше и правительство народной обороны, но, конечно, только для того, чтобы замаскировать свою измену. Для этого Трошю и пригото-

вил запас керосина. Коммуна знала, что враги ее очень мало интересовались парижским народом, но очень дорожили своими домами в Париже. А Тьер, со своей стороны, объявил, что он будет беспощадно мстить. Когда, с одной стороны, армия его уже была готова к бою, а с другой—пруссаки запирали все выходы, он воскликнул: «Я буду беспощаден! Искупление должно быть полное, суд строгий!». Если парижские рабочие поступали как вандалы, то это был вандализм отчаянной обороны, а не вандализм торжествующих победителей; это был тот вандализм, в котором повинны и христиане, истребившие действительно бесценные памятники искусства древнего языческого мира; и даже этот вандализм история оправдала, потому что он был неизбежным и сравнительно незначительным моментом в колоссальной борьбе нового нарождавшегося общества с разлагавшимся старым. И уже всего менее походил поступок Коммуны на вандализм Османа, уничтоживший исторический Париж, чтобы очистить место Парижу проходимцев.

А произведенная Коммуной казнь шестидесяти четырех заложников, в том числе парижского архиепископа! В июне 1848 г. буржуазия и ее армия восстановили давно уже исчезнувший военный обычай расстреливания беззащитных пленных. После этого этот зверский обычай более или менее часто практиковался при всех расправах с народными восстаниями в Европе и Индии, что ясно доказывает, что он является действительным «прогрессом цивилизации!» С другой стороны, пруссаки во Франции снова ввели обычай брать заложников,—ни в чем неповинных людей, которые своею жизнью должны были отвечать за действия других. Когда Тьер, как мы видели, еще в начале войны ввел гуманный обычай расстреливания пленных коммунаров, Коммуне не осталось больше никаких средств для спасения жизни этих пленных, как прибегнуть к прусскому обычаю брать заложников. Продолжая, тем не менее, расстреливать пленных, версальцы сами отдавали на казнь своих заложников. Как же можно было еще дольше щадить их жизнь, после той кровавой бойни, которою преторианцы Мак-Магона отпраздновали свое вступление в Париж? Неужели и последняя защита от не останавливавшегося ни пред чем зверства буржуазии—взятие заложников—должна была остаться только шуткою? Истинный убийца архиепископа Дарбуа—Тьер. Коммуна несколько раз предлагала обменять архиепископа и многих других священников на одного только Бланки, которого так крепко дер-

жал Тьер. Но последний упорно отказывался от этой меры. Он знал, что в лице Бланки он дает Коммуне голову, архиепископ гораздо более будет полезен ему, когда будет... трупом. В этом случае Тьер подражал Кавеньяку. Как были возмущены в июне 1848 года Кавеньяк и его «люди порядка», когда они обвинили инсургентов в убийстве архиепископа Аффра! На деле они прекрасно знали, что архиепископ был застрелен солдатами «партии порядка». Жакмэ, генеральный викарий архиепископа, сейчас же после происшествия публично засвидетельствовал им это.

То, что «партия порядка» после всех своих кровавых оргий распространяла столько сплетен о своих жертвах, доказывает лишь, что наши буржуа считают себя законными наследниками древних феодалов, которые признали за собой право употреблять против плебеев всякое оружие, но считали преступлением, если плебеи сами брались за какое бы то ни было оружие.

Между Пруссией и Коммуной не было войны. Наоборот, Коммуна согласилась на предварительные условия мира, и Пруссия объявила нейтралитет. Значит, Пруссия не была воюющей стороной. Она действовала как подлый наемный убийца, потому что взялась за такое дело, которое не представляло для нее никакой опасности,—как наемный убийца,—потому что она обусловила падением Парижа уплату ей 500 миллионов—этой кровавой цены убийства. Вот тут-то и проявился истинный характер войны, которая была послана Провидением для наказания безбожной и развратной Франции рукой глубоко нравственной и набожной Германии! Это небывалое нарушение международного права, даже с точки зрения юристов старого мира, должно было заставить «цивилизованные» правительства Европы объявить вне законов правонарушительницу Пруссию, бывшую простым орудием в руках петербургского кабинета, но оно дало им только повод обсуждать вопрос,—не выдать ли версальским палачам и тех немногих жертв войны, которым удалось проскользнуть через двойную цепь, окружавшую Париж!

После самой ужасной войны новейшего времени, победившая и побежденная армии соединяются, чтобы вместе избивать пролетариат. Такое неслыханное событие доказывает не то, что новое, пробивающее себе дорогу общество окончательно поражено, как думал Бисмарк,—нет, оно доказывает полнейшее разложение старого буржуазного общества. Величайший героический подвиг, на который старый мир еще был способен,—это народная война, но

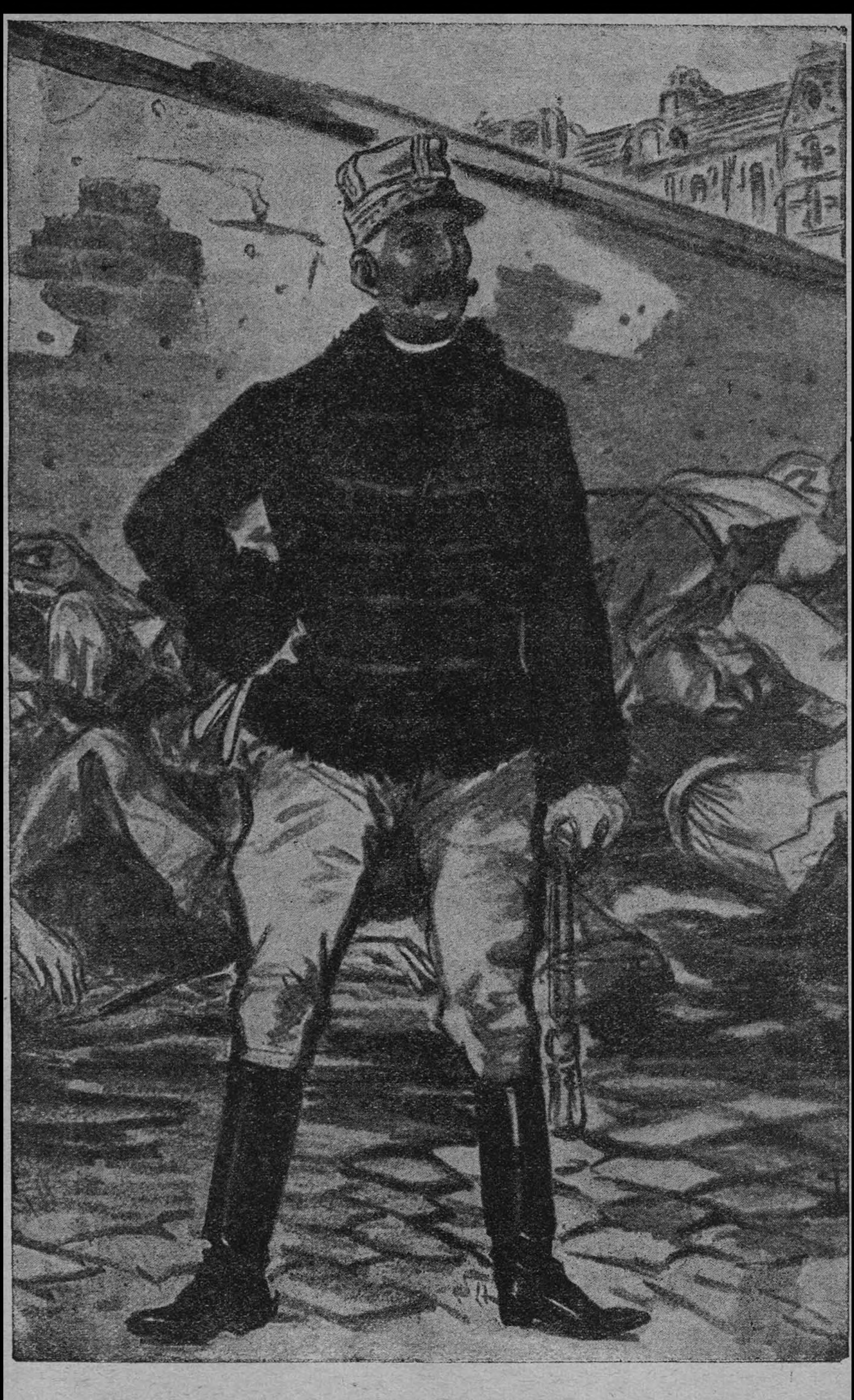
и она теперь оказывается только чистейшей мошеннической проделкой правительства; эта проделка не имеет никакой другой цели, кроме отсрочки классовой борьбы, и она сразу летит к чорту, как только классовая борьба вспыхивает пожаром гражданской войны. Классовое господство уже не может больше покрываться национальным мундиром; против пролетариата национальные правительства едины суть!

После Троицына дня 1871 г. не может уже быть ни мира, ни перемирия между французскими рабочими и присвоителями продукта их труда. Хотя железная рука наемной солдатчины на время и может придавить оба эти класса, но борьба их снова загорится и неизбежно будет все сильнее разгораться, и не может быть никакого сомнения в том, кто, в конце концов, останется победителем: немногие ли присвоители или огромное большинство трудящихся. Французские рабочие являются лишь авангардом всего современного пролетариата.

Париж рабочих со своей Коммуной всегда будет чествуем, как славный предвестник нового общества. Его мученики воздвигли себе памятник в великом сердце рабочего класса. Его палачей история уже теперь пригвоздила к тому позорному столбу, от которого никто не в силах будет их оторвать.

В ЗОЛОТОЙ КНИГЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГЕРОЕВ, В МАРТИРОЛОГЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ МУЧЕНИКОВ ПАРИЖСКАЯ КОММУНА ЗАНИМАЕТ ОДНУ ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ СТРАНИЦ.

П. Л. ЛАВРОВ.

Генерал Галлифэ, палач Коммуны

П. Л. Лавров

Поучительные выводы

Какое же поучение можно извлечь из фактов Парижской Коммуны для себя, для укрепления и исправления своей программы?

Во-первых, социалисты могут извлечь из этой мрачной истории поучение, что мало быть энергичным и преданным делу,— надо быть к нему готовым. Организовать партию под выстрелами неприятеля, при бурях борьбы на площади, во время политических столкновений с другими готовыми и организованными партиями,—обыкновенно бывает слишком поздно, и социалисты Коммуны 1871 г., главным образом, пострадали от этого. Они не были готовы, когда Седан свалил 4 сентября империю, хотя казалось бы, со времени мексиканской экспедиции, можно было достаточно ясно видеть признаки разложения Империи. Социалисты не были готовы и 31 октября, когда обстоятельства временно дали им возможность парализовать противника. Они не были готовы даже 18 марта и, когда начавшееся движение само отдавало ход событий в их руки, они еще колебались, на сколько им следовало вмешаться в это движение. Когда же Интернационал решился принять деятельное участие в деле Коммуны, как в своем деле, сплачивание личностей с социалистическою программою происходило медленно и постепенно и совершилось окончательно лишь к маю, т.-е. когда почти все было уже потеряно. Да и в чем выразилось тогда, по словам самих участников, происшедшее, наконец, сплочение партии?—в отрицательном действии: в том, что ее приверженцы отказались от участия в действиях Комитета Общественного Спасения.

Мы видели, откуда вышел этот недостаток сплочения, этот недостаток положительного влияния социалистов Коммуны на ее деятельность, и нам приходится теперь, для получения надлежащих выводов, резюмировать сказанное уже в очерке фактов истории Коммуны.

Мы видели, что социалисты не решились провести сейчас же своей экономической программы и были настигнуты революцией, не образовав партии, не выработав своей политической программы действия. Это сделало их бессильными в борьбе с их противниками, якобинцами-рутинерами, которые имели готовую программу действия, хотя и негодную, так как она черпала все свои данные из традиции Конвента, вполне чуждой экономических вопросов нового времени и нового распределения политических сил в нации. Якобинцы предлагали положительные меры, хотя и рутинные, а социалисты ограничивались отрицательным противодействием этим мерам, не предлагая ничего взамен. Это все повело к бессилию социалистической партии в Коммуне и, в значительной степени, к расстройству всего движения. Из этих фактов социалисты всех стран,—следовательно, и социалисты русские—могут извлечь немаловажные поучения.

Никогда и ни при каких обстоятельствах социалисты не имеют права забыть, что в настоящую эпоху исторической борьбы, экономический вопрос примирует над всеми прочими; что пока экономический переворот не совершен, во всех главных основах ничего не сделано; пока рабочий пролетариат не перестал быть пролетариатом, продающим свои силы за заработную плату и имеющим пред собою и над собою подавляющую силу капитала, до тех пор «революция пролетариата» не совершилась. В настоящее время нет почвы ни религиозной, ни национальной, ни политической, на которой рабочие пролетарии могли бы и имели бы нравственное право пойти на сделку с господствующими классами или с какою-либо их долею. Как только исторические комбинации доставят пролетариату хотя бы временную победу, он должен совершить прежде всего экономическую революцию. Как бы ни была недостаточна и нестройна первая попытка нового порядка, уже то одно, что она совершится сознательно и решительно, будет важным завоеванием. Артиллерия пролетариата, это «социальная идея». Если победа пролетариата упрочится, то он будет иметь достаточно времени, чтобы улучшить эту первую попытку рядом реформ более или менее мирных или крутых: ничто не появляется зрелым с первого момента существования; все должно пройти чрез ряд фазисов развития и созревания; но действительные революции полагают начало новым органическим типам, и развитие, происходящее в новом типе, не имеет уже ничего общего с развитием старого. Если бы даже революция про-

летариата была подавлена, то потрясение в самых его основах старого экономического строя, даже временное, не может остаться без важных последствий. Ниспровергнутый, хотя бы временно, порядок экономической собственности и монополии уже не восстановится совсем как был, когда его потрясет настоящая революция пролетариата, и после своей починки он будет хранить в себе трещины, которые неизбежно поведут его к разрушению. Дело не в крутых или в кротких мерах, не в терроре или в любвеобилии к врагам. Дело—в мерах действительных. В минуту, когда исторические комбинации позволят рабочим какой-либо страны, хотя бы временно, побороть врагов и овладеть течением событий, рабочие должны теми средствами, которые будут целесообразны, каковы бы ни были эти средства, совершить экономический переворот и обеспечить его прочность, насколько это будет возможно. Все остальное должно находиться в зависимости от этой главной задачи.

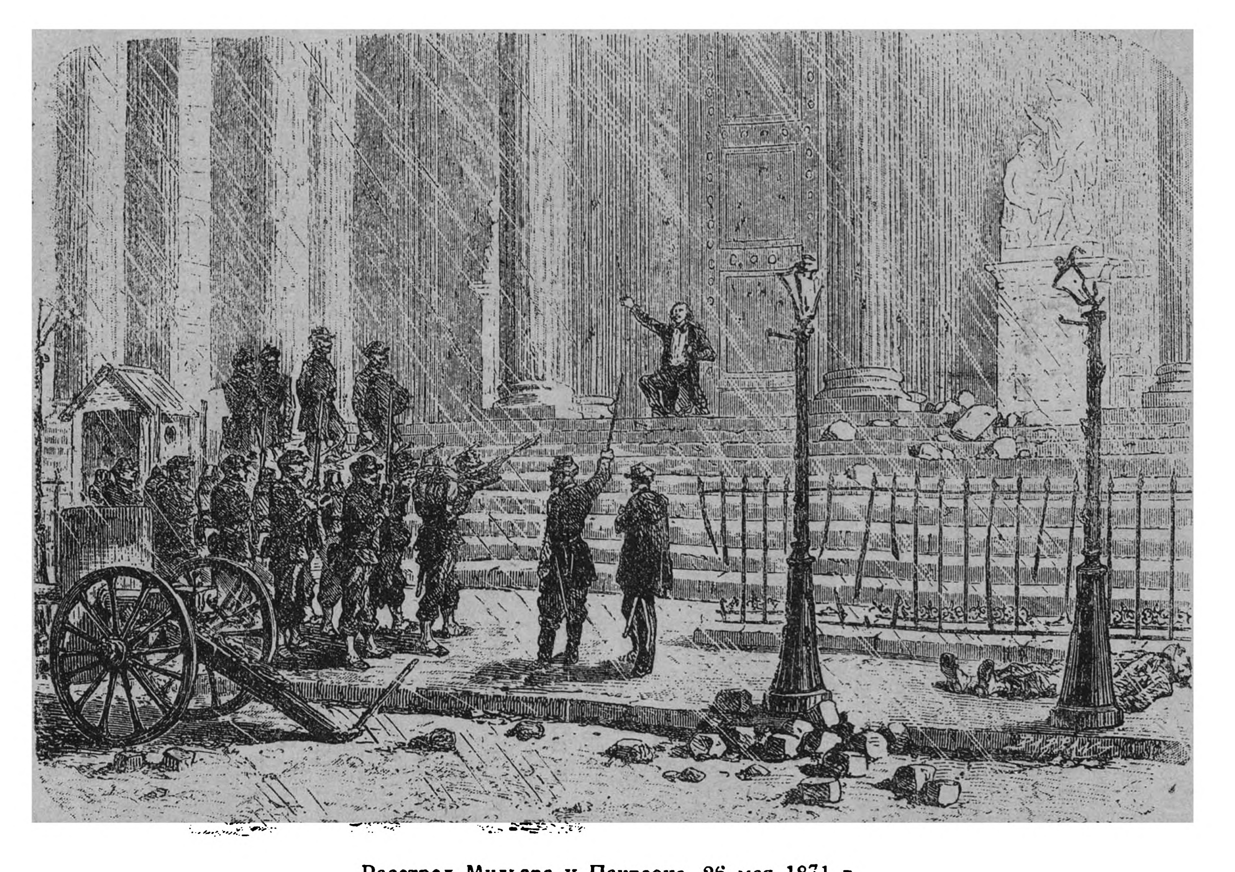
Для этого приходится иметь свою готовую организацию и готовую программу политического действия. Мы видели, что отсутствие предварительного соглашения, предварительного сплочения, сделало социалистов Коммуны бессильными в борьбе с соперниками.

Карл Маркс развил великую теорию фатального экономического процесса, вызывающего капитализм на смену низших ступеней хозяйства и создающего затем, руками самого капитализма, рабочий пролетариат, в котором растет для капитализма неизбежный враг, а в будущем—и победитель. Интернационал выработал убеждение, что рабочая партия не должна иметь, при обыкновенном ходе своей деятельности, ничего общего с политическими партиями буржуазного строя, что она должна поставить себе свои цели, должна иметь свою политику. Но как поступать в случае фактического восстания—парижские интернационалисты колебались. Многие из них считали, что политическая борьба должна быть чужда Интернационалу. Они концентрировали и хотели концентрировать свою деятельность на экономических вопросах. Они не имели политической программы для данного случая. Что же вышло? За неимением ясного, практического понимания, выступила на сцену рутина, с ее тысячу раз повторенными клише. Полная свобода для рабочего класса устроиться, как ему угодно; полная свобода мысли и прессы; семья, основанная на факте привязанности и сочувствия, а не на факте обряда и юри-

дического заявления,—таковы были общие, давно уже повторяемые положения, идеи, выработанные в полемике партий и принятые общественным мнением. Но приходилось осуществлять новый строй среди борьбы, которая шла тут же; приходилось разрушать и строить сейчас же при разнообразных условиях этой борьбы. Враги были не только в Версале, но и тут подле, в богатых кварталах, в рядах избирателей; в рядах чиновников Коммуны, при помощи которых приходилось осуществлять ее распоряжения; в рядах национальной гвардии, которая составляла единственную материальную поддержку нового порядка. Надо было иметь готовую программу действия на подобный случай, возможность которого легко было предвидеть. Надо было быстро создать эту программу, связав ее практические меры принципиально с задачами рабочего социализма, и энергически, во имя этих принципов, как начала высшей социальной справедливости, указать практический путь колеблющейся массе, которая нисколько не была обязана, в своей безвыходной борьбе за существование, выработать сама себе решение для трудных вопросов, представляемых комбинациями теоретических принципов с историческими условиями данного времени. Представители начал Интернационала были нравственно обязаны выставить эту программу действия, как представители в данную минуту самой высшей ступени развития социальной идеи. Они нравственно обязаны были предложить готовую систему практических мер, которые могли быть исправлены, приспособлены к обстоятельствам автономиею и суверенным решением парижского пролетариата. Люди, борющиеся за осуществление лучшего будущего для человечества, не имеют права колебаться и «сомневаться в себе» в минуту, когда они призваны к действию. Велики или малы их силы, они должны смело нести все эти силы на дело, которому служат. Совершенны или несовершенны их программы,—за неимением лучших, они должны решительно осуществлять эти программы, предоставляя будущему исправить их недостатки. Дело идет не о декретировании, не о навязывании какой-либо программы, но о предложении ее в определенных, практических формах и об употреблении всех усилий на ее проведение в дело, как первого, хотя бы несовершенного кадра для организации силы. Если бы Мильер, Варлен, Лефрансэ, Артюр Арну, Верморель выступили, согласившись между собою, в народных собраниях, с готовою практическою программою социального переворота; если бы—как оно,

вероятно, и случилось бы—к ней немедленно примкнуло большинство рабочих Парижа, большинство национальной гвардии, они бы разом отняли главную долю силы у своих противников, либералов - примирителей и якобинцев, поклонников традиции 1793 года. Но у них не было согласия, не было уверенности, не было достаточно знания, не было общей программы. В минуту действительного столкновения партия без программы бессильна. Она может восторжествовать, может стоять у кормила движения, но она никогда не будет в состоянии дать ему направление. Когда приходится действовать и нет людей, которые, во имя более передового и более смелого развития своей мысли, указали бы новый путь действия, то неизбежно, фатально, действие должно совершаться по всегда готовой, привычной рутине старых приемов. В решительные исторические моменты массы всегда пойдут за тем знаменем, на котором написана наиболее определенная программа, наиболее простые, ясные и определенные цели; массы пойдут за теми, кто готов и не колеблется. Если же никто не удовлетворяет этому условию, если сильные, искренние люди из так называемой интеллигенции колеблются, то фатально и неизбежно масса пойдет по какому-либо старому рутинному указанию, отвернется от новых решений, новых идей, и самые героические подвиги, самая самоотверженная энергия не предотвратит возвращения к старому злу в несколько измененной форме.

Но для вероятности успеха, в минуту действительной борьбы, недостаточно ясного понимания экономических и политических задач социализма, недостаточно определенной общей программы действия. Борьба имеет свои технические условия, и партия действия должна заботиться о том, чтобы в ее рядах были люди, способные победить технические препятствия, которые представит минута действительной борьбы. Экономический переворот, который должен лежать в основании всякой общественной перестройки, не может ограничиваться принципами и общими приемами: в каждой местности он должен совершиться, взяв в соображение действительное положение дел в его частностях, приспособляя основные принципы и общие приемы к существующему распределению материальных средств и рабочих сил; иначе говоря, экономический переворот в каждой отдельной местности может совершиться с наименьшим количеством страданий и с наибольшей выгодою для массы рабочего населения лишь на основании самого точного знания экономической статистики дан-

Расстрел Мильера у Пантеона, 26 мая 1871 г.

ной местности. Но нельзя сомневаться, что самый успех переворота, в особенности же прочность этого успеха, зависят от того, чтобы он совершился при наименьшем количестве страданий и с наибольшею выгодою для рабочего класса, поддержка которого составляет единственную силу всякого социалистического строя. Поэтому необходимо, чтобы в среде социалистических партий находились в каждой местности люди, вполне усвоившие экономическое положение этой местности, во всех его подробностях. Необходимо, чтобы в каждой местности люди, посвятившие себя на подготовление социальной революции, составили, под руководством личностей, наиболее усвоивших это экономическое положение, специально примененный к данной местности план перераспределения экономических сил и немедленного приведения их в действие вслед за совершившимся переворотом. То, что хотела делать «Комиссия инициативы» Парижской Коммуны, во время самой бури революции и междоусобной войны, должно быть повсюду подготовительною работою социальной революции, если ее подготовители хотят, чтобы она совершилась без громадной и совершенно ненужной растраты экономических сил и не при бесчисленных страданиях большинства того самого рабочего класса, в пользу которого и силами которого эта революция совершится.

Но еще настоятельнее для успеха борьбы представляется, может быть, потребность в людях с техническим знанием военного дела, и факты истории Коммуны служат самым положительным подтверждением этой насущной потребности. Если бы социалисты Коммуны могли выставить с самого начала искусного в своей специальности и в то же время искренне преданного их идеям руководителя военным делом, то самые грозные опасности для Коммуны могли бы быть устранены или значительно уменьшены. Так как, при всех возможностях хода социальной революции, фактически, материальная борьба в больших или меньших размерах, при той или при другой обстановке, есть не только самое вероятное, но почти неизбежное явление, то социалистам приходится к ней готовиться, приходится накоплять военное знание, понимание военной техники, вырабатывать в своей среде в направлении военной техники тех личностей, которые чувствуют к этому способность. Опять-таки и в этом направлении приходится **готовиться** к борьбе, приобретать **знания**.

Недостаток готовности, недостаток организации, недостаток

правильного выбора, недостаток сближения наиболее искренних, понимающих и энергичных, на общем плане действия, неизбежно отзовется при самой борьбе роковыми потрясениями. Всего более, может быть, бросил тень на Коммуну неосторожный выбор в ее среду недостойных людей, неосторожные и нерассудительные действия некоторых ее членов, помешать которым их товарищи или не могли, или не решались. Если безумие Люлье и несчастная вылазка 3 апреля решили, можно сказать, с первых же дней фактическую судьбу Коммуны, то кто может взвесить удары, нанесенные ее нравственному значению неосторожною деятельностью Рауля Риго и Феррэ, или теми взрывами аффекта, которые их группа позволила себе в последние дни существования Коммуны? И все эти события, все эти материальные удары и нравственные подрывы зависели от того, что состав группы личностей, поставленных во главу движения сначала в Центральном Комитете, потом в Коммуне, был не результатом развития и торжества одной партии с определенной программой, но результатом сближения совершенно чуждых друг другу личностей, выдвинутых лишь одним побуждением, господствовавшим при выборах, именно общим недовольством против господствующих классов и смутным убеждением избирателей, что тот или другой член Коммуны выражает лучше других кандидатов это недовольство. Между тем, эти люди, выбранные в столь важную и опасную минуту, несли общую ответственность, были коллективно солидарны и должны были *вместе* действовать.

Осторожность при выборе товарищей обнаруживается особенно в ту минуту, когда уже поздно им руководствоваться; в минуту, когда надо *действовать* и когда приходится действовать с тем персоналом, который налицо. Потому-то в период составления этого персонала нельзя быть достаточно осторожным и внимательным. Когда партия выступает на историческую арену, на решительную борьбу под внимательным наблюдением врагов, соперников и индифферентистов, когда она должна завоевать своей программе место среди руководящих принципов общества, тогда самые жестокие, самые опасные удары, которые могут быть нанесены партии,—суть удары, наносимые ей нравственной несостоятельностью ее членов. Опасны не только изменники; опасен всякий, кто своими общественными или даже частными действиями кладет пятно на партию. Каждый из нас должен помнить, что, как член партии, он вредит ей всяким своим необдуманным поступком; что каждое частное дело его

может пасть на ее ответственность. Каждый должен помнить, как член партии, что своим сближением с теми или другими личностями, своими личными связями, он может или вредить своему знамени, или поддерживать его. Там, где, как отдельная личность, как частный человек, он мог бы быть снисходительным, ему приходится быть строгим, как члену партии. Враги наши зорко следят за нами, жадно ловя всякий случай, который дал бы им повод с каким-нибудь действительным правом обрушить на нас обвинение или насмешки. И мы должны быть зорки. Мы должны друг-друга подкреплять в тех, неизбежных в каждом, слабых сторонах каждого, которые в опасную минуту могут быть гибельны для общего дела. Мы должны искоренять в наших кружках взаимным товарищеским влиянием то, что может бросить тень на партию, может уронить в грязь наше знамя, может повредить общему делу.

В то же время мы должны строго и внимательно следить за тем, кто н а ш и кто н е н а ш. Мы должны ясно сознавать, где кончается лагерь социалистов и где начинается лагерь хищников. Всякая уступка хищникам, всякая, хотя бы косвенная, служба хищническому делу, есть не только нравственная распущенность; это—вред нашему делу. Мы можем победить лишь тогда, когда поставим резкую границу между нашим и чужим лагерем. Одно из главных завоеваний Интернационала в отношении политики социализма заключалось в усвоении убеждения, что невозможен союз между партиею рабочих социалистов и всеми другими партиями, которые называют себя более или менее демократическими, более или менее радикальными, более или менее преданными интересам массы, оставаясь, тем не менее, на почве старых политических или экономических задач. Наше дело—просто и ясно: мы должны все подготовлять социальную революцию, как бы мы ни расходились между собою во взглядах на способы ее подготовления. Мы должны бороться всеми нашими силами, со всеми ее врагами, где бы они ни находились и какое бы название на себя ни принимали.

Социальная борьба слишком серьезна, чтобы допустить соглашения, примирения, уступки. Между миром старой эксплоатации трудящихся, теми, которые живут чужим трудом, и новым миром всеобщего труда—примирения нет, не может и не должно быть.

Если наши враги защищают интересы или убеждения, от которых мирным путем отступиться, по всей вероятности, не могут, то именно те люди, которые дорожат человеческою жизнью, человеческою кровью, должны стремиться организовать возмож-

ность быстрой и решительной победы и затем действовать как можно быстрее и энергически для подавления врагов, так как лишь этим путем можно получить минимум неизбежных жертв, минимум пролитой крови. А если борьба, кровавая, насильственная борьба была неизбежна, разве она не ограничилась бы меньшим числом жертв, если бы была ведена энергически и быстро с самого начала? Всякий переворот, совершающийся во имя прогрессивной идеи, выгоднее совершать путем выступления на врага, чем путем самозащиты. Воображение противников, как воображение посторонних зрителей, еще не затронутых движением, должно быть поражено энергиею и быстротою действий сторонников нового порядка, прежде чем убеждения последних могут представиться логическою истиною и нравственною правдою тем, которые еще колеблются. Когда раз мы убедились, что между нами и врагами нашими мира быть не может, что они не могут нам уступить добровольно то, чего мы требуем, и когда мы уверены, что будущность человечества зависит от успеха наших начинаний, то во имя человеколюбия, ввиду доведения числа неизбежных жертв до минимума, мы должны наносить удары смело, быстро и решительно, именно потому, что мы боремся за будущность человечества.

Сторонники Парижской Коммуны ошибались и заблуждались во многом. Много укоров могло бы быть сделано им со стороны приверженцев рабочего социализма, но только со стороны их. Пред так называемыми «друзьями народа», неспособными принести ему никакой жертвы, неспособными даже поставить на карту свое себялюбивое «я» во имя того, что они смеют называть своим убеждением, пред этими карикатурами демократизма Парижская Коммуна 1871 года есть нечто настолько великое и могучее, несмотря на все ее ошибки, недостатки и заблуждения, что эти люди обращаются пред нею в историческое ничто.

ВСЕ ПОВСТАНЦЫ, СЕРЬЕЗНО ОТНОСИВШИЕСЯ К ДЕЛУ, НАЧИНАЛИ С ТОГО, ЧТО ЗАБИРАЛИ В СВОИ РУКИ КАССУ, НЕРВ ПРОТИВНИКА. ОДИН ТОЛЬКО СОВЕТ КОММУНЫ ОТКАЗАЛСЯ СДЕЛАТЬ ЭТО. В СВОЕМ УВЛЕЧЕНИИ ЧЛЕНЫ КОММУНЫ НЕ ЗАМЕТИЛИ НАСТОЯЩИХ ЗАЛОЖНИКОВ, КОТОРЫЕ ИМЕЛИСЬ У НИХ ПОД РУКАМИ,— ЭТО БЫЛ БАНК.

Э. ЛИССАГАРЭ.

Н. Ленин

Парижская Коммуна и государственность

Известно, что за несколько месяцев до Коммуны, осенью 1870 г., Маркс предостерегал парижских рабочих, доказывая, что попытка свергнуть правительство была бы глупостью отчаяния. Но когда в марте 1871 г. рабочим навязали решительный бой и они его приняли, когда восстание стало фактом, Маркс с величайшим восторгом приветствовал пролетарскую революцию, несмотря на плохие предзнаменования.

Маркс, однако, не только восторгался героизмом «штурмовавших небо», по его выражению, коммунаров. В массовом революционном движении, хотя оно и не достигло цели, он видел громадной важности исторический опыт, известный шаг вперед всемирной пролетарской революции, практический шаг, более важный, чем сотни программ и рассуждений. Анализировать этот опыт, извлечь из него уроки тактики, пересмотреть на основании его свою теорию — вот как поставил свою задачу Маркс.

Единственная «поправка» к «Коммунистическому Манифесту», которую счел необходимым сделать Маркс, была сделана им на основании революционного опыта парижских коммунаров.

Последнее предисловие к новому немецкому изданию «Комм. Манифеста», подписанное обоими его авторами, помечено 24 июня 1872 года. В этом предисловии авторы, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, говорят, что программа «Комм. Манифеста» «теперь местами устарела».

> ...«В особенности,—продолжают они,—Коммуна доказала, что рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей»...

Итак, один основной и главный урок Парижской Коммуны Маркс и Энгельс считали имеющим такую гигантскую важность, что они внесли его, как существенную поправку к «Коммунистическому Манифесту».

Чрезвычайно характерно, что именно эта существенная поправка была искажена оппортунистами, и смысл ее, наверное, неизвестен девяти десятым, если не девяносто девяти сотым читателей «Комм. Манифеста».

12 апреля 1871 г., т.-е. как раз во время Коммуны, Маркс писал Кугельману:

...«Если ты заглянешь в последнюю главу моего «18-го брюмера», ты увидишь, что следующей попыткой Французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а сломать ее, и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте. Как раз в том и состоит попытка наших геройских парижских товарищей».

В этих словах «сломать бюрократически-военную государственную машину» заключается кратко выраженный главный урок марксизму по вопросу о задачах пролетариата в революции по отношению к государству. И именно этот урок не только совершенно забыт, но и прямо извращен господствующим каутскианским «толкованием» марксизма!

Опыт Коммуны, как он ни был мал, Маркс подвергает в «Гражданской войне во Франции» самому внимательному анализу. Приведем важнейшие места из этого сочинения:

«Прямой противоположностью империи была Коммуна. Она была определенной формой «такой республики», которая должна была устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство»...

В чем именно состояла эта «определенная» форма пролетарской, социалистической республики? Каково было государство, которое она начала создавать?

...«Первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом»...

...«Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и в любое время сменяемы. Большинство их состояло, само собою разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса»...

> ...«Полиция, до сих пор бывшая орудием государственного правительства, была немедленно лишена всех своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время»...
>
> ...«То же самое—чиновники всех остальных отраслей управления... Начиная с членов Коммуны, сверху донизу, общественная служба должна была исполняться за заработную плату рабочего. Всякие привилегии и выдачи денег на представительство высшим государственным чинам исчезли вместе с этими чинами... По устранении постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства, Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, силу попов... Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость... Они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми»...

Итак, разбитую государственную машину Коммуна заменила как будто «только» более полной демократией: уничтожение постоянной армии, полная выборность и сменяемость всех должностных лиц. Но на самом деле это «только» означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. Здесь наблюдается как раз один из случаев «превращения количества в качество»: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства (особая сила для подавления определенного класса) в нечто такое, что уже не есть собственно государство.

Подавлять буржуазию и ее сопротивление все еще необходимо. Для Коммуны это было особенно необходимо, и одна из причин ее поражения состоит в том, что она недостаточно решительно это делала. Но подавляющим органом является здесь уже большинство населения, а не меньшинство, как бывало всегда и при рабстве, и при крепостничестве, и при наемном рабстве. А раз большинство народа само подавляет своих угнетателей, то «особой силы» для подавления уже не нужно. В этом смысле государство начинает отмирать

Полная выборность, сменяемость в любое время всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной «заработной плате рабочего», эти простые и «само со-

бою понятные» демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму.

> «Коммуна,—писал Маркс,—должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей, и исполняющей законы»...
>
> «Вместо того, чтобы один раз в три или шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того, чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю».

Выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говорилен в «работающие» учреждения.

Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вырождается в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями. Представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительнаго, как привилегированного положения для депутатов, здесь нет.

Крайне поучительно, что, говоря о функциях того чиновничества, которое нужно и Коммуне, и пролетарской демократии, Маркс берет для сравнения служащих «всякого другого работодателя», т.-е. обычное капиталистическое предприятие с «рабочими, надсмотрщиками и бухгалтерами».

У Маркса нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, сфантазировал «новое» общество. Нет, он изучает, как естественно-исторический процесс, рождение нового общества из старого, переходные формы от второго к первому. Он берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки. Он «учится» у Коммуны, как все великие революционные мыслители не боялись учиться у

опыта великих движений угнетенного класса, никогда не относясь к ним с педантскими «нравоучениями» (в роде плехановского: «не надо было браться за оружие» или церетелевского: «класс должен самоограничиваться»).

Об уничтожении чиновничества сразу повсюду, до конца, не может быть речи. Это—утопия. Но разбить сразу старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на-нет всякое чиновничество,—это не утопия, это—опыт Коммуны, это прямая, очередная задача революционного пролетариата.

Организуем крупное производство, исходя из того, что уже создано капитализмом, сами мы, рабочие, опираясь на свой рабочий опыт, создавая строжайшую, железную дисциплину, поддерживаемую государственной властью вооруженных рабочих, сведем государственных чиновников на роль простых исполнителей наших поручений, ответственных, сменяемых, скромно оплачиваемых «надсмотрщиков и бухгалтеров» (конечно, с техниками всех сортов, видов и степеней),—вот наша, пролетарская задача, вот с чего можно и должно начать при совершении пролетарской революции.

> ...«В том коротком очерке национальной организации, который Коммуна не имела времени разработать дальше, говорится вполне определенно, что Коммуна должна была... стать политической формой даже самой маленькой деревни»... От Коммун выбиралась бы и «национальная делегация» в Париже.
>
> «Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества».

Федерализма в приведенных рассуждениях Маркса об опыте Коммуны нет и следа.

Маркс расходится и с Прудоном и с Бакуниным как раз по вопросу о федерализме (не говоря уже о диктатуре пролетариата). Из мелкобуржуазных воззрений анархизма федерализм вытекает принципиально. Маркс—централист.

«Уничтожение государственной власти», которая была «паразитическим наростом», «отсечение» ее, «разрушение» ее, «госу-

дарственная власть делается теперь излишней»—вот в каких выражениях говорит Маркс о государстве, оценивая и анализируя опыт Коммуны.

Все это писано было без малого полвека тому назад, а теперь приходится точно раскопки производить, чтобы до сознания широких масс довести неизвращенный марксизм. Выводы, сделанные из наблюдений над последней великой революцией, которую пережил Маркс, забыли как раз тогда, когда подошла пора следующих великих революций пролетариата.

> ...«Разнообразие истолкований, которое вызвала Коммуна, и разнообразие интересов, нашедших в ней свое выражение, доказывает, что она была в высшей степени гибкой политической формой, между тем как все прежние формы правительства были, по существу своему, угнетательскими. Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, *правительством рабочего класса*, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего, она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда»...
>
> «Без этого последнего условия коммунальное устройство было бы невозможностью и обманом»...

И когда массовое революционное движение пролетариата разразилось, Маркс, несмотря на неудачу этого движения, несмотря на его кратковременность и бьющую в глаза слабость, стал изучать, какие формы открыло оно.

Коммуна—«открытая, наконец», пролетарской революцией—форма, при которой может произойти экономическое освобождение труда.

Коммуна—первая попытка пролетарской революции *разбить* буржуазную государственную машину и «открытая, наконец», политическая форма, которою можно и должно *заменить* разбитое.

Русские революции 1905 и 1917 годов, в иной обстановке, при иных условиях, продолжают дело Коммуны и подтверждают гениальный исторический анализ Маркса.

Париж Тьера не был действительным Парижем «подлой черни», он был фантастическим Парижем, Парижем шулеров, Парижем бульварных завсегдатаев обоего пола, богатым, капитали-

стическим, позолоченным, тунеядствующим Парижем,—тем Парижем, который со своими лакеями, жуликами, кокотками, литераторской богемой наполнял теперь Версаль, Сен-Дени, Рюэль и Сен-Жермен, который считал междоусобную войну только интересной интермедией, который в подзорную трубу любовался битвой, вел счет пушечным выстрелам и клялся честью своей и своих публичных женщин, что спектакль здесь гораздо лучше, чем в театре Port St. Martin. Ведь убитые действительно были убиты, крики раненых не были поддельны, и драма, происходившая перед ними, была всемирно-историческою драмою.

СТАРЫЙ МИР СКОРЧИЛО ОТ БЕШЕНСТВА, КОГДА ОН УВИДЕЛ КРАСНОЕ ЗНАМЯ НАД ГОРОДСКОЮ РАТУШЕЮ,— СИМВОЛ РЕСПУБЛИКИ ТРУДА. ЭТО БЫЛА ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, В КОТОРОЙ РАБОЧИЙ КЛАСС БЫЛ ОТКРЫТО ПРИЗНАН ЕДИНСТВЕННЫМ КЛАССОМ, СПОСОБНЫМ ЕЩЕ К ОБЩЕСТВЕННОЙ ИНИЦИАТИВЕ.

КАРЛ МАРКС.

В ОСОБЕННОСТИ КОММУНА ДОКАЗАЛА, ЧТО РАБОЧИЙ КЛАСС НЕ МОЖЕТ ПРОСТО ОВЛАДЕТЬ ГОТОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МАШИНОЙ И ПУСТИТЬ ЕЕ В ХОД ДЛЯ СВОИХ СОБСТВЕННЫХ ЦЕЛЕЙ. Я ОБЪЯВЛЯЮ: НЕ ПЕРЕДАТЬ ИЗ ОДНИХ РУК В ДРУГИЕ БЮРОКРАТИЧЕСКИ-ВОЕННУЮ МАШИНУ, КАК БЫВАЛО ДО СИХ ПОР, А СЛОМАТЬ ЕЕ.

КАРЛ МАРКС.

V

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

Н. Ленин

Парижская Коммуна и Советы Рабочих и Солдатских Депутатов

Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве. Без уяснения этого вопроса не может быть и речи ни о каком сознательном участии в революции, не говоря уже о руководстве ею.

В высшей степени замечательное своеобразие нашей революции состоит в том, что она создала двоевластие.

В чем состоит двоевластие? В том, что рядом с Временным правительством, правительством буржуазии, сложилось, еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно, существующее на деле и растущее, другое правительство: Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

Каков классовый состав этого другого правительства? Пролетариат и крестьянство (одетое в солдатские мундиры). Каков политический характер этого правительства? Это—революционная диктатура, т.-е. власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, а не на закон, изданный централизованной государственной властью. Эта власть совсем не того рода, какого бывает вообще власть в парламентарной буржуазно-демократической республике обычного до сих пор, господствующего в передовых странах Европы и Америки типа. Часто забывают это обстоятельство, часто не вдумываются в него, а в нем вся суть. Эта власть—власть того же типа, какого была Парижская Коммуна 1871 года. Основные признаки этого типа: 1) источник власти—не закон, предварительно обсужденный и проведенный парламентом, а прямой почин народных масс снизу и на местах, прямой «захват», употребляя ходячее выражение; 2) замена полиции и армии, как отдельных от народа, противопоставленных народу учреждений прямым вооружением всего народа; государственный порядок при такой власти охраняют сами вооруженные рабочие и крестьяне, сам вооруженный народ; 3) чинов-

ничество, бюрократия, либо заменяются опять-таки непосредственной властью самого народа, либо, по меньшей мере, ставятся под особый контроль, превращаются не только в выборных, но и в сменяемых по первому требованию народа, сводятся на положение простых уполномоченных; из привилегированного слоя с высокой, буржуазной оплатой «местечек» превращаются в рабочих особого «рода оружия», оплачиваемых не свыше обычной платы хорошего рабочего.

В этом и только в этом суть Парижской Коммуны, как особого типа государства.

Отделываются фразами, отмалчиваются, увертываются, поздравляют тысячу раз друг друга с революцией, не хотят подумать о том, что такое Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. Не хотят видеть очевидной истины, что поскольку эти Советы существуют, поскольку они власть, постольку в России существует государство типа Парижской Коммуны.

Выше, лучше такого типа правительства, как Советы Рабочих, Батрацких, Крестьянских, Солдатских Депутатов, человечество не выработало и мы до сих пор не знаем.

Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством. Мы—марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы против мелкобуржуазного угара, шовинизма-оборончества, фразы, зависимости от буржуазии.

Создадим пролетарскую коммунистическую партию; элементы ее лучшие сторонники большевизма уже создали; сплотимся для пролетарской классовой работы, и из пролетариев, из беднейших крестьян на нашу сторону будет становиться все большее и большее число.

(Из статьи „О двоевластии". „Правда" от 9 апреля 1917 г.; перепечат. в Собр. соч. т. XIV, I ч.)

Советы Рабочих, Солдатских, Крестьянских и пр. Депутатов не поняты не только в том отношении, что большинству неясно их классовое значение, их роль в русской революции. Они не поняты еще и в том отношении, что они представляют из себя новую форму, вернее, новый тип государства.

Наиболее совершенным, передовым из буржуазных государств является тип парламентарной демократической рес-

публики: власть принадлежит парламенту; государственная машина, аппарат и орган управления обычный: постоянная армия, полиция, чиновничество, фактически несменяемое, привилегированное, стоящее над народом.

Но революционные эпохи, начиная с конца XIX века, выдвигают высший тип демократического государства, такого государства, которое в некоторых отношениях перестает уже, по выражению Энгельса, быть государством, «не является государством в собственном смысле слова». Это—государство типа Парижской Коммуны, заменяющее особую от народа армию и полицию прямым и непосредственным вооружением самого народа. В этом суть Коммуны, которую оболгали и оклеветали буржуазные писатели, которой ошибочно приписывали, между прочим, намерение немедленно «ввести» социализм.

Именно такого типа государство начала создавать русская революция в 1905 и 1917 годах. Республика Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и пр. Депутатов.

Главные отличия этого последнего типа государства от старого следующее:

От парламентарной буржуазной республики возврат к монархии совсем легок (как и доказала история), ибо остается неприкосновенной вся машина угнетения: армия, полиция, чиновничество. Коммуна и Советы Рабочих, Солдатских, Крестьянских и т. д. Депутатов разбивают и устраняют эту машину.

Парламентарная буржуазная республика стесняет, душит самостоятельную политическую жизнь масс, их непосредственное участие в демократическом строительстве всей государственной жизни снизу доверху. Обратное—Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

Последние воспроизводят тот тип государства, какой вырабатывался Парижской Коммуной и который Маркс назвал «открытой, наконец, политической формой, в которой может произойти экономическое освобождение трудящихся».

(Из брошюры „Задачи пролетариата в нашей революции".
Написано 10 апреля 1917 г. Собр. соч. т. XIV, ч. 1.)

В наших Советах еще масса грубого, недоделанного,—это не подлежит сомнению, это ясно всякому, кто присматривался к их работе,—но что в них важно, что исторически ценно, что пред-

ставляет шаг вперед во всемирном развитии социализма,—это то, что здесь создан новый тип государства. В Парижской Коммуне новый тип просуществовал несколько недель, в одном городе и притом без сознания того, что делали. Коммуны не понимали те, кто ее творил, ибо они творили при помощи чутья гениально проснувшихся масс, но ни одна фракция французских социалистов не сознавала, что она делает. Мы находимся в других условиях, благодаря тому, что мы стоим на плечах Парижской Коммуны, и благодаря многолетнему развитию немецкой социал-демократии, мы можем ясно видеть, что мы делаем, создавая Советскую власть. Несмотря на всю ту грубость, недисциплинированность, что есть в Советах, что является отражением мелкокрестьянского характера нашей страны, несмотря на все это, народными массами новый тип государства создан. Он применяется не неделями, а месяцами, не в одном городе, а в громадной стране. Этот новый тип власти себя оправдал.

Советская власть есть аппарат для того, чтобы масса начала немедленно учиться управлению государством и организации производства в общенациональном масштабе. Это гигантски трудная задача. Но исторически важно то, что мы беремся за ее решение, и решение не только с точки зрения лишь нашей одной страны, но и при деятельном участии европейских рабочих. Мы должны сделать конкретное разъяснение нашей программы именно с этой точки зрения. Вот почему мы считаем, что это есть продолжение пути Парижской Коммуны. Вот почему мы уверены, что, вставши на этот путь, европейские рабочие сумеют нам помочь.

Мы говорим, что при всяком откидывании назад, если классовые, враждебные силы загонят нас на эту старую позицию,—не отказываясь от использования буржуазного парламентаризма, мы будем итти к тому, что опытом завоевано,—к Советской власти, к государству типа Парижской Коммуны. Это нужно выразить в программе.

(Из речи на VII Съезде РКП.
6—8 марта 1918 г.; Собр. соч. т. XV)

Закрепить и развить дальше федеративную республику Советов, как неизмеримо более высокую и прогрессивную форму демократии, чем буржуазный парламентаризм, и как единственный тип государства, соответствующий на основании опыта Парижской

Коммуны 1871 года, а равно опыта русских революций 1905 и 1917—1918 годов переходному периоду от капитализма к социализму, т.-е. периоду диктатуры пролетариата.

(Из „Чернового наброска проекта программы".
VII съезд, 6—8 марта 1918 г.; Собр. соч. т. XV.)

«Советская власть» есть второй всемирно-исторический шаг или этап развития диктатуры пролетариата. Первым шагом была Парижская Коммуна. Гениальный анализ содержания и значения этой Коммуны, данный Марксом в его «Гражданской войне во Франции», показал, что Коммуна создала новый тип государства—пролетарское государство. Всякое государство, в том числе и самая демократическая республика, есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим. Пролетарское государство есть машина для подавления буржуазии пролетариатом, а такое подавление необходимо в силу того бешеного, отчаянного, ни перед чем не останавливающегося сопротивления, которое оказывают помещики и капиталисты, вся буржуазия и все ее приспешники, все эксплоататоры, когда начинается их свержение, когда начинается экспроприация экспроприаторов.

(Из „Письма к рабочим Европы и Америки".
„Правда" 24 января 1919 г.; Собр. соч. т. XVI.)

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА, ПРОВОЗГЛАСИВШАЯ НЕБЫВАЛО НОВУЮ ИДЕЮ, ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, НЕСУЩАЯ В МИР ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ, НЕ ИМЕЛА ТОЧКИ ОПОРЫ И ПРИМЕРА В ПРОШЛОМ, ЧТО МОГЛО БЫ ЕЮ РУКОВОДИТЬ.

АРТУР АРНУ.

ВО ВСЕ ВРЕМЕНА БУДУТ ПРЕВОЗНОСИТЬ РАБОЧИХ ПАРИЖА С ИХ КОММУНОЮ, КАК СЛАВНЫХ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ НОВОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ.

КАРЛ МАРКС.

И. Степанов

Парижская Коммуна и опыт русской революции

Революционное движение, вылившееся на парижские улицы еще к вечеру 3 сентября, на следующий день сделалось широким и непреодолимым. Империя рухнула, как карточный домик; настроение армии было подавленное, лишавшее ее способности действовать. Депутаты, ставленники Наполеона, составлявшие не менее двух третей палаты, запуганные всем происшедшим, больше всего старались о том, чтобы их не заметили.

Национальные гвардейцы, вторгшиеся в палату, требовали не только немедленного низложения Наполеона, но и объявления республики. Депутаты левой колебались и медлили. Они хотели облечь переворот в законные формы,—они хотели, чтобы он совершился с благословения бонапартистской палаты. А с другой стороны, они торопливо распределяли между собой министерские портфели. Все шло так, как в Петербурге в февральские дни 1917 года.

В конце концов, депутатов левой принудили отправиться в ратушу (городскую думу). Красные знамена были почти незаметны среди трехцветных знамен: первенствующую роль в сентябрьском перевороте захватила буржуазия со своей муниципальной гвардией, патриотическая, националистическая. Голоса рабочего класса не было слышно.

Однако немногое изменилось в общих условиях. Старое правительство ушло, — но ушла только верхушка. Ставленники его остались. И меньше всего перемен произошло в армии. Везде и повсюду — прежние генералы и офицеры, те самые, которые выдвинулись прислужничеством, которые не сумели создать армию и в войне вели ее от поражения к поражению. 4 сентября устранило бонапартистскую «головку», министерство, но везде оставило бонапартистов: и в гражданском управлении, и в особенности на командных должностях.

Между тем, революционные элементы Парижа, ремесленники и рабочие предместий Сент-Антуан, Тампль, Бельвилль, Монмартр,

Гренель и т. д., успели создать «самочинную» организацию, которая для тогдашнего уровня экономического развития была тем же, чем в русских революциях 1905 и 1917 годов были Советы Рабочих Депутатов. Это был «Центральный республиканский Комитет» 20 округов, на которые разделялся тогдашний Париж.

Центральный Комитет возник не как классовая организация, не из выборов рабочим классом, а как демократическая организация—из всеобщего голосования.

Он собирался в помещении на улице Кордери, куда уже раньше перебралось парижское отделение Интернационала и общее представительство профессиональных союзов. Эти три организации, называвшиеся для краткости одним словом «Кордери», нередко действовали совместно. Центральный Комитет сохранял постоянную связь с составившими его округами, а те в свою очередь тесно были связаны с клубами кварталов и улиц. Таким образом Центральный Комитет завершал организацию революционных и социалистических элементов Парижа.

8 февраля в Париже и во всей Франции состоялись выборы в Национальное Собрание.

При составлении кандидатских списков еще раз сказалась вся раздробленность, а вместе с тем и бессилие революционного и социалистического движения в Париже. Избирателям предлагали голосовать не за определенную программу и не за тот или иной выдержанный способ ведения революционной борьбы, а за отдельных известных лиц, выдвинувшихся в прежние десятилетия или в последнее время. В одном и том же списке стояли кандидаты, которые положительно ни в чем не могли бы договориться между собою.

Кордери пошла на выборы с расплывчатыми лозунгами, под которыми могла бы подписаться всякая сообразительная буржуазная партия, так как ни к чему определенному, за исключением, пожалуй, вопроса о сохранении республиканской формы, они не обязывали.

При всей пестроте исхода выборов в Париже, они ясно сказали одно: против правительства, за республику.

Но результаты выборов в провинции были ошеломляющие для Парижа. Даже крупные города дали победу членам временного правительства. Там совершенно не понимали того, что делается в Париже. Верили правительственной клевете, будто 31 октября и 22 января прусские агенты, подняв мятеж,

хотели открыть ворота Парижа для неприятельской армии; рассказывали, будто национальная гвардия неизменно обращалась в бегство перед неприятелем.

Деревня решительно высказалась против войны и за мир всякой ценой.

Под градом ударов, сыпавшихся на Париж, национальная гвардия создала новую организацию.

Еще в феврале были устроены собрания национальных гвардейцев. Их всколыхнули первые же провокационные выступления Национального Собрания. Они увидали необходимость теснее связать батальоны национальной гвардии, чтобы в случае нужды дать отпор врагам республиканского Парижа.

Во главе всей организации становится Центральный Комитет, составленный из делегатов, по три от каждого округа, избираемых на собраниях всех национальных гвардейцев округа.

В ближайшие дни к этой организации присоединилось 215 из общего количества 270 батальонов, на которые разделялась вся национальная гвардия Парижа. Вне организации остались батальоны буржуазных районов,—как и вообще буржуазия держалась в стороне от революционных и демократических собраний.

Центральный Комитет национальной гвардии превратился для своего времени в то, чем были Советы Солдатских Депутатов в России 1905 и 1917 годов. Добровольное устранение буржуазии повело к тому, что, несмотря на свое «демократическое» происхождение почти из всенародного голосования, Центральный Комитет оказался все же приближением к классовой организации, хотя бы и смутной, расплывчатой, слабо отграниченной от сопредельных общественных классов и групп. Как приближение к классовой организации, он стоял выше позднейшей Коммуны, для которой своими постановлениями и действиями прокладывал путь.

С первых дней марта правительство начало обработку провинции против Парижа. Газеты кричали, что город охвачен пожарами и грабежами, что в нем воцарились бандиты, преступники, вырвавшиеся из тюрем. 4 марта,—т.-е. непосредственно после того, как национальная гвардия стала организовываться,—в Бордо было получено известие, что в Париже — восстание, и что Винуа, губернатор Парижа, оттеснен восставшими на левый берег реки Сены. Депутаты, отправленные в Париж для проверки слухов, телеграфировали, что Париж «совершенно спо-

коен». Но министр внутренних дел, выражая мнение всего правительства, сказал: «Спокойствие показное; пора действовать».

К половине марта у правительства назрело решение арестовать Центральный Комитет. Но добраться до него можно было только через национальную гвардию. А она представляла вооруженную силу, далеко превышавшую все, чем в данное время располагало правительство.

Но эти настроения все больше углубляли разрыв между Парижем и регулярной армией. Солдаты, измученные этой бессмысленной и безалаберной войной, в которой они чувствовали себя на каждом шагу преданными и проданными, не желали ничего, кроме мира.

Клин между национальной гвардией и солдатами вбивался все глубже.

Солдаты и деревня так и учитывали: успех восстания в Париже—это не мир, а война.

Выбор был прост: за Национальное Собрание и против Парижа.

В этом — громадное отличие парижского движения от русской революции 1917 года. Своей классовой борьбою против войны передовой отряд пролетариата, большевистская партия, достиг того, что уже февральский переворот 1917 года был для рабочих и солдат переворотом, направленным против войны. В борьбе за влияние на массы буржуазия, благодаря содействию меньшевиков и эсеров, на короткое время заняла господствующее положение. Но героической работой большевики вырвали массы из-под ее влияния. Классовое обособление пролетариата шло рука-об-руку с борьбою против войны и через солдат тесно сплачивало его с деревней. Ясная и отчетливая постановка классовых задач в революции, в свою очередь, все теснее связывала борьбу за пролетарские интересы с борьбой за деревенские интересы, борьбу против капиталистической собственности с борьбой против помещичьей собственности. Борьба против войны вырастала в борьбу за целостную социалистическую программу и превращала массы деревенского населения, а следовательно, и армию в боевых союзников рабочего класса. От февраля—марта движение неудержимо шло к октябрю.

Все это исключалось уровнем экономического развития тогдашней Франции.

Правительство подготовляло удар против национальной гвардии.

Для ареста Центрального Комитета у него не было сил. В его распоряжении было не более 40.000 солдат, которых еще не успели надлежащим образом обработать.

Правительству оставалось только как можно быстрее бежать из столицы.

Тьер изменил план. Он решил оставить Париж и вывести из него всю армию, чтобы потом, усилив и натаскавши ее против мятежников, задушить последних действиями извне.

Достаточно было бы небольшого толчка, ничтожного нажима со стороны парижан, чтобы задержать всех солдат в Париже и привлечь их на свою сторону. Опыт русской революции показал, что регулярная армия в таких случаях ждет инициативы со стороны, хочет, чтобы ее оторвали от правительства, быстро поворачивается против золотопогонников,—но не берет на себя почина, дожидается его со стороны революции.

Париж упустил этот критический момент. Он дал правительству увести солдат. Он дал Тьеру и всему правительству бежать из Парижа. Более того: в следующие дни он оставил Версаль в полном покое, не преследовал бежавших, дал им время для усиления и воссоздания армии, для того, чтобы подлой и низкой травлей восстановить ее против парижан. Вместо того, чтобы нападать и преследовать, он ждал, когда противник, оправившись и подготовившись, нападет на него.

18 марта в Париже получилось, примерно, такое положение, как в России—с первых дней марта 1917 года, когда железнодорожники не пускали поездов с Родзянко, Гучковым, Львовым и Романовым, не получив на то согласия только что возникшего Петербургского Совета Рабочих Депутатов.

К выборам в Коммуну не производилось никакой организованной подготовки. Это дело могла бы взять на себя только политическая партия, которая, не страшась исторической ответственности, стала бы во главе масс и увлекла бы их за собою соответствием своей программы их жизненным интересам, научным предвидением неизбежных общих условий борьбы.

В сформировании Коммуны посредством всенародного голосования выразилась не сила, а слабость парижского движения; и эта слабость коренится в общих условиях политического развития Франции, не выдвинувшего сильной революционной пролетарской партии, которая, признав себя органом диктатуры рабочего класса, смело стала бы руководить его борьбой. Другой

источник этой слабости—в спутанности, полной сумбурности той обстановки, в которой возникало движение.

Не поставив вопроса ребром, Коммуна осуждалась на противоречия и даже на эквилибристику, как соглашательские Советы России в 1917 году. С одной стороны, она заявляла, что видит свою единственную задачу в защите автономных прав Парижа, которым угрожает Версаль, что она хочет послужить просто примером другим коммунам Франции, что она ни в какой мере не касается прав нации, не претендует на то, чтобы взять на себя функции государства и общегосударственного правительства.

При победоносной социалистической революции рабочий класс должен охранять свои политические и экономические завоевания вооруженной силой, состоящей из согласованных групп пролетариата, не допускающих, кроме этой, никакой другой вооруженной силы.

Противники октябрьского переворота в России, в особенности меньшевики и эсеры, много хихикали над «декретоманией», над «декретинизмом» Советской власти. Действительно, в первые месяцы декрета издавались в количестве, превышавшем силы тогдашнего административного аппарата; да они и не давали какого-нибудь строгого и до последних частностей выработанного плана, а имели скорее декларативный характер, т.-е. возвещали новые принципы, новые начала новой, пролетарской, социалистической общественности. Они возвещали, что новая власть в центре и на местах отвергает старые законы и правила и будет стремиться к достижению новых целей. В этом было главное предназначение некоторых из первых декретов.

Коммуна, говорит Лавров, дала мало положительных социалистических мер. Для этого у нее было слишком мало времени, да и не до того было: Коммуна была только баррикадой, как выражается Лиссагарэ, а не нормально и спокойно работающим правительством. Но и при таких условиях, продолжает Лавров, можно было бы кое-чего достигнуть, если бы существовала социалистическая партия, уверенно руководящая массами. Достаточно было выдвинуть хотя бы весьма несовершенный план переворота в экономических отношениях, коренных перемен в организации производства и распределения. Следовало немедленно провести эти меры в качестве исходного пункта пролетарской революции (такое значение имел в России, например, первый октябрьский декрет 1917 года о национализации земли, затем декреты

о национализации заводов и фабрик и т. д.), и уже потом можно было бы заняться постепенным, медленным, строго продуманным пересмотром этого временного революционного законодательства, если бы победа нового строя упрочилась. Подобный план, даже в случае поражения и гибели Коммуны, остался бы чрезвычайно важным заветом будущему.

Ни одно из правительств Франции, захватывавших власть после переворота, не оказывалось перед такими затруднениями, как Совет Коммуны.

Личный состав этого аппарата, за исключением полупролетарских низов, тысячами нитей связанный с собственниками, послушно подчинялся всем приказаниям Тьера. В результате Коммуна не могла просто захватить и использовать существующую правительственную машину, как было в прошлых, буржуазных революциях: она нашла ее совершенно разбитой, расстроенной и дезорганизованной.

Тьер хотел поставить Париж в такое положение, чтобы он быстро почувствовал муки голода, захлебнулся в грязи, задохнулся в миазмах, был бы отрезан от всего мира.

Это был такой же саботаж,—точнее, полная забастовка,—как примененный русскими собственниками и послушными им меньшевиками и эсерами против победившей в открытом бою Октябрьской революции 1917 года.

Париж остался как фабрика без инженеров, без техников, без управляющих, без бухгалтерского персонала, с одними рабочими или даже чернорабочими.

Заменить организаторский персонал—нелегкое дело. Это вновь показал опыт русской революции. Здесь ставит помехи не только отсутствие необходимых навыков, но даже и просто низкий уровень грамотности, неуменье считать и т. д.

Коммуне оставалось одно: направить на работу своих собственных членов. Они целиком поглощались порученными им специальными делами, прикреплялись к ним и вследствие этого в значительной степени отрывались от Совета Коммуны.

Коммуне не пришлось работать над разрешением задачи, которая по опыту русской революции оказывается одной из труднейших,—много труднее, чем организация текущего управления, городских служб, почты и т. д.: над подчинением себе всех экономических отношений, над организацией хозяйства.

У Тьера было множество соумышленников и прямых агентов

в Париже. Они постоянно держали версальцев в курсе того, что делается в городе. Тьеровские шпионы, посещая кофейные, многое узнавали от офицеров национальной гвардии, для которых их положение было ново, и которые, хвастая знанием военных тайн, громко их выбалтывали знакомым и полузнакомым. Некоторые агенты Тьера сами проникли в разные учреждения Коммуны в качестве должностных лиц, старались дезорганизовать их работу и, повидимому, умели освобождать своих сообщников, накрытых на месте преступления. Комиссия общественной безопасности, или полицейской префектуры, по своим задачам соответствовала чрезвычайным комиссиям Советской России. Главную роль в ней играли Феррэ и в особенности Риго. Со стороны своей честности, революционности, беззаветной преданности делу оба они стояли выше всяких подозрений. Но, по общим отзывам современников, они не умели организовать дело. Запрещенные утром газеты по вечерам поступали в продажу. Версальские газеты распространялись в Париже.

В эпоху Великой Французской Революции естественно было искать заговорщиков и активных врагов прежде всего среди дворянства, а затем среди тесно связанного с ним высшего духовенства: переворот был направлен в первую очередь против их сословных привилегий, против их земельной собственности, против их государства. Еще прозрачнее обстановка, созданная в России Октябрьской революцией 1917 года. Она упразднила помещичью и капиталистическую собственность. Рабочий класс в целом—носитель революции, массовое крестьянство—его союзник.

Хуже обстояло дело с живой силой, с бойцами. К началу Коммуны в национальной гвардии числилось 99.000 в маршевых батальонах и 115.000 расположенных по районам, итого до 215.000 бойцов.

Действительные силы национальной гвардии были много ниже. Для сражений 2 и 3 апреля выступило едва ли более 100.000 человек. Вследствие полной неорганизованности, эта сила быстро растаяла, и фактически в деле участвовало менее сорока тысяч. С начала мая военное командование Коммуны в наиболее благоприятных случаях располагало самое бо́льшее 30—35 тысячами человек: 12—15 тысяч на юге, 15—20 тысяч на северо-западе.

Состав сражающихся батальонов был текучий, изменчивый: отдельные гвардейцы приходили, чтобы принять участие в сражении, а затем уходили.

Париж едва успел возвыситься над той зачаточной формой военной организации, которая существовала, напр., в Москве в декабрьские дни 1905 года. Национальная гвардия Коммуны, это была еще не «народная милиция», а скорее совокупность «боевых дружин», напоминающих те, которые в 1905, отчасти и в следующем году вели борьбу в Москве, на некоторых железных дорогах, в Латвии, на Кавказе, Урале.

Декабрьские дни в Москве видели самые разнообразные боевые дружины: студенческая, кавказская, армянская, таких-то железнодорожных мастерских, такой-то фабрики или завода. Спайку и сплоченность им давали старые товарищеские связи, старинная близость, работа на одной фабрике или заводе. Внешне-принудительная регламентация едва зарождалась. Необходимая дисциплина поддерживалась, во-первых, силой революционного подъема и, во-вторых, боязнью товарищеского осуждения. При кратковременности существования дружин и при фактической разрозненности и раздробленности их боевых действий этого было достаточно. А главное, не было времени пойти дальше. Между тем, оборона Москвы по единому плану, с ситематическим распределением и переброской боевых сил, с сосредоточением главных ударов на более уязвимых пунктах противника и тогда могла бы причинить ему несравненно больший урон и при таких же жертвах на стороне революции продлить ее сопротивление. «Общего командования» в Москве у революции не было. Боевые действия дружин не направлялись по общему плану из единого центра: каждый район был более или менее самостоятельным центром отдельной дружины, сформировавшейся в нем или избравшей его полем борьбы. Но уже на этих боевых дружинах сказалась организующая сила крупного производства. Рабочий приносил сюда привычку к согласованию своих действий с действиями товарищей. Таким образом боевая дружина с самого начала была организацией, а не просто суммой отдельных бойцов. Дисциплинирующая способность крупно-промышленного пролетариата также должна была сказаться на внутренних отношениях боевых дружин. Можно сказать, что пролетариат приносил с собою организацию в боевые дружины из производства. Разумеется, военная организация Парижской Коммуны пошла значительно дальше, но в ней все еще многое оставалось от первичной бесформенности. При господстве ремесленных форм в Париже, не объединение в производстве и для производства, а соседство

лежало в основе организации. «В национальной гвардии каждый батальон, каждая рота, это—настоящая семья, составленная из соседей, товарищей по мастерской (это при мелких размерах производства не играло особенной роли. *И. С.*), обитателей одной и той же улицы, одного и того же дома» (Арну). В этом отношении Париж еще сохранял кое-что от средневековых отношений, когда боевые силы городов строились по цехам, а цехи размещались по концам, районам и улицам («Гончарные» и «Плотницкие», «Суконные» и «Оружейные» улицы и концы).

Все лица, которые последовательно стояли во главе национальной гвардии или имели к ней близкое касательство, неспособны были понять, что необходимо считаться со свойствами живого материала.

Для создания стройной и широкой военной организации не было времени. Русская революция 1917 года имела возможность учесть опыт 1905 года и, быстро, уверенно кое-что повторив из него (организация «красной гвардии» собственно еще к концу лета 1917 года), пойти дальше. Да и нанести русской революции смертельный удар было много труднее: ее защищали необозримые пространства с слабой железнодорожной сетью, с редким населением, с целым рядом помех продвижению крупных армий. Она могла отступать перед противником на многие сотни верст, не допуская его до своих жизненных центров, и, отступая, могла проделывать новые и новые опыты, учиться, сменять и подбирать командный состав, изживать такие измены, что одной из них было бы достаточно для быстрой и окончательной расправы с Парижем.

Не в таком положении была Коммуна. Правительство Тьера откатилось всего на какие-нибудь 17—20 верст. Отступать революции из Парижа было некуда: с одной стороны, прусская армия, с другой—версальская армия. Руки версальцев тянулись прямо к горлу Парижа. Он не мог уйти от них,—он мог только, пока хватало сил, отводить их от своего горла.

Как бы то ни было, в распоряжении Коммуны была боевая масса, немногочисленная, но несравненная по величайшей преданности революции и по несравненному героизму. Надо было только суметь эти силы организовать и надлежащим образом использовать, считаясь с их особенностями. Решающая роль принадлежала здесь командному составу.

В этом отношении положение пролетарских революций—тяжелое. Так было с Коммуной, так долгое время было в России.

Специалистов в области промышленности или транспорта, техников, бухгалтеров, медиков и т. д. пролетариат может подчинять себе постепенно, шаг за шагом, попеременно применяя то меры принуждения, то меры поощрения. Он может налаживать контроль, он все время знает, что даже при желании вредить эти специалисты могут нанести ему тяжелые, но не смертельные удары. Да он и не остается совершенно один в этой области: к нему сравнительно быстро присоединяются средние специалисты, которые могут взять на себя хотя бы временное руководство самыми неотложными делами и помогают подчинению бастующих и саботирующих специалистов.

Не то с войной. Здесь уже унтер-офицер собственно организатор, и уже с подпоручика начинается чужой, враждебный класс. Военные специалисты в эксплоататорском обществе—как на подбор представители эксплоататорских классов. Они натаскиваются таким образом, что обособляются в касту, которая глубоко пропитывается сознанием, что она призвана к господству, и столь же глубоко и бесконечно презирает эксплоатируемых.

Конечно, отдельные лица отрываются от своей касты, предлагают свои знания пролетарской революции. Но это так необычно, что с самого начала возбуждает в революционной армии подозрение в затаенных коварных целях. Первая же неудача превращает подозрения в уверенность, вызывает упадок духа, стремление разбирать и критиковать приказы вместо немедленного их исполнения. И, действительно, среди начальников национальной гвардии Коммуны были прямые изменники. Два батальонных командира в решительный момент перешли на сторону версальцев.

С другой стороны, военные специалисты, честно предлагавшие свои услуги парижской революции, по существу были ей глубоко чужды, совершенно не понимали ее задач, ее бесконечного отличия от всех прошлых революций, не представляли себе особенных свойств того человеческого материала, которым им приходилось командовать, его отличия от казарменных армий, от армий, рекрутируемых преимущественно из крестьянства. Они не способны были ни наладить отношений с революционной армией, ни приспособить тактику к ее особенным свойствам.

Опыт русской революции показал, что выработка командного состава для армий пролетарской революции—трудное дело, требующее большого времени, тщательного и осторожного отбора из старых специалистов, главным образом из их более молодых

групп, и пополнения свежими элементами из пролетарских рядов. И тот же опыт показал, что новая тактика не рождается разом из какой-нибудь гениальной головы, а складывается в ходе классовой войны, как приспособление к ее особым условиям и требованиям.

И опять-таки на все это у Парижской Коммуны не было необходимого времени.

Неудачи конца апреля вызвали большое возбуждение в Коммуне. 28 апреля Жюль Мио предложил «без фраз» приступить к созданию Комитета Общественного Спасения, который стоял бы над всеми комиссиями и был бы уполномочен «снимать голову всякому изменнику».

Опасения, что создаваемый Комитет Общественного Спасения «захватит власть», были совершенно несостоятельны: через несколько дней Коммуна так же легко устранила Комитет, как создала его. Подобные опыты были и в русской революции: реввоенсоветы и ревкомы, создаваемые в моменты, когда необходимо было величайшее сосредоточение власти, по миновании надобности без всяких трений всегда уступали место органам более нормального управления. И те же опыты показали, что такие диктаторские учреждения способны сыграть громадную роль в периоды величайшего обострения гражданской войны. Но для этого люди, учреждающие и составляющие их, должны быть сделаны из другого материала.

В самых беспощадных национальных войнах побежденному врагу дается пощада. Никакой пощады не знает буржуазия по отношению к восставшему и побежденному пролетариату. Это показал конец Парижской Коммуны,—это показали расправы контр-революции после русской революции 1905 года, это много раз показало временное торжество контр-революции в некоторых областях современной России.

* * *

Коммунары не понимали великого исторического значения своей борьбы.

Они вписали своей кровью неизгладимую страницу в историю человечества, но сами не могли расшифровать этой страницы.

Они боролись и умирали. Некоторые из тех, что остались в живых, старались потом осмыслить для себя и рассказать другим, за что боролись они, во имя чего падали их товарищи под пулями тьеровских палачей.

Но тот смысл, или различные смыслы, которые вкладывались разными авторами в великое историческое событие, был бесконечно ниже его громадного исторического значения.

Маркс дал ему гениальное истолкование. Но только нарождающаяся мировая пролетарская революция раскрывает всю глубину этого истолкования, прозревавшего в XIX веке условия пролетарской революции XX века.

Во всех революциях есть нечто пророческое. Они не только ставят и, в меру конкретного соотношения борющихся классовых сил, разрешают очередные задачи.

Они—удивительная реторта, в которой с поразительной быстротой нарождаются, назревают и сталкиваются противоположности, которые затем в более или менее медленном, «органическом» ходе эволюционный процесс развития развернет только через несколько лет, если не десятилетий. То же было и с Парижской Коммуной.

Российский пролетариат, пока одинокий в своей победе борец мирового социалистического переворота, перенес и несет невыразимые муки в своей одинокой борьбе. На новом уровне развития, в совершенно иной исторической обстановке, он до сих пор разделял судьбу Парижской Коммуны.

Но, обогащенный всем опытом Парижской Коммуны, он избежал бесконечных излишних страданий и до сих пор отражал всех противников потому, что, быстро отбросив всех мелкобуржуазных попутчиков, внес в борьбу всю свою последовательность и энергию. Он, подобно парижскому пролетариату 1871 года, сравнительно быстро мог идеологически разделаться с буржуазным миром, так как этот мир еще не успел внутренно его искалечить и подчинить себе. Он мог быстрее организоваться, потому что формы русских капиталистических предприятий выше парижских эпохи Коммуны.

Современный пролетариат Запада глубже подчинен буржуазным обществом. Он все еще рвет те цепи, которые приковывают его к этому обществу. Те уроки, которые Коммуна усвоила в несколько недель, для него растянулись на годы.

РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 И 1917 ГОДОВ В ИНОЙ ОБСТАНОВКЕ, ПРИ ИНЫХ УСЛОВИЯХ ПРОДОЛЖАЮТ ДЕЛО КОММУНЫ И ПОДТВЕРЖДАЮТ ГЕНИАЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МАРКСА.

ЛЕНИН.

Л. Д. Троцкий

Уроки Коммуны

Каждый раз, когда обращаешься к истории Коммуны, она освещается с новой стороны опытом дальнейшей революционной борьбы и, особенно, последних революций, не только русской, но и германской и венгерской. Франко-прусская война была кровавой вспышкой, предвещавшей великую мировую бойню. Парижская Коммуна была зарницей, предвещавшей мировую революцию пролетариата.

Мы видим в Коммуне героизм рабочих масс, их способность сплачиваться в единое целое, беззаветно жертвовать собою во имя грядущего дня, но также и их беспомощность в выборе пути, нерешительность руководства, фатальную склонность останавливаться на месте после первых успехов, предоставляя врагу возможность оправиться и восстановить свое положение.

Рабочая партия—настоящая—не есть машина парламентских маневров, это—накопленный и организованный опыт пролетариата. Только при помощи партии, которая опирается на всю историю прошлого, теоретически предвидит пути развития, учитывает каждый его этап, извлекая из него очередную формулу действия, пролетариат освобождается от необходимости каждый раз начинать свою историю сначала, т.-е. с первых колебаний, шатаний, нерешительности и ошибок. У парижского пролетариата не было такой партии. Мелкобуржуазные социалисты, которыми кишела Коммуна, глядели наверх, ждали чуда или вещего слова, колебались, а массы тем временем брели вперед на-ощупь, сбиваемые с толку нерешительностью одних, фантазерством других. В результате революция обрушилась на их голову слишком поздно,—Париж уже был в прусском кольце. Шесть месяцев потребовалось парижскому пролетариату для того, чтобы хоть отчасти восстановить в своей памяти уроки старых революций, старых боев, старых измен демократии и—стать у власти. Эти шесть месяцев были невозвратной потерей. Если бы во главе французского пролетариата в сентябре 1870 года стояла централизованная

партия революционного действия,—вся история Франции, а вместе с ней и история человечества могла бы пойти по другому пути.

Но 18 марта власть оказалась в руках парижского пролетариата не потому, что он сознательно овладел ею, а потому, что его врагов не оказалось в Париже. Почва осыпалася под их ногами на каждом шагу. Рабочие презирали и ненавидели их. Мелкая буржуазия не доверяла им. Крупная буржуазия опасалась, что они уже неспособны защитить ее. Солдаты относились враждебно к своим офицерам. Правительство бежало из Парижа, чтобы на свежем месте концентрировать свои силы. Парижский пролетариат оказался господином положения. Но он только на следующий день понял это. Революция упала на него, как перезрелый плод.

Первый достигнутый успех становится новым источником пассивности. Враг бежал в Версаль. Разве это не победа? В этот момент можно было сокрушить правительственную банду почти без кровопролития. В Париже можно было захватить всех министров во главе с Тьером. Никто не поднял бы руки для их защиты. Этого не сделали, потому что этого некому было сделать. Не было централизованной партийной организации, которая привыкла бы обдумывать положение в целом и имела бы свои органы во всех сферах и областях для проведения своих решений в жизнь.

Такого рода решения в момент развернувшихся событий способна принимать только революционная партия, которая ждала революции, готовилась к ней, не потеряла головы, которая привыкла обдумывать положение со всех сторон и не боится действовать. Но именно партии действия не было у французского пролетариата.

Центральный Комитет национальной гвардии представляет собою совет депутатов вооруженных рабочих и мелкой буржуазии. Такого рода совет, непосредственно избранный вступившими на революционный путь массами, представляет собою превосходный аппарат действия. Но сам по себе совет депутатов—именно вследствие своей непосредственной, элементарной связи с массами в том их состоянии, в каком их застигла революция,—отражает не только их сильные, но и их слабые стороны, на первых порах революции—слабые стороны более, чем сильные: нерешительность, выжидательность, готовность успокаиваться после первых

успехов. Но Центральный Комитет национальной гвардии нуждался в руководстве.

Едва правительство отступило в Версаль, как Центральный Комитет национальной гвардии торопится сложить с себя ответственность—в момент, когда эта ответственность особенно велика. Центральный Комитет затевает «легальные» выборы в Коммуну.

На помощь пассивности и нерешительности пришел священный принцип федерализма и автономии. Париж, видите ли лишь коммуна среди прочих коммун; он никому ничего не хочет навязывать; он отнюдь не борется за диктатуру, кроме «диктатуры примера». По существу дела это было равносильно попытке подменить развертывающуюся революцию пролетариата мелкобуржуазной реформой коммунальной автономии. Действительная революционная задача состояла в том, чтобы обеспечить пролетариату власть во всей стране. Париж должен был служить для этого базой, опорой, плацдармом. Исходя из него, нужно было, не теряя времени, сокрушить Версаль и перебросить своих агитаторов, организаторов и свою вооруженную силу на всю Францию. Нужно было связаться с сочувствующими, поднять колеблющихся и сломить сопротивление противников. Вместо такой агрессивной, наступательной, единственно спасительной политики, руководители Парижа попытались замкнуться в коммунальную автономию: они не будут покушаться на других, если другие не будут покушаться на них; каждый город имеет священное право самоуправления. Этот идеалистический вздор—во вкусе салонного анархизма;—прикрывал, по существу, трусость перед революционным действием, которое должно было быть без остановок доведено до конца,—иначе незачем было начинать.

Неприязнь к централистической организации—это наследие мелкобуржуазного локализма и автономизма—составляет, несомненно, слабую сторону известной части французского пролетариата. Автономизм секций, районов, батальонов, городов кажется иным «революционерам» высшей гарантией самодеятельности и индивидуальной самостоятельности. Но это—грубая ошибка, за которую французский пролетариат уже не раз нес тяжелую кару.

Рабочий класс в целом—при культурном и политическом разнообразии своих частей—может действовать единообразно, не отставая от событий, направляя каждый раз свои удары по самому больному месту врага, только при том условии, если во

главе его над всеми слоями, районами, секциями, группами, стоит централизованный, партийный аппарат, связанный железной дисциплиной действия.

Партия не создает революцию по произволу и не выбирает по своему желанию момент для захвата власти. Но она активно вмешивается в события, прощупывает на каждом повороте настроение революционных масс и силу сопротивления врага и таким путем определяет наиболее благоприятный момент для решительного действия. Это—самая трудная сторона задачи. Она не имеет пригодного для всех случаев решения. Тут нужны правильная теория, опыт, тесная связь с массами, учет обстановки, революционный глазомер, решимость. Чем глубже революционная партия входит своими щупальцами во все области пролетарской борьбы и чем более она объединена единством цели и единством дисциплины, тем вернее она подойдет к разрешению задачи.

Трудность состоит в том, чтобы строго централизованную организацию партии, внутренне спаянную железной дисциплиной, теснейшим обрзом связать с массовым движением, с его приливами и отливами. Завоевание власти может быть достигнуто только при условии могущественного революционного напора трудящихся масс. Но в то же время в этом акте неизбежен элемент заговора. Чем правильнее партия учтет обстановку и момент, подготовит опорные пункты, чем лучше распределит силы и роли, тем вернее будет успех и тем дешевле он будет оплачен. Сочетание тщательно подготовленного заговора с массовым движением составляет политически-стратегическую задачу захвата власти.

В этом смысле чрезвычайно поучительно сравнение 18 марта 1871 г. и 7 ноября 1917 г.

В Париже почти полное отсутствие инициативы к действию со стороны руководящих революционных кругов. Пролетариат, вооруженный буржуазным правительством, фактически владеет городом, располагая материальными средствами власти,—пушками и ружьями,—но не отдает себе в этом отчета. Буржуазия делает попытку отнять у великана его дубину—украсть у парижского пролетариата его пушки. Это не удается. Буржуазное правительство в панике бежит из Парижа в Версаль. Поле окончательно очищено. Но только на другой день пролетариат постигает, что он является хозяином Парижа. «Вожди» неизменно плетутся в хвосте событий, регистрируют их, когда они уже совершились, и тут же стараются притупить их революционное острие.

Совершенно иначе развернулись события в Петрограде. Партия уверенно и твердо шла к захвату власти, имея всюду своих людей, закрепляя каждую позицию, увеличивая каждую щель между рабочими и гарнизоном, с одной стороны, и правительством—с другой. Вооруженная манифестация июльских дней представляет собою глубокую разведку партии с целью прощупать революционную связь масс и силу сопротивления врага. Разведка переходит в аванпостный бой. Нас отбивают. Но в то же время между партией и глубокими массами устанавливается связь действием. В августе, сентябре, октябре—могучий революционный прилив. Питаясь им и питая его, партия неизмеримо увеличивает свои опорные пункты в рабочем классе и в гарнизоне. Далее сочетание заговора и открытого массового действия совершается уже почти автоматически. На 7 ноября назначен II Съезд Советов. Вся наша предшествовавшая агитация вела к тому, что этот Съезд должен взять в свои руки власть. Таким образом, переворот как бы заранее был приурочен к 7 ноября. Факт этот был слишком хорошо известен и понятен врагу. Керенский и его советники не могли не сделать попытки хоть сколько-нибудь укрепиться в Петрограде к решающему моменту. Для этого им нужно было прежде всего вывести из столицы наиболее революционную часть гарнизона. Такого рода попытку Керенского мы, однако, превратили в источник нового конфликта, получившего решающее значение. Мы открыто обвиняли правительство Керенского (и наше обвинение нашло впоследствии документальное подтверждение) в том, что задуманное им удаление трети петроградского гарнизона продиктовано не военными, а контр-революционными соображениями. Этот конфликт еще теснее связал нас с гарнизоном и поставил последнему определенную задачу: поддержать Съезд Советов, имеющий собраться 7 ноября.

Так как правительство настаивало, хотя и очень нерешительно, на выводе гарнизона, то мы сделали при Петроградском Совете, уже находившемся в наших руках, Военно-Революционный Комитет—под предлогом проверки военных доводов правительства. Таким образом мы получили чисто военный орган, возглавлявший петроградский гарнизон, по существу открытый орган вооруженного восстания. Одновременно с этим мы назначили комиссаров (коммунистов) во все воинские части, на военные склады и пр. Конспиративная военная организация партии служила

для выполнения отдельных технических задач и доставляла Военно-Революционному Комитету надежных работников для ответственных военных поручений. Главная работа по подготовке и фактическому осуществлению вооруженного восстания шла открыто и с такой планомерностью и естественностью, что буржуазия, с Керенским во главе, не понимала толком, что перед ней происходит. Если в Париже пролетариат только на другой день после своей фактической победы, которой он сознательно не искал, понял, что он уже является господином положения, то в Петрограде картина была прямо противоположная. Наша партия, опираясь на рабочих и на гарнизон, уже овладела властью, а буржуазия провела довольно спокойную ночь и только на другой день узнала о том, что государственный руль находится в руках ее могильщиков.

Настроение петроградского гарнизона более глубокими своими источниками имело положение русского крестьянства и ход империалистической войны. Если бы в гарнизоне произошел раскол, и Керенский получил бы возможность опираться на определенные части, наш план оказался бы сорванным. Элементы чисто военного заговора (скрытность и полная внезапность действий) должны были бы получить гораздо большее значение. Момент для восстания пришлось бы, разумеется, назначить иной.

Коммуна имела полную возможность овладеть даже крестьянскими полками, утратившими всякое доверие и уважение к власти и к командирам. Но она ничего не предприняла для этого. Здесь уж вина не в классовых отношениях, а в революционной стратегии.

Партия обязана готовиться. Именно поэтому она должна сохранять и развивать свой характер централизованной организации, которая есть в одно и то же время и открытая руководительница революционного движения масс и конспиративный аппарат вооруженного восстания.

Можно так перелистать всю историю Коммуны, страницу за страницей, и везде мы найдем один и тот же урок: нужно твердое партийное руководство. Французскому пролетариату пришлось в прошлом принести больше жертв революции, нежели кому-либо из его собратьев. Но его и обманывали больше, чем какой бы то ни было другой рабочий класс. Буржуазия играла перед ним всеми цветами радуги республиканизма, радикализма, социализма, чтобы, в конце концов, снова и снова надеть на него

капиталистическое ярмо. Через своих агентов, адвокатов и журналистов, ищущих карьеры, буржуазия внесла в рабочий класс множество формул—демократических, парламентарных, анархических, автономических, которые все являются путами на ногах пролетариата и мешают его движению вперед.

Темперамент французского пролетариата—революционная лава. Но на ней скопились шлаки скептицизма—результат многих обманов и разочарований. Тем строже должны быть революционные пролетарии Франции к своей партии, тем беспощаднее должны они разоблачать несоответствие слова и дела. Французским рабочим нужна стальная организация действия, с вождями, которых масса проверяет на каждом новом повороте пути.

Сколько времени история оставляет нам на подготовку? Мы этого не знаем. Нужно использовать каждый день. В течение 50 лет французская буржуазия удерживала власть в своих руках, воздвигнув здание Третьей Республики на костях коммунаров. У них, у бойцов 71 года, не было недостатка в героизме. Чего им нехватало, это—ясности метода и руководящей централизованной организации. Поэтому они были побеждены. Прошло больше полстолетия, прежде чем пролетариат Франции смог поставить вопрос об отмщении за коммунаров. На этот раз дело будет поставлено прочнее. Наследникам Тьера придется уплатить по историческому счету полностью и до конца.

СЛАБОСТЬ КОММУНЫ КОРЕНИТСЯ В ОБЩИХ УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ФРАНЦИИ, НЕ ВЫДВИНУВШЕГО СИЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПАРТИИ, КОТОРАЯ, ПРИЗНАВ СЕБЯ ОРГАНОМ ДИКТАТУРЫ РАБОЧЕГО КЛАССА, СМЕЛО СТАЛА БЫ РУКОВОДИТЬ ЕГО БОРЬБОЙ.

И. СТЕПАНОВ.

Передача знамени парижских коммунаров московскому пролетариату 6 июля 1924 г.

С раннего утра в районы стали стекаться многочисленные делегации рабочих и работниц для принятия участия в предстоящем празднестве. Вагоны трамвая, начавшего в этот день свою работу ранее обычного, осаждались толпами народа. На линию, ведущую к Октябрьскому полю, были поставлены почти все вагоны московского трамвая.

По всей дороге, ведущей к Октябрьскому полю, тянулись колонны с красными знаменами, на которых значилось: «СССР—это фундамент мировой коммуны, мирового Союза Советских Социалистических Республик», «Пролетарии всех стран и угнетенные народы, поднимайте выше знамя Парижской Коммуны», «Идите по стопам Парижской Коммуны, выполняйте ее заветы», «Да здравствует РКП, вождь международного пролетариата», «Да здравствует III Интернационал—боевой штаб коммунизма».

Настроение собравшихся праздничное, бодрое. Раздаются мощные звуки революционных песен.

Всеобщий восторг вызывает группа рабочих и работниц, одетых в национальные костюмы народов СССР. Мелькают пестрые ряды пионеров, на знаменах которых значится: «Да здравствует Коминтерн», «Да здравствует грядущая смена Коминтерна!».

У Петровских линий перекинуто большое красное полотнище с надписью: «Слава коммунарам Парижа». Тут же красуются плакаты с надписями: «Выше знамя социализма 71 г.», «Пролетарии и угнетенные нации всех стран, соединяйтесь».

Уже в 11 ч. утра огромное пространство Октябрьского поля покрывается тысячными группами рабочих и работниц Москвы, прибывающих на торжество организованным порядком в стройных колоннах. Отдельные колонны порайонно и по предприятиям группируются преимущественно вокруг своих трибун. Всеобщее внимание и интерес привлекает центральная трибуна Октябрьского поля, с которой будут выступать члены V конгресса Коминтерна,

и на которой состоится передача знамени парижских коммунаров московскому пролетариату.

Центральная трибуна представляет собою 3-этажное кубическое сооружение, заканчивающееся вышкой. Наружные стороны трибуны задрапированы красной материей с лозунгами, посвященными празднеству. Рабочие колонны окружают трибуну со всех сторон, образуя одинаковые 5-конечные фигуры.

В 11 час. 40 мин. утра командующий МВО тов. Ворошилов объявляет о приближении членов конгресса Коминтерна. В ответ

Процессия со знаменем парижских коммунаров по дороге к Октябрьскому полю.

на это сообщение со всех сторон несутся радостные клики: «Да здравствует штаб мировой революции! Да здравствует V конгресс Коммунистического Интернационала!».

Во главе колонны членов конгресса т.т. Томас Ман, Ларкин и Катаяма, несущие большое знамя Коминтерна.

Под звуки «Интернационала» и непрекращающуюся бурную овацию рабочих и работниц члены конгресса размещаются на трибуне, где их встречают М. И. Калинин, А. С. Енукидзе, т.т. Любимов, Бумажный, Беленький и др.

Шумными аплодисментами и кликами «ура» присутствующие встречают председателя Коминтерна тов. Г. Е. Зиновьева.

На трибуне неожиданно появляется многочисленная группа представителей всех национальностей и рас земного шара, в центре которой располагается один из старейших членов Коминтерна, Катаяма. Появление представителей народностей, символизирующих будущее объединение всех угнетенных наций в единую братскую семью, встречается с большим энтузиазмом. И только по прошествии некоторого времени присутствующие узнают, что группа составлена рабочими и работницами разных предприятий Красной Пресни.

В 12 час. 40 мин. дня в глубине поля со стороны Всехсвятского села показывается французская делегация, несущая знамя парижских коммунаров. Встреченная звуками рабочего гимна и восторженной овацией трудящихся, делегация во главе с генеральным секретарем Сенской федерации, т. А. Кост, проходит на трибуну.

Славное знамя парижских коммунаров представляет из себя приблизительно полутороаршинные по длине и $3/4$ аршина в ширину сшитые куски черной и красной материи, прикрепленные к обыкновенному красному древку.

Восторженные возгласы народа продолжаются свыше 10 мин., после чего секретарь МК РКП тов. Бумажный предоставляет слово председателю ЦИК СССР тов. М. И. Калинину.

— Сегодня,—говорит М. И. Калинин,—мы справляем первую годовщину первого в мире СССР. Год назад на сессии ВЦИК была принята конституция о создании единого государства—СССР.

Слово «единое» имеет, как будто, не вполне приятный исторический привкус: не является ли создание единого государства повторением старого: собирание народов?

Нет, товарищи. Единство, которое принято конституцией год назад,—есть единство трудящихся масс всего мира. Это единство, которое освобождает угнетенные народы от гнета: единство, к которому стремятся рабочие и крестьяне, единство, которое служит для объединения революционных сил рабочего класса и крестьянства против угнетателей.

В эту первую годовщину первому революционному рабоче-крестьянскому правительству, которое имело своего предшественника 53 года тому назад в Париже,—прислано знамя. Наш союз-

ник, французский пролетариат, прислал нам свое красное, побывавшее в боях, знамя первых парижских коммунаров.

Это великая честь, товарищи. За 50 лет ни один сектор рабочего класса, ни одна революционная партия еще не заслужила этой чести.

Получение знамени парижских коммунаров есть самое лучшее доказательство того, что правительство Союза рабочих и крестьян олицетворяет собой в миниатюре правительство всего мира.

Мы сегодня празднуем передачу этого знамени нам и встречаем его, это заслуженное, истерзанное историей, красное знамя. В нашем сегодняшнем празднике участвуют делегаты V конгресса Коминтерна—представители всего честного и революционного, что есть в мире. Праздник с участием Коминтерна и поднесение красного знамени парижских коммунаров в присутствии огромных масс революционных рабочих Москвы и нашей заслуженной Красной армии свидетельствует о том, что этот первый праздник не будет последним. Каждый год мы будем праздновать его еще более полно, еще более красиво, с еще большим участием представителей рабочих от других частей и стран света.

От имени российского пролетариата,—заканчивает М. И. Калинин,—я выражаю уверенность, что представители революционных партий, делегаты V конгресса III Коммунистического Интернационала приложат все свои силы и энергию к тому, чтобы наш Союз рос и увеличивался, и чтобы наше молодое поколение могло присутствовать при организации всемирного союза трудящихся народов. (Аплодисменты.)

Вышку трибуны занимает член конгресса, делегат 20 Сенского района А. Кост, держащий в руках славное знамя Парижской Коммуны.

— Раньше, чем выполнить возложенное на меня французским пролетариатом поручение,—начинает тов. Кост,—я считаю необходимым особенно приветствовать русский революционный пролетариат Москвы от имени пролетариата Парижа. Я считаю необходимым передать привет вам, которые подняли выпавшее из рук парижских коммунаров красное знамя и водрузили его сейчас, непобедимое и несклоняющееся над стенами Кремля. Передавая это знамя, которое развевалось над одной из последних баррикад Парижа, пролетариату Москвы, мы обещаем вам, вернувшись во Францию, сделать все возможное для того, чтобы осуществить то, чему вы подали первый пример. Мы обещаем присоединиться к

русской коммуне, которая сумела отомстить за гибель парижских коммунаров. И если бы те, кто был свидетелем последних ужасных дней Парижской Коммуны, были бы в настоящее время живы, они крикнули бы не «Да здравствует Парижская Коммуна», а «Да здравствует русская революция, отомстившая за Коммуну».

После оглашения грамоты Сенской федерации о передаче знамени 1871 г. на хранение пролетариату Москвы, тов. Кост, при громогласных криках «ура», вручает старое, славное знамя МК РКП.

Принимая знамя из рук т. Кост, представитель МК РКП тов. Антипов говорит:

— Нет большей чести для нас, как быть хранителями того знамени, под которым сражались и умирали лучшие сыны рабочего класса Франции, пытавшиеся создать Коммуну. Их попытка окончилась поражением, но дело, за которое они боролись, победило на одной шестой части земного шара. Для нас, русских рабочих, пример парижских коммунаров всегда служил факелом, светившим во мраке царского деспотизма и капиталистического гнета. Пример Парижской Коммуны был источником энергии для наших борцов. В период 1905 г. мы также были разбиты, но это поражение придало силы для победы в Октябре. И, наконец, в те тяжкие дни, которые наступили после победы, когда мы должны были отстаивать свои завоевания,—Парижская Коммуна вдохновляла нас на борьбу. В тяжелые моменты мы говорили: смотри, рабочий, на пример парижских коммунаров и знай, что если мы будем разбиты, наша буржуазия расправится с нами во сто раз ожесточеннее. Пример Парижской Коммуны нас вдохновлял, и мы победили.

Создатель Союза республик, наш великий вождь В. И. Ленин всегда говорил и учил нас относиться с уважением к памяти Парижской Коммуны и, ссылаясь на пример Коммуны, заявлял: «Там нам надо учиться». Мы лишились великого и любимого вождя, но то дело, которое он делал, мы доведем до конца. Мы поднимем это знамя на такую высоту, чтобы оно было видно угнетенным во всех уголках земного шара.

От имени московского пролетариата мы подносим пролетариату Франции свое знамя, знамя победивших трудящихся, которые крепко держат в своих руках власть и никогда ее не уступят.

Пусть же и это наше знамя вдохновляет французских товарищей на решительную борьбу с капиталом. Мы же со своей сто-

роны клянемся под этими знаменами довести дело до победного конца.

Вслед за обменом знаменами к присутствующим обращается с речью председатель Коминтерна Г. Е. Зиновьев, который говорит:

— Лучшие люди человечества, лучшие вожди и учителя международного пролетариата—Маркс и Ленин—учили нас уважать

Тов. Кост на трибуне со знаменем парижских коммунаров.

память парижских коммунаров, изучать опыт первого великого пролетарского восстания и смотреть на Парижскую Коммуну, как на прообраз грядущих великих пролетарских движений всего мира. Сегодня, через 53 года после восстания французских рабочих, знамя, политое слезами и кровью лучшей части французского пролетариата, в присутствии конгресса Коминтерна и московского пролетариата передается в наши руки.

Обнажите головы перед памятью павших в 1871 г., перед памятью благороднейших и лучших сынов и дочерей француз-

ского пролетариата, указавших дорогу всему миру. Пусть знает рабочий класс Франции, что русский пролетариат смотрел и смотрит на французских рабочих и парижских коммунаров, как на своих предшественников и учителей.

Ни одному из движений иностранного пролетариата Владимир Ильич не уделял столько внимания, столько любви и изучения, как Парижской Коммуне; ни об одном из движений иностранного пролетариата Владимир Ильич не говорил с такой любовью, как о движении парижских рабочих.

Семя, брошенное парижскими коммунарами, взошло.

Десятки тысяч рабочих и работниц Парижа были расстреляны в зверской расправе белогвардейской буржуазией. Не осталось ни одной рабочей семьи в Париже, которая не принесла бы ту или другую жертву в 1871 г. И тем не менее, французский рабочий класс вскоре вновь оправился, в нем живут великие. героические традиции парижских коммунаров, олицетворяемые сейчас французской коммунистической партией.

Через несколько недель исполняется 60 лет со дня основания I Интернационала, I международного товарищества рабочих, во главе которого стояли Маркс и Энгельс. Парижская Коммуна была высшим пунктом в великой и славной работе I Интернационала. III Интернационал воспринял славные традиции I международного товарищества рабочих: недаром же в уставе Коминтерна говорится, что мы берем на себя продолжение великого дела I Интернационала, а значит, и великого дела Парижской Коммуны.

Не понадобится еще 53 лет для того, чтобы знамя Коммуны победило во всем мире. Для этого понадобится несомненно гораздо более короткий срок, и порукой за это III Коммунистический Интернационал.

Коминтерн, товарищи, знает, что нас ждут еще тяжкие битвы. Сотни, тысячи, десятки тысяч рабочих мира томятся в тюрьмах и в капиталистической каторге, борясь за дело, начатое парижскими коммунарами и продолжаемое III Коммунистическим Интернационалом.

Великий пролетариат СССР клянется перед знаменем Парижской Коммуны, что он отдаст все для победы революции не только в Европе, но и во всем мире.

Свою речь тов. Зиновьев заканчивает следующими словами:

— Память о настоящем собрании не умрет, и *знамя париж-*

ских коммунаров будет храниться среди великих знамен русской революции, как святыня.

Я предлагаю, чтобы это знамя парижских коммунаров хранилось в склепе, где похоронен лучший вождь всего рабочего класса, В. И. Ленин. К знаменам ЦК нашей партии и Коминтерна, которые в настоящее время склонились у могилы Владимира Ильича, пусть прибавится великое знамя парижских коммунаров.

Да здравствует неувядаемая слава Парижской Коммуны!

Да здравствует победа рабочего класса во всем мире!

Предложение тов. Зиновьева относительно помещения знамени у могилы Владимира Ильича встречается возгласами всеобщего одобрения.

ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Дорогие товарищи!

Сегодня, 6 июля, в день праздника Союза Советских Социалистических Республик, в присутствии V конгресса Коминтерна, московская организация Российской коммунистической партии (б) счастлива принять от братской коммунистической партии Франции славное боевое знамя парижских коммунаров 1871 г.

Под знаменами Парижской Коммуны боролись и умирали лучшие представители не только парижского, но и всего международного пролетариата.

Революционеры разных стран: французы, русские, англичане, немцы, поляки, итальянцы и многие др. герои и мученики Коммуны отдали свою жизнь и завоевали своею кровью бессмертие Коммуны.

За свержение капиталистического строя, за установление диктатуры пролетариата—вот за что дрались, как львы, «штурмуя небо», рабочие массы Парижа в 1871 г.

Нам, пролетариям Союза Советских Социалистических Республик, идеи Коммуны и память о ней особенно близки и дороги, как первый опыт пролетарского государства, как прообраз советской власти, как исторический урок революционной борьбы, по-

ложившей прочное начало освобождению человечества от всякой эксплоатации и гнета.

Наши революции 1905—1917 г.г. были прямым продолжением дела Парижской Коммуны. Завершением его, несомненно, будут грядущие пролетарские революции в других странах.

Миллионы рабочих и крестьян нашего Союза, занятые коммунистическим строительством, поднимающие наше советское хозяйство и культурный уровень трудящихся масс,—являются истинными последователями Парижской Коммуны и творят лучший памятник ее борцам.

Товарищи французы—рабочие, работницы, крестьяне, следуйте нашему примеру. Будьте верны заветам Коммуны, свергайте буржуазию, установите власть Советов, власть трудящихся, приближайте мировой Октябрь!

Вместе с нами под знаменем Коминтерна, под знаменем ленинизма, вместе с сотнями миллионов колониальных рабов—отдавайте все силы в борьбе за коммунизм!

Следуя заветам Маркса—Энгельса, Ленина, следуя примеру парижских коммунаров, русские рабочие и крестьяне победили в Октябре.

С их учением под знаменем Коммуны победит мировая социальная революция!

Да здравствует Коминтерн!

Да здравствует французская компартия!

Да здравствует французский рабочий класс!

Да здравствует ленинизм!

Да здравствует коммунизм!

Московский Комитет РКП. (б.).

Москва, Октябрьское (Ходынка) поле.
6 июля 1924 г., 12 часов дня.
(„Правда“, 1924 г. 8 июля № 152.)

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ЕСТЬ ВТОРОЙ ВСЕМИРНО ИСТОРИЧЕСКИЙ ШАГ ИЛИ ЭТАП РАЗВИТИЯ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА. ПЕРВЫМ ШАГОМ БЫЛА ПАРИЖСКАЯ КОММУНА.

ЛЕНИН.

VI

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ О КОММУНЕ

Ф. Меринг.

Карл Маркс и Парижская Коммуна.

Излишне говорить о том, с каким горячим участием Маркс следил за развитием этих событий. 12 апреля он писал Кугельману: «Сколько эластичности, сколько исторической инициативы и готовности к жертвам у этих парижан! После шестимесячного голодания и после разрушений, произведенных гораздо более внутренней изменой, чем внешним врагом, парижане, находясь под угрозой прусских штыков, восстали, как будто не существовало войны между Францией и Германией, и как будто враг не стоял у ворот Парижа! История не знает примеров подобного величия». «Если парижане потерпят поражение, то это будет результатом их «добродушия». Им следовало выступить против версальцев немедленно после того, как войска и реакционная часть Национальной Гвардии очистили поле сражения. Но парижане, из чрезмерной совестливости, не хотели начать гражданскую войну, как будто эта война не была уже начата зловредным выродком Тьером, когда он пытался разоружить Национальную Гвардию. Но, даже потерпев поражение, парижское восстание останется самым славным деянием нашей партии со времени июньской революции». «Стоит только сравнить этих парижан, штурмующих небеса, с рабами небес в германско-прусской священной римской империи, с их запоздалыми маскарадами, пахнущими казармой, церковью, поместным юнкерством, и, прежде всего, филистерством».

Когда Маркс говорил о парижском восстании, как о деле «нашей партии», то это было верно и в общем смысле потому, что парижский рабочий класс был остовом всего движения, и в частности, потому что парижские члены Интернационала принадлежали к самым сознательным и самым храбрым борцам Коммуны, хотя и составляли лишь меньшинство в Совете Коммуны. Но Интернационал был таким пугалом для всех, так как служил у господствующих классов козлом отпущения за все неприятные для них события, что и парижское восстание приписывалось его дьявольскому подстрекательству.

Никто не сознавал лучше Маркса, что Парижская Коммуна не была делом рук Интернационала. Но он считал ее всегда плотью от его плоти и кровью от его крови—конечно, в рамках, поставленных Интернационалу его программой и уставом, согласно которому всякое рабочее движение, стремящееся к освобождению пролетариата, входило в состав Интернационала. К своим тесным партийным товарищам Маркс не мог причислить ни бланкистское большинство Совета Коммуны, ни даже меньшинство, которое хотя и примыкало к Интернационалу, но вращалось, главным образом, в кругу идей Прудона. С членами этого меньшинства Маркс сохранял духовную близость во время Коммуны, поскольку это было возможно при тогдашних обстоятельствах; к сожалению, однако, сохранились лишь очень слабые следы его общения с ними.

На одно не сохранившееся письмо Маркса делегат департамента общественных работ, Лео Франкель, ответил, между прочим, следующее: «Я был бы очень рад, если бы вы пожелали помочь мне советом; я теперь несу один ответственность за все реформы, которые хочу провести в департаменте общественных работ. Что вы сделаете все возможное, чтобы разъяснить всем народам, всем рабочим и в особенности немецким рабочим, что Парижская Коммуна не имеет ничего общего со старой немецкой общиной, видно уже по нескольким строчкам вашего последнего письма. Этим вы окажете, во всяком случае, большую услугу нашему делу». Ответ Маркса на это письмо и совет, который он, может быть, дал, не сохранились.

С другой стороны, потеряно письмо, написанное Марксу Франкелем и Варленом, и сохранился лишь ответ Маркса от 13 мая: «Я беседовал с подателем письма,—пишет Маркс.—Не лучше ли было бы спрятать в безопасном месте столь компрометирующие для версальских каналий бумаги? Подобные меры предосторожности никогда не могут повредить. Мне писали из Бордо, что при последних выборах общинного совета избрано четыре члена Интернационала. В провинции начинается брожение. К сожалению, движение ограничивается пределами одной местности и носит мирный характер. По вашему делу я написал несколько сот писем во все углы и концы света, где у нас имеются связи. Рабочий класс был к тому же с самого начала на стороне Коммуны. Даже английские буржуазные газеты отказались от своего первоначально абсолютно отрицательного отношения. Мне удалось время от времени помещать контрабандой благоприятные для Коммуны

статьи. Коммуна тратит, по-моему, слишком много времени на мелочи и личные счеты. Повидимому, на-ряду с влиянием рабочих есть и другие влияния. Но все это ничего, если бы вам удалось наверстать потерянное время». В заключение Маркс указывал на необходимость действовать без промедления, так как за три дня до того во Франкфурте-на-Майне заключен окончательный мир между Францией и Германией, и Бисмарк заинтересован теперь так же, как и Тьер, в свержении Коммуны, тем более, что с этого момента должна начаться выплата пятимиллиардной контрибуции.

В советах, которые Маркс дает в этом письме, заметна некоторая предусмотрительная сдержанность, и несомненно, что все то, что он писал членам Коммуны, носило такой же характер. Маркс нисколько не боялся брать на себя безусловную ответственность за дела и упущения Коммуны,—немедленно после поражения Коммуны он открыто и обстоятельно заявил о своей ответственности; но он был свободен от всяких диктаторских поползновений и не считал возможным давать предписания издалека относительно того, что легче было учесть на месте среди разыгравшихся событий.

28 мая пали последние защитники Коммуны, и уже два дня спустя Маркс представил генеральному совету адрес «О гражданской войне во Франции». Этот один из самых блестящих документов, вышедших из-под его пера, и доныне превосходит своим блеском всю огромную литературу, которая появилась с того времени о Парижской Коммуне. Маркс снова проявил на очень трудной и сложной проблеме свою поразительную способность ясно выделять историческое зерно вопроса из обманчивой скорлупы, повидимому, неразрешимых сплетений, среди хаоса сотен противоречащих слухов. В области фактов, изложению которых посвящены обе первых, а также четвертая и последняя главы, Маркс сумел верно изобразить подлинные события, и ни одно из его утверждений не было с тех пор опровергнуто.

Конечно, адрес не заключал в себе критическую историю Коммуны, но это и не входило в задачу Маркса. Его целью было осветить ярким светом честь и правоту Коммуны против клеветы и неправды ее противников; адрес был полемической статьей, а не историческим трудом. Все ошибки и грехи Коммуны подвергались с тех пор достаточно часто резкой и даже слишком резкой критике со стороны социалистов. Маркс же ограничивался только одним указанием: «Во всякую революцию проникают, на-ряду с ее истин-

ными представителями, люди другой чеканки. Некоторые из них эпигоны прежних революций, с которыми они срослись; они не отдают себе ясного отчета в текущем движении, хотя пользуются еще большим влиянием на народ, благодаря своему прославленному мужеству и характеру, а иногда только по традиции. Другие же просто крикуны, которые, повторяя в течение ряда лет все те же фразы против существующего правительства, сумели прослыть революционерами чистейшей воды. И после 18 марта выдвинулись такого рода люди и в некоторых случаях играли выдающуюся роль. Поскольку это было в их власти, они тормозили подлинное дело рабочего класса, так же, как мешали полному развитию каждой из предшествовавших революций». Такие люди являются неизбежным злом; от них освобождаются с течением времени, но у Коммуны этого времени не оказалось.

Особенный интерес представляет третья глава, посвященная выяснению исторической сущности Парижской Коммуны. При многообразии тех толкований, которым подвергалась Коммуна, и при разнообразии тех интересов, которые в ней выявились, адрес устанавливал тот факт, что она была насквозь растяжимой политической формой, в то время, как все прежние формы правительства, по своему существу, имели характер насилия. «Подлинная тайна ее заключалась в следующем: Коммуна была, в сущности, правительством рабочего класса, результатом борьбы созидающего класса против класса присваивателей; она являлась найденной, наконец, политической формой, при которой могло осуществиться экономическое освобождение труда».

Адрес заканчивался следующими словами: «Рабочие, Париж с его Коммуной будут вечно прославлять, как провозвестника нового общества. Мученикам Коммуны воздвигнут алтарь в великом сердце рабочего класса. Уничтоживших же Коммуну история уже теперь пригвоздила к позорному столбу, и все молитвы их попов не высвободят их». Адрес Маркса произвел огромное впечатление, как только вышел в свет. «Он чертовски нашумел и я имею честь в настоящее время быть тем человеком в Лондоне, которого больше всего осыпают клеветами и угрозами,—писал Маркс Кугельману.—Это даже приятно после томительной двадцатилетней болотной идиллии. Правительственная газета «Observer» угрожает мне судебным преследованием. Пусть отважатся на это! Я плюю на этих каналий». Как только поднят был шум, Маркс тотчас же заявил, что это он автор адреса.

В последующие годы Марксу пришлось выслушивать и со стороны отдельных социал-демократов порицание за то, что он повредил Интернационалу, взвалив на него совершенно не лежавшую на нем ответственность за Коммуну. Маркс мог, по их словам, защищать Коммуну против несправедливых нападок, но ему следовало при этом открещиваться от ее ошибок и промахов. Такова тактика, свойственная либеральным «государственным мужам», но Маркс не мог следовать ей, именно потому, что он был Маркс. Он никогда не жертвовал будущностью своего дела из-за обманчивой надежды уменьшить таким путем опасность, которая ему грозила в настоящем.

„ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ“ КАРЛА МАРКСА—ЭТОТ ОДИН ИЗ САМЫХ БЛЕСТЯЩИХ ДОКУМЕНТОВ, ВЫШЕДШИХ ИЗ-ПОД ЕГО ПЕРА,—И ДОНЫНЕ ПРЕВОСХОДИТ СВОИМ БЛЕСКОМ ВСЮ ОГРОМНУЮ ЛИТЕРАТУРУ, КОТОРАЯ ПОЯВИЛАСЬ С ТОГО ВРЕМЕНИ О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ.

ФРАНЦ МЕРИНГ.

Карл Маркс

Характеристика Тьера

Тьер, этот карлик-чудовище, в течение более полустолетия очаровывал французскую буржуазию, потому что представлял из себя самое совершенное идейное выражение ее классовой испорченности. Когда он был еще не государственным человеком, а простым историком, он доказал уже свое искусство лжи. История его общественной деятельности есть история бедствий Франции. Будучи до 1830 г. другом республиканцев, он получил при Луи Филиппе министерский портфель в награду за измену своему покровителю Лафитту. К королю он подольстился подстрекательством черни против духовенства,—подстрекательством, которое привело к разграблению церкви С.-Жермен Локсерруа и дворца архиепископа,—и отношениями своими к герцогине Беррийской, которой он служил министром-шпионом и тюремщиком-акушером. Резня республиканцев на улице Транспонэн, последовавшие затем гнусные сентябрьские законы против печати и права сходок были е г о делом. В 1840 г. он выступил на сцену уже министром-президентом и удивил всю Францию своим проектом укрепления Парижа. На обвинения республиканцев, которые считали этот проект заговором против свободы Парижа, он в палате депутатов отвечал:

«Как? Вы находите, что укрепления могут быть опасны свободе? Вы клевещете, допуская, что какое-нибудь правительство решится когда-нибудь бомбардировать Париж, чтобы удержать власть в своих руках... такое правительство стало бы после победы во сто раз невозможнее, чем до нее». Да, никакое правительство не решилось бы бомбардировать Париж с фортов, кроме правительства, сдавшего раньше эти форты пруссакам.

Когда в январе 1848 года король Бомба стал учить повиновению Палермо, Тьер, не бывший уже тогда министром, произнес в палате депутатов такую речь:

«Милостивые государи! Вы знаете, что происходит в Палермо. Вы все содрогаетесь (в парламентском смысле этого слова) от

ужаса при вести, что многолюдный город был в течение 48 часов подвергнут бомбардировке. И кем? Чужеземным неприятелем, пользовавшимся правом войны? Нет, милостивые государи, своим же правительством. И за что? За то, что этот несчастный город требовал своих прав. За требование своих прав он подвергся 48-часовой бомбардировке... Я апеллирую к общественному мнению Европы. Я думаю, что заклеймить с величайшей из трибун словами (да, действительно, словами) негодования такие действия—это будет заслугой пред человечеством».

Через полтора года мы находим Тьера уже в числе рьяных поборников бомбардировки Рима французской армией. Как кажется, только то было ошибкой короля Бомба, что он удовольствовался лишь 48 часами бомбардировки.

За несколько дней перед февральской революцией Тьер почувствовал в воздухе приближение народной бури. То положение, в котором он оказался благодаря Гизо, положение человека, лишенного должности и связанных с ней безгрешных доходов, ему уже надоело. И вот он объявил в палате депутатов своим напыщенным слогом, за который его прозвали «Mirabeau—mouche» (Мирабо—муха): «Я принадлежу к партии революции не только во Франции, но и во всей Европе. Я желал бы, чтобы революционное правительство оставалось в руках умеренных людей... но если бы оно перешло в руки людей горячих, даже в руки радикалов, я бы из-за этого не отказался от моего дела. Я принадлежу и всегда буду принадлежать к партии революции».

Февральская революция разразилась. Вместо того, чтобы поставить на место министерства Гизо министерство Тьера, о чем мечтал этот ничтожный человек, революция заменила Луи Филиппа республикой. В первый день народной победы он весьма старательно прятался, забывая, что от ненависти рабочих спасло бы его их презрение к нему.

Как испытанный храбрец, он избегал общественной арены, пока июньская резня не очистила места для людей такого сорта, как он. Он стал тогда во главе «партии порядка» с ее парламентскою республикою—этим анонимным междуцарствием, во время которого все фракции господствующего класса входили друг с другом в тайные сношения с целью порабощения народа и интриговали друг против друга с целью реставрации монархии,—каждая по своему вкусу.

Тьер тогда, как и теперь, обвинял республиканцев, что они— единственная помеха к установлению республики на прочных основаниях; тогда, как и теперь, он говорил республике, как палач дон-Карлосу: «Я убью тебя для твоего же блага». И теперь, как и тогда, он на другой день после победы воскликнет: «L'Empire est fait» (Империя готова).

Тьер забыл свои лицемерные речи о «необходимых свободах», свою личную ненависть к Луи Бонапарту, который надругался над ним и выкинул за борт парламентаризм (вне искусственной атмосферы парламентаризма этот человек превращается в ничто, и он это хорошо знает),—забыв все это, Тьер принимал участие во всех позорных делах Второй Империи—от занятия Рима французскими войсками до войны с Пруссией; он содействовал этой войне, разжигая страсти своими неистовыми нападками на единство Германии, в котором он видел не маску прусского деспотизма, а покушение на наследственное право Франции на разъединенность Германии.

На словах этот урод всегда выступал во имя традиций Наполеона I. Наполеоновским мечом махал он перед всей Европой. В своих иторических трудах он только и делал, что чистил сапоги Наполеона. На деле его внешняя политика всегда, начиная от лондонской конвенции 1841 г. до капитуляции Парижа 1871 г., приводила к полнейшему унижению Франции и, наконец, довела до гражданской войны, во время которой он с высочайшего соизволения Бисмарка натравил на Париж пленных Седана и Меца.

Несмотря на свои гибкие способности и изменчивость своих стремлений, он во всю свою жизнь был закоренелым рутинером. Нечего и говорить, что более глубокие движения, происходящие в современном обществе, всегда оставались для него непостижимой тайной; его мозг, все силы которого ушли в язык, не мог освоиться даже с самыми простыми изменениями, совершающимися на поверхности общества. Он, например, считал святотатством всякое уклонение от устаревшей французской протекционистской системы. Когда он был министром Луи Филиппа, он насмехался над железными дорогами, как над фантазией больного ума; будучи в оппозиции при Луи Бонапарте, он клеймил, как оскорбление святыни, всякую попытку преобразовать гнилую французскую военную систему.

Ни разу в продолжение всей своей долговременной политической деятельности он не провел ни одной сколько-нибудь практи-

чески полезной меры. Он был верен только своей ненасытной жажде богатства и ненависти к людям, создавшим это богатство. Он был беден, как Иов, когда вступил в первый раз в управление министерством при Луи Филиппе, а оставил он это министер-

„Человек, которому смешно". Тьер.
Шарж Андре Жюля.

ство миллионером. Во время последнего его управления министерством при упомянутом короле (с 1 марта 1840 года) он был публично обвинен в палате депутатов в растрате казенных сумм. В ответ на это обвинение он ограничился тем, что заплакал,—ответ

дешевый, которым легко отделывался и Жюль Фавр и всякий иной крокодил.

В Бордо в 1871 г. первою необходимою в его глазах мерою к спасению Франции от грозившего ей банкротства было назначение себе трехмиллионного годового оклада; это было первым и последним словом той «бережливой республики», идеал которой он выставил в манифесте к своим парижским избирателям в 1869 году.

Один из его собратий по палате 1830 г., сам капиталист,— что, однако, не мешало ему быть преданнейшим членом Парижской Коммуны—Белэ в одной из своих прокламаций говорил недавно Тьеру: «Порабощение труда капиталом было всегда фундаментом вашей политики. С тех пор, как в парижской городской ратуше утвердилась республика труда, вы без устали вопиете Франции: Вот они, преступники!». Мастер мелких государственных плутней, артист в вероломстве и предательстве, набивший руку в банальных подвохах, низких уловках и гнусном коварстве парламентской борьбы партий; всегда готовый произвести революцию, как только слетит с занимаемого места, и затопить ее в крови, как только захватит власть в свои руки; напичканный классовыми предрассудками вместо идей, вместо сердца наделенный тщеславием, такой же грязный в частной жизни, как и в жизни общественной, он даже и теперь, разыгрывая роль французского Суллы, не может удержаться, чтобы не подчеркнуть мерзости своих деяний своей жалкой величавостью.

ПОСЛЕ САМОЙ УЖАСНОЙ ВОЙНЫ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ, ПОБЕДИВШАЯ И ПОБЕЖДЕННАЯ АРМИИ СОЕДИНЯЮТСЯ, ЧТОБЫ ВМЕСТЕ ИЗБИТЬ ПРОЛЕТАРИАТ. ЭТО ДОКАЗЫВАЕТ ПОЛНЕЙШЕЕ РАЗЛОЖЕНИЕ СТАРОГО БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА.

КАРЛ МАРКС.

М. Мебель

Парижская Коммуна в отражении современной ей русской периодической печати

Старый мир извивался от ярости. Новый—сочувственно-чутко прислушивался к событиям, совершающимся на Сене. Отзвуки этих событий докатывались не только до Лондона, Вены, Пешта, но и до России.

На страницах воспоминаний, дневников, они оставили свой след.

«А вот во Франции новая революция», отмечает в своем дневнике, от 8 марта 1871 года, А. Никитенко. «Война и кровавый эпилог ее—Коммуна, разбудили мою политическую мысль. До сих пор я совершенно не думал о политических вопросах... Теперь же предо мной развернулись события мирового значения», рассказывает «В записках семидесятника» Аптекман. Как видим, Коммуна привлекла внимание людей самых разнообразных положений в России. Старый либеральствующий профессор-цензор, завершающий свой жизненный путь, и молодой студент-народник объединились на интересе к парижским событиям.

Интерес к этим событиям настолько значителен, слухи о Коммуне так широко распространены и настолько актуально восприняты, что, по словам сатирической «Искры», одесская купчиха, объясняя причины разразившегося в этом городе еврейского погрома, восклицает: «А, отец родной, у нас здесь просто 'перо'трубации или революция, что ли, ну, вот, как в Париже. Жиды и нигилисты задумали вдруг ввести у нас, в Одессе, какой-то коммунизм, как в Париже, и, представь себе, начали грабить всех» [1]).

Единственным источником сведений о Коммуне в тот период была повременная печать. Русская печать тогда, как и во всяком классовом обществе, отнюдь не передавала свои известия просто, «не мудрствуя лукаво». В целях организации определенного общественного мнения по данному поводу, информационный материал подвергался тщательной обработке. Многое, имевшее место в

---

[1]) „Искра“, 1871 г. № 16.

действительности, скрывалось. Широко применялось извращение, лживое толкование и рассказ о небывалых событиях, так сказать, классовые утки. Ясно, что всем этим всегда пользуется пресса командующих классов, ибо только последним необходимо сокрытие правды, обман.

Такой факт, как впервые осуществленная попытка захвата пролетариатом государственной власти, должен был обнаружить классовую сущность разнороднейших представителей русской печати. И он выявил, поскольку этому не препятствовали цензурные условия. Выявление это мы постараемся проследить. Выписки из давно забытых газет и журналов представляют интерес не только для любителей-антикваров, для специалистов, историков печати, они могут также помочь лучше понять собственные идеалы и принципы русских общественных классов.

У власти в России, после реформы, проведенной, как уступка, промышленному капиталу, оставалось крупное дворянство. Непосредственное управление страной попрежнему оставалось в руках дворянства, феодальная собственность попрежнему оставалась господствующей.

Чуткие к «крамоле», где бы последняя ни проявлялась, дворяне уже в начале 71 года зорко следят за событиями, нараставшими на окраинах Парижа. Жизни Национальной Гвардии, трениям между солдатами и командным составом уделяется особенно много места на страницах помещичьей прессы. Но наивысшее напряжение этому вниманию дали события 18—19 марта.

Подтверждая известие о расстреле генералов Леконта и Клеман-Тома, «Правительственный Вестник» дополняет его следующей перепечаткой из «Journal des Débâts»:

> «День 18 марта будет считаться одним из печальнейших дней нашей истории. Мятеж господствует в Париже. Этот ужасный день причинил республике больше вреда, чем все бонапартистские интриги, и сама Франция, собственными руками раздирающая себя, страдает не меньше ее республиканской конституции».

И в этом же самом номере, в отделе «Заграничные известия», давая общее редакционное обозрение западно-европейским событиям, газета с большим подъемом пишет:

> «Одним словом, кровавое знамя междоусобий развевается над Парижем. Народы взирают с ужасом на это знамя, тре-

пеща за судьбы Франции и не без грустного раздумья, следя за страшными препятствиями, которые в этой поистине несчастной стране, на каждом шагу встречают себе делаемые к спасению ее самые пламенные и великодушные усилия даровитых и доблестных патриотов» [1]).

«Московский Вестник»—этот русский «Times»—в передовой трепетно рассказывает, что в Париже, этом гнезде тления, столько раз нарушавшем исконный покой русских правящих групп, «начала разыгрываться кровавая мистификация»:

«Кончилась война—начинается новое, быть может, еще более тягостное зрелище. Едва отошли германские войска от Парижа, как в этом гнезде тления, в этой гнилой язве Франции начала разыгрываться та кровавая мистификация, которая под именем революции и государственных ударов периодически терзала Францию и, наконец, привела ее к гибели. Бельвильские герои, позорно бежавшие от неприятеля, принялись теперь являть мужество над своими согражданами и довершать бедствия своей несчастной страны. Они завладели остатками пушек» [2]).

Тон, как видим, с самого начала был взят достаточно энергичный, решительный, как и надлежало русским официальным и официозным газетам.

К правительству, низвергнутому парижским населением, начинает проявляться усиленная доброжелательность. Его главу, Тьера, «Правительственный Вестник» называет «Начальником (с большой буквы) исполнительной власти» и т. д., о Коммуне из иностранной печати выбиралось лишь то, что могло набросить на нее тень, отпугнуть от нее русского читателя. Как пример, приводим следующую телеграмму:

«Лондон, 20 марта, понедельник. В газету «Daily Telegraph» сообщают, что национальные гвардейцы по большей части пьяны, их сопровождают женщины. Чернь принуждает проходящих строить баррикады. Лавки с съестными припасами разграблены» [3]).

---

1) „Правительственный Вестник" 1871 г. № 56.
2) „Правит. Вестник" 1871 г. № 62. Заграничные известия.
3) „Московские Ведомости" 1871 г. № 54.

Приходится признать, что помещичья печать оживилась даже в этой борьбе. Особенно заметно это на «Правительственном Вестнике». Сухой и безжизненный вначале, он постепенно, вместо списков назначений и награждений, начинает увеличивать полосы телеграмм, посвященных революционному Парижу.

В корне дискредитировать Коммуну должны были известия о ее социальной политике, которая подвергается очень тщательной обработке. Подбираются такие телеграммы, которые должны были втолковать, что Коммуна борется против всякой собственности, нарушает интересы малоимущего населения, и последнее резко ею недовольно. Русский крупный помещик начинает усиленно интересоваться положением парижских рыночных торговцев и заботливо оповещает в своей газете российского читателя о положении последних в ряде телеграмм:

> «Телеграмма. Сегодня утром Коммуна конфисковала в Центральном рынке все деньги, вырученные от продажи рыбы» [1]).

Вообще, социальные мероприятия правительства 18 марта привлекают особенное внимание нашей печати. Телеграмма «Правительственного Вестника» сообщает о решении Коммуны пустить в ход мастерские, покинутые хозяевами, но «не с помощью тех, которые оставили их, а кооперативными ассоциациями рабочих, занимавшихся в них прежде» [2]).

А «Московские Ведомости» берутся доказать абсурдность вмешательства Коммуны между трудом и капиталом.

Рассказывая, что:

> «Движимая неусыпной заботливостью о спокойствии парижских граждан, Коммуна постановила прекратить все работы по ночам и с тем практическим смыслом, который характеризует все ее распоряжения, строжайше запретила работать по ночам в булочных. Вследствие этого жителям Парижа по утрам пришлось сидеть без хлеба, а булочники, потерявшие значительную часть своего дохода, протестовали 3 мая в газетах через посредство своего комитета взаимного вспоможения».

---

1) „Московские Ведомости" 1871 г. № 64.

2) „Правительственный Вестник" № 82.

Газета иронически добавляет, что газета «Mot d'ordre» получила письмо от одного уличного фонарщика, который от имени своих сотоварищей просит на основании принципов, коими руководствуется комиссия труда и обмена, разрешения прекратить их ночную работу и зажигать уличные фонари не иначе, как днем от 12 до 4 часов [1]).

В ужас приводит ее декрет Коммуны, читая, который, говорит она, «трудно поверить, что он мог быть издан каким-либо правительством». Весь «ужас» декрета заключается в конфискации имущества Тьера [2]).

Российского читателя необходимо было запугать всякими ужасами, творимыми Коммуной. Для этого сообщается, что в Париже аресты на улицах стали обычным явлением. Приводится случай ареста в кафе, с точным указанием фамилии. Тут и выстрелы, и протест толпы, и т. п. Доказывается, что в рядах самой Коммуны не все спокойно, идет разложение, отсутствует всякая дисциплина. Перепечатывается письмо Росселя в Коммуну, в котором он констатирует, что все в армии Коммуны готовы командовать, и где никто не повинуется [3]). Все это должно было убедить читателя, что внутреннее состояние восставших предрешает гибель Коммуны, что дни ее сочтены.

Наконец, наступили последние дни Коммуны. И общее обозрение 107 номера от 6 мая ст. стиля декламирует:

> «По многим признакам, подтверждаемым всеми известиями, доходящими из Парижа, властвование Коммуны приближается там к концу. Смена военачальников и постепенное заключение их одного вслед за другим в тюрьму не поправит положения дел».

Сбылись мечты «Правит. Вестника», и уже в ближайших номерах он имел возможность в ликующих телеграммах рассказать о занятии Парижа. Специальные телеграммы оповещали о продвижении «друзей порядка» на каждую пядь земли:

> «Версаль 9 (21) мая. Воскресенье вечером. Агентство Гаваса сообщает, что сегодня в 4 часа пополудни правительственные войска вступили в Париж в двух пунктах: через

---

1) „Московские Ведомости" № 94.
2) „Московские Ведомости" № 99.
3) „Правит. Вестник" № 105.

ворота Сен-Клу и Пуан-ди-Жура и через ворота Мон-Руж. Инсургенты покинули городские валы» [1]).

А на другой день:

«Сильный артиллерийский и ружейный огонь происходил у баррикады на площади Согласия, еще не покинутой инсургентами. Войска исполнены энтузиазмом, потери их незначительны. Трехцветное знамя водружено на Монмартре» [2]).

«Московские Ведомости» в дни решительных боев около Парижа выпустили даже специальное прибавление. Так, известие о падении Коммуны было сообщено в особом прибавлении к 104 номеру:

«Париж 27 (15) мая, 8 часов вечера. Трехцветное знамя развевается на Вильетте. Пожары, сколько откуда видно, почти погасли. Восстание, которое до последней минуты отчаянно сопротивлялось, почти совсем подавлено».

Это известие, между прочим, дополняется другим:

«По письмам, полученным из Парижа, там господствует полное спокойствие между населением. Работы возобновились, на улицах раздаются радостные возгласы» [3]).

Зато о белом терроре, господствовавшем в Париже, в «Правительственном Вестнике» даже не упоминается. Его это не интересовало, а, может быть, казалось таким неважным...

Выдающееся место в богатой информации печати правящего класса в России о рабочей Парижской Республике занимает клевета всякого рода, измышления по адресу вождей Коммуны. И это не случайно. Мы уже говорили, что классу, охранявшему в то время в России существующий политический строй, приходилось иметь дело не с массовым революционным движением, а с революционной деятельностью отдельных кружков. При таких условиях борьба с руководителями приобретает особенно большое значение в глазах стражей порядка.

Можно было бы заполнить целые страницы той статейной и телеграфной грязью, которой забрасывали коммунаров «Московские Ведомости». Полностью откуда-то перепечатываются приказы о поджогах, сообщается, что Клюзере, во время своей служ-

---

[1]) „Правит. Вестник" № 111 от 11 мая ст. ст.

[2]) „Правит. Вестник" № 112.

[3]) „Московские Ведомости" № 107.

бы, продал 50 казенных одеял, о трусливом поведении Журда во время ареста. В особую рубрику приходится выделить богатый материал, задачей которого было доказать, что вожди 18 марта являются обыкновенными трусами, при первой неудаче пытавшимися спасти только себя. А вот в отрывках рассказ о попытках к бегству Делеклюза, вызвавших его насильственную смерть, помещенных уже после падения Коммуны, под названием: «Сцены из последних дней парижского восстания»:

«Старая гиена (Делеклюз), как его под конец называли даже товарищи его по Коммуне, охвачена была уже несколько дней какой-то лихорадочной деятельностью, которую ничто не могло укротить; он уже не спал более, а только бредил кровью и убийством... И он учащал свои бесчеловеческие приказы, наблюдал за тем, чтобы его сообщники в поджогах были снабжены бомбами и петролем» [1]).

Не отстает и «Правительственный Вестник», который распространяет легенду, что Клюзере и Домбровский подсылали от себя доверенных лиц в Версаль с предложением предать Париж версальскому правительству за огромную сумму, которую сперва, говорят, назначили в 10 миллионов франков, но впоследствии, Домбровский понизил ее до 500.000 франков, рассчитывая, конечно, что приятнее бежать с этими деньгами и доживать век свой спокойно где-нибудь в Америке, чем, оставаясь в Париже, попасть в руки правосудия и понести заслуженную кару [2]).

Таким образом с самого начала орган европейского жандарма, «Правительственный Вестник», берет на себя роль наставника французской буржуазии в деле уничтожения Коммуны. Действия первой кажутся ему медленными, нерешительными, неумелыми, ему непонятна парламентская дипломатия. Версальцы, по его мнению, слишком мягкосердечны, и русское правительство, в лице своего органа, берется его обучать, наставлять на истинный, верный путь борьбы с революцией. Наставления эти настолько любопытны, что мы их приведем целиком:

«Понятно,—пишет он в общем обозрении,—добродушное желание г-на Тьера избегать сильных междоусобных столк-

---

1) „Московские Ведомости" № 114.

2) „Правительственный Вестник" № 119.

новений и щадить кровь сограждан; но, ввиду настоящих грозных событий, оно едва ли удобоисполнимо и менее всего может быть применимо там, где противная партия совсем не одушевлена подобным желанием и постоянно руководствуется правилами прямо противоположными» [1]).

Указывая в начале военных столкновений между Версалем и Парижем, что военные планы первого не дали заметных результатов, «результатов, столь нетерпеливо ожидаемых не только благонадежными французами, но и чужеземными друзьями Франции, всеми друзьями человечества, истины, свободы и порядка», «без сомнения, добавляет газета, этот желанный исход борьбы задержан не столько препятствиями, собственно, военными, сколько политическими соображениями г-на Тьера, постоянные, хотя, может быть, и тщательные усилия которого—избегать по возможности кровопролития и достигнуть окончания междоусобицы путем мирных переговоров—преобладают в советах версальского правительства» [2]).

Объясняя такое поведение начальника исполнительной власти его верностью конституционной теории, вестник русского правительства считает, что, «к сожалению, самые блестящие теории оказываются иногда бесполезными, даже вредными на практике, и опыт дает ежедневные доказательства вреда медлительности действий версальского правительства».

И дальше:

«Нельзя не сознать очевидной опасности нынешней медлительной системы его действий (Тьера), вследствие которой революция 18 марта вначале казавшаяся ничтожной и потому принятая многими очень легко, приняла такие громадные размеры уже в настоящем и может угрожать еще гибельнейшими последствиями в будущем. Если инсургенты будут в состоянии укрепить как следует занимаемые ими форты (они занимают большую и лучшую часть), тогда борьба может продлиться бог знает на какое неопределенное время, и анархия, ныне держащая в трепете Париж, достигнет бог знает каких ужасающих размеров» [3]).

---

[1]) „Правит. Вестник“ № 66.

[2]) „Правительственный Вестник“ № 83.

[3]) Там же.

Уроки преподавались с настойчивостью прямо изумительною. Настойчивость эта была продиктована не только социальной ненавистью к Коммуне, не только боязнью ее «развращающего» влияния, но и причиной шкурно-материального характера. Дело в том, что существование Коммуны отразилось на существовании русского денежного и хлебного рынка. Низвержение господства парижской буржуазии дало себя знать и на петербургской бирже.

СТАРЫЙ МИР СКОРЧИЛО ОТ БЕШЕНСТВА, КОГДА ОН УВИДЕЛ КРАСНОЕ ЗНАМЯ НАД ГОРОДСКОЮ РАТУШЕЮ,— СИМВОЛ РЕСПУБЛИКИ ТРУДА, ЭТО БЫЛА ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, В КОТОРОЙ РАБОЧИЙ КЛАСС БЫЛ ОТКРЫТО ПРИЗНАН ЕДИНСТВЕННЫМ КЛАССОМ, СПОСОБНЫМ ЕЩЕ К ОБЩЕСТВЕННОЙ ИНИЦИАТИВЕ.

КАРЛ МАРКС.

Русские рабочие 70-х г.г. и Парижская Коммуна

(Годовщина 18 марта.)

18 марта, в день провозглашения Парижской Коммуны, местные социалисты собрались на вечернюю сходку, чтобы отпраздновать достойным образом столь памятный для социалистов всего мира день. Сходка была очень оживленная и многолюдная; состояла она наполовину из интеллигенции и наполовину из рабочих. Было произнесено несколько речей.

Первым говорил один рабочий, выразивший свое удовольствие по поводу многочисленности собрания.

— Как-то чувствуешь себя бодрее,—сказал он,—когда видишь, что ты не один, что есть много людей, сочувствующих твоему делу.

Затем говорили представители интеллигенции. Прежде всего одним оратором был сделан краткий исторический очерк революции 1871 года, указано на обстоятельства, при которых она разыгралась, на причины ее падения и значение в истории.

— Парижская Коммуна,—сказал он, между прочим,—представляет первое революционное движение, где народ выступил самостоятельно и с полным сознанием, чтобы свергнуть гнетущий его порядок.

Затем он указал на тот толчок, который Коммуна дала развитию Интернационала и тем косвенно содействовала социально-революционному движению в России, на которое Интернационал имел значительное влияние.

Следующий оратор заметил, что значение Парижской Коммуны состоит в том, что рабочие держали в своих руках в продолжение целых двух месяцев такой мировой город, как Париж; что они держали его, несмотря на страшную, строго дисциплинированную армию и крупповские пушки, с которыми им, не привыкшим и ненавидящим всякую дисциплину, пришлось бороться;

что они, по взятии Парижа, еще целую неделю отчаянно сражались на улицах города, отстаивая до последней капли крови каждую улицу, каждый квартал, каждый дом. Кроме того, он указал на тот отличительный признак революции 1871 года, что в ней значительное участие принимали женщины, сотни которых легли на баррикадах Парижа...

Затем один оратор произнес приблизительно следующее:

«Когда французское правительство подавило Коммуну, оно осыпало всех борцов ее самыми возмутительными клеветами. Оно старалось затоптать их в грязь, называло их ворами, разбойниками, поджигателями; женщин, участвовавших в движении, клеймило огулом и без зазрения совести именем публичных женщин. Оно обратилось даже с циркулярной нотой к иностранным правительствам, ходатайствуя о выдаче ему бежавших от расстрела коммунаров, так как они, мол, не политические преступники (которые выдаче не подлежат), а обыкновенные уголовные преступники: воры, разбойники, убийцы и т. п.

Тогда крик негодования против такого гнусного цинизма раздался отовсюду, и из всех стран посыпались сочувственные адреса французским рабочим, боровшимся за все человечество. И с тех пор такие адреса ежегодно шлются французским рабочим.

Одни только русские рабочие до сих пор ничем не выражали им открыто своего сочувствия. Собравшись здесь праздновать день провозглашения Парижской Коммуны, мы этим не только выражаем свое сочувствие тому делу, за которое пали ее борцы, но вместе с тем шлем свой горячий протест против грязной клеветы, которой осыпала их европейская буржуазия. Поэтому,—закончил оратор,—предлагаю вам, господа, послать французским рабочим следующий адрес». (При этом он прочел адрес, который при сем прилагается, и который вы (редактор «Общины» *А. Г.*) потрудитесь напечатать в вашем журнале и, кроме того, передать в редакцию французского «Travailleur'a»: таково желание всех присутствующих).

Адрес этот был принят единогласно. После этого обменялись еще несколькими речами, было произнесено несколько тостов, и затем, за полночь, собрание разошлось, оставивши у всех самое отрадное впечатление.

(„Община" 1878 г № 3 - 4, стр 30.)

АДРЕС РУССКИХ РАБОЧИХ ФРАНЦУЗСКИМ.

Одесские рабочие, собравшись на сходку в достопамятный день провозглашения Парижской Коммуны, шлют вам, французские рабочие, свой пламенный, братский привет.

Мы работаем на своей родине для той же великой цели, для достижения которой погибло в 1871 году на баррикадах Парижа столько ваших братьев, сестер, отцов, сыновей, дочерей и друзей.

Мы трепетно ждем наступления той исторической минуты, когда и мы сможем ринуться в бой за права трудящихся против эксплоататоров, за торжество умственной, нравственной и экономической свободы.

А пока у нас идет глухая неравная борьба, в которой гибнут медленной, мучительной смертью в тюрьмах и на каторге наши лучшие люди, эти мужественные застрельщики святого дела народного освобождения...

Вы правы были, когда в 1871 году вы говорили, что сражаетесь за все человечество: да, интересы всех народов так тесно связаны между собою, что торжество народа в одной стране немедленно повлечет за собою торжество народа во всем мире...

Французские рабочие! Когда наступит время и вы снова поднимете красное знамя социальной революции, то пусть одушевляет вас то же самое геройское мужество и горячая любовь к человечеству, какие одушевляли борцов 1871 года; но пусть для блага всего человечества победа увенчает на этот раз ваши многолетние труды.

Одесса 18 марта 1878 г.

(„Община“ 1878 г. № 3—4, стр. 4—5)

ПАРИЖ РАБОЧИХ СО СВОЕЙ КОММУНОЙ ВСЕГДА БУДЕТ ЧЕСТВУЕМ, КАК СЛАВНЫЙ ПРЕДВЕСТНИК НОВОГО ОБЩЕСТВА. ЕГО МУЧЕНИКИ ВОЗДВИГЛИ СЕБЕ ПАМЯТНИК В ВЕЛИКОМ СЕРДЦЕ РАБОЧЕГО КЛАССА. ЕГО ПАЛАЧЕЙ ИСТОРИЯ УЖЕ ПРИГВОЗДИЛА К ТОМУ ПОЗОРНОМУ СТОЛБУ, ОТ КОТОРОГО НИКТО НЕ В СИЛАХ БУДЕТ ИХ ОТОРВАТЬ.

КАРЛ МАРКС.

В ЗОЛОТОЙ КНИГЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГЕРОЕВ, В МАРТИРОЛОГЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ МУЧЕНИКОВ ПАРИЖСКАЯ КОММУНА ЗАНИМАЕТ ОДНУ ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ СТРАНИЦ.

П. Л. ЛАВРОВ.

Александр Гамбаров

Парижская Коммуна и художественная литература

Отражение Парижской Коммуны в художественной литературе является красноречивым показателем, что всякое искусство, а в том числе и изящная литература—безразлично, к каким бы эпохам или группировкам она не относилась, всегда заключает в себе черты резко выраженной классовой идеологии и служит орудием тому классу, из которого вышла и для которого производит продукты своего художественного творчества.

Если в области истории Парижской Коммуны среди довольно обширной литературы о ней можно найти всего лишь 3—4 исследования, определяющих классовую сущность пролетарской революции 1871 года,—то в области художественного отображения вряд ли можно найти хоть одно произведение во всей мировой литературе, в котором Парижская Коммуна получила бы художественное оформление своей классовой сущности.

А между тем, Парижская Коммуна, развернувшаяся во второй половине XIX столетия, совпала, казалось, с самым блестящим расцветом всех европейских литератур и в частности—французской. Такие крупные имена, как Виктор Гюго, Эмиль Золя, Дюма-сын, Теофиль Готье, братья Гонкур, Альфонс Додэ, Абу, Сарду, Клярети, Верлен, Бурже и многие другие,—все они являлись современниками Парижской Коммуны. Тем не менее, в творчестве их нельзя найти ни одного произведения, в котором пролетарская революция 1871 года нашла хотя бы частичное отображение. Все эти писатели или совсем не касались такого крупного общественно-исторического события, или, если и касались, то давали его в страшно извращенном виде, представляя Коммуну в виде скопища воров и разбойников. В лучшем же случае наиболее либеральные из них, умалчивая о классовом характере Коммуны, ограничивались коротенькими художественными штришками, в которых они сетовали на перешедшие всякие границы зверства версальских палачей в дни Кровавой недели.

Причины такого вопиющего непонимания характера Парижской Коммуны довольно очевидны, если принять во внимание классовую позицию самих же писателей. Парижская Коммуна явилась первой серьезной попыткой пролетарской революции, которая установила резкую грань между классом эксплоатируемых и классом эксплоататоров. Вскрывая непримиримую ненависть между пролетариатом и буржуазией, Коммуна пыталась разрушить весь буржуазно-капиталистический строй, адептами которого являлись почти все признанные писатели Франции.

Еще задолго до падения Коммуны писательская Франция определила свое отношение к парижским коммунарам, «штурмовавшим небо», а вместе с ним и их собственное благополучие. Обрушиваясь потоком самой гнусной клеветы и грязи на парижских рабочих, писательская Франция заодно с буржуазией мстила восставшему Парижу.

Но особенной силы эта клевета, граничащая с чисто-животным озлоблением, достигла после падения Коммуны. Лишь только дрогнули парижские стены, и версальские полчища устремились в открывшуюся брешь, как сейчас же победители-буржуа через свою верную писательскую клику наперебой принялись морально добивать продолжавшую еще дымиться на своих развалинах Коммуну.

Уже Коммуна была побеждена, уже закончились ссылки и казни, уже из 100.000 населения, поднявшегося на защиту Коммуны, в Париже не осталось ни одного человека,—казалось, теперь не оставалось никакой опасности,—между тем, услужливые перья буржуазных писак всяких рангов и положений заработали во-всю, наперебой стараясь оклеветать, исказить и оплевать подлинную сущность героической Коммуны. Целые тысячи печатных листов, целые сотни брошюрок бульварной ценности беспрерывно выбрасывались на литературный рынок. Делалось это с единственной целью: поверженную и залитую кровью Коммуну нужно было морально добить, нужно было отнять у истории ореол героических усилий парижских рабочих, нужно было дискредитировать Коммуну в глазах грядущих поколений.

Можно определенно сказать, что первые годы после падения Коммуны были сплошным наводнением литературной макулатуры, изливающей целыми ушатами помои на тех, кто кровью своей запечатлел истоки пролетарской революции, кто впервые поднял знамя классовой борьбы.

Мертвым было безразлично, что делала победившая буржуазия на их костях. Выкупавшаяся в пролетарской крови, буржуазия сама поняла, что слишком далеко зашла в своих зверствах. Ей необходимо было оправдаться перед историей и европейским «общественным мнением» в своих зверствах, и поэтому она спешила литературными излияниями доказать белизну своих окровавленных рук, свалив всю вину Кровавой недели на запрятанных под камни мостовых парижских коммунаров.

Здесь не приходится останавливаться на исторических произведениях, достаточно указать на четырехтомный труд Максима Дю-Кана — «Судороги Парижа» или на «Историю революции 1870—71 г.г.» Кляретн, в которых почтенные авторы всеми силами своей изощренности стараются очернить движение и изобразить Коммуну, как сборище преступников и всякого рода общественных отбросов, способных лишь на зверства, грабежи и поджоги.

Но если маститые «академики», как Дю-Кан, еще пытались прикрыться лицемерием своей научной объективности, то «литературная сволочь высшего и низшего ранга,—по выражению Лиссагарэ,—ни с чем не считалась». Коммуна стала для нее богатой золотоносной жилой, которую она в интересах своей наживы красочно использовала своим пером.

«Не было ни одного пария литературы,—говорит Лиссагарэ,—который не стряпал бы брошюру, книгу, историю; ни одного самого ничтожного заложника, который не излил бы своих жалоб. Появились груды «Сожженных Парижей», «Парижей в пламени», «Красных книг», «Черных книг», «Мемуаров заложников», «Красных карнавалов», «Историй 18 марта», «Коммун», «Восьми дней» и т. п.».

Романтики каторги—Пьеры Закконы, Монтепены—выпускали иллюстрированными выпусками «Тайны Интернационала», издатели требовали только сочинений о Коммуне; спрос был так велик, что даже бельгийцы взялись за перья. Эти смелые писания часто щекотали буржуазные мозги. Для деликатных душ деликатный Дюма-сын изучал «зоологию этих революционеров», самки которых походили только после своей смерти на женщин.

Поэты Поль де-Сен-Виктор, Теофил Готье, Альфонс Додэ, писатели более или менее знаменитые—Абу, Сарду, Кларети, Мендес, Эрнест Додэ и другие отшлифовывали сочные эпитеты для описания этих «варваров», трупы которых так сильно воняли. Для глубокомысленных людей «Revue des Deux Mondes» господа Прессансье, Боссир, Лавелле рассказывали философские истории.

Все они с презрением относились к народу; невежды в эволюции современной эпохи, они бессильны были уловить ряд причин, вызвавших движение 18 марта.

Но если со стороны мелких писателей, всплывавших на поверхности парижских бульваров и, следовательно, удовлетворявших вкусы буржуазного полусвета, подобная озлобленность являлась продуктом легкой литературной наживы и минутной славы сенсационного писаки, то для писателей, вполне сложившихся, завоевавших себе известный авторитет и европейское имя, такое непонимание революционных событий, при крайне озлобленности французской буржуазии, является уже следствием их классово-буржуазной идеологии.

В настоящем очерке приходится остановиться только на наиболее крупных именах французской литературы, которые так или иначе пытались определить себя, как «беспристрастно» спокойных мыслителей или художников пера, касавшихся преимущественно социальных тем тогдашнего общества.

Так, под влиянием Парижской Коммуны произошел значительный сдвиг в умонастроении знаменитого историка литературы Ипполита Тэна. Под влиянием событий Парижской Коммуны мирный вольнодумец Тэн постепенно начинает превращаться в «воинствующего консерватора», которому за его выступление против Коммуны клерикалы простили многие из его прежних грехов. События Коммуны настолько взволновали Тэна, что он даже отвлекся от своих излюбленных психологических тем. Вообще, под влиянием событий 1870—71 г.г. Тэна начинает пугать и приводить в отчаяние весь рабочий класс.

20 марта 1871 г. он пишет: «Мое сердце умерло в моей груди». Удалившись сначала в Тур, а потом в Орсэ, как версальский эмигрант, в апреле и мае 1871 г. Тэн информируется о Коммуне только лишь при посредстве реакционных газет. И немудрено, что у такого, казалось, вольнодумца в письме к своей матери от 30 апреля 1871 г. вырывается довольно характерное признание по адресу восставших коммунаров: «Их вожди—фанатики, иностранцы, космополиты, мошенники, которые идут на любой риск ради учения всеобщей жакерии».

Но если для Тэна Коммуна явилась неприятным фактом «всеобщей жакерии», то для другого мыслителя Франции—Эрнеста Ренана—она являлась вопиющим преступлением против всего существующего общественного строя. Еще Артур Арну в своей

«Народной истории Парижской Коммуны» возмущался неслыханным поведением Ренана во время осады Парижа пруссаками. Во время осады Ренан, вместе со своими друзьями, в числе которых находились: поэт Теофил Готье, романтик Де-Гонкур, критик Поль де-Сен-Виктор и еще с десяток пропойц, предавались неудержимому пьянству в кабачке Бребана в то время, когда над Парижем рвались гранаты и люди умирали от голодной смерти целыми сотнями. «Их было четырнадцать «друзей Бребана». Два раза в месяц они в условленный час сходились на свидание и забавлялись, проталкиваясь плечами и локтями между длинными рядами бедных женщин, запоздавших на перекрестке перед булочной или мясной лавкой. В час, когда гранаты наводняли левый берег, эти господа в полной безопасности на правом берегу заказывали шампанское; пробки летели в потолок, начиналась веселая бомбардировка, смешивавшаяся со взрывами смеха и злыми шутками, заставлявшими их помирать от удовольствия». В память своих кутежей в осажденном и голодном городе Ренан и его друзья отчеканили на монетном дворе из чистого золота медаль в 300 франков в честь содержателя ресторана, Бребана.

Подобное поведение философа на фоне народных бедствий достаточно красноречиво для религиозного мыслителя, каким являлся Ренан.

После революции 18 марта, вместе с правительством Тьера, Ренан бежал в Версаль. Здесь, в Версале, в мае 1871 г., когда Коммуна переживала свои последние дни, Ренан заканчивал свои знаменитые «Философские диалоги» («Dialogues Philosophiques»), в которых он достаточно красноречиво развил концепцию своеобразной научной олигархии, устанавливавшей над миром необходимость господства буржуазии, как единственной носительницы научных и культурных знаний. Нет никакого сомнения, что все философские измышления буржуазной доктрины продиктованы были Ренану фактом Парижского восстания и его органическим отвращением к демократии.

Переходя теперь к другому, самому крупному писателю Франции, Виктору Гюго, приходится отметить, что в нем позиция либеральной буржуазии нашла самое широкое воплощение. Как сторонник продолжения войны с пруссаками, Виктор Гюго был избран в Бордосское Национальное Собрание. Когда же партия мира, главным вдохновителем которой являлся Тьер, окончательно победила, Гюго не оставалось ничего, как сложить с себя полно-

мочия депутата Национального Собрания. Но вместо того, чтобы возвратиться в Париж и присоединиться к Коммуне, как это сделали интернационалист Малон, прудонист Ланглуа и якобинцы Делеклюз и Феликс Пиа,—он покинул пролетарскую столицу и переехал в Бельгию.

Довольствуясь неправильной и заведомо лживой информацией о Коммуне, Гюго посвятил ей несколько поэтических произведений, отражавших переживания внешней и внутренней войны, а также финальной части Парижской Коммуны—Кровавой недели. Его «Ужасный год» («L'année terrible») является единственным произведением о Парижской Коммуне, заслуживающим внимания.

Как поэта, романтика-гуманиста, представителя либеральной буржуазии, позиция Виктора Гюго весьма любопытна. Не стараясь вскрыть классовой сущности событий Парижской Коммуны, Виктор Гюго пытается занять какое-то «серединное», «внеклассовое» положение, что, при всем его желании, все же не удалось ему. Не становясь ни на ту, ни на другую сторону, а лишь лавируя между теми и другими, Виктор Гюго со свойственной ему моральной гуманностью пытается примирить обе враждующие стороны. В примирителях у Парижской Коммуны недостатка не было,—все они являлись, как показал опыт Коммуны, представителями либеральной буржуазии или масонских лож. Действительность обнаружила лицемерие всех этих соглашательских попыток еще задолго до кровавой развязки, вскрывая полное политическое убожество и непонимание исторического хода событий. В такое же нелепое положение попал и Виктор Гюго.

Не принимая ничьей стороны — ни стороны палачей, ни стороны коммунаров, Виктор Гюго пытается присоединиться к «широкому общественному мнению», забывая, что это «широкое общественное мнение» как раз и осудило Коммуну.

В своем стихотворении «Крик» («Vu cri»), Гюго жалуется, что в гражданской войне в одно и то же время Франция находится на одной стороне и та же Франция стоит на другой. Гюго совершенно непонятно классовое строение общества с его непримиримым антагонизмом между пролетариатом и буржуазией. «Остановитесь, за вашими победами следует траур!»,—наивно восклицает он. Понятно, что Гюго одинаково призывает осуждение на голову всех, кто, по его мнению, несет гражданскую войну—все равно, будет ли то жертва или палач. Одинаково осуждая и тех

и других, он так же одинаково жалеет их—«tous martyrs et bourreaux, je les plains».

В стихотворении «Два трофея» («Les deux trophées»), Гюго спрашивает: «Чьей же победой является Париж — одна власть его терзает, другая сокрушает. Так в Сахаре борятся два урагана. Весь вопрос — кто поразит, кто разрушит, но оба эти хаоса неправы, — я же осуждаю как гремящее небо, так и дрожащую землю». Поэтому вполне понятно, что Гюго отнесся с страшным негодованием к постановлению Коммуны разрушить Вандомскую колонну. Горячий патриот не усмотрел в факте разрушения этой колонны интернационального характера Коммуны и ее антимилитаризма, конкретно обрушившегося на мирозой империализм не в словесно-гуманных образах, как это делал поэт, а в непосредственном свержении символа всякой войны. В этом отношении патриот-Гюго и интернационалисты-коммунары, — это две непримиримые стороны тогдашней Франции.

Единственно, в чем заключается заслуга Виктора Гюго перед памятью парижских коммунаров, — это его горячее осуждение версальских палачей в майскую неделю, которым он заклеймил их в целом ряде своих стихотворений. Эти стихотворения следующие: «Поджигательница» («La prisonnière passe»), «Рассказ подсудимой» («Une femme m'a dit ceci»), «На баррикаде» («Sur une barricade»), «За кем вина?» («A qui la faute?»), «Расстрелянные» («Les fusillés»), «Наши покойники» («Nos morts») и т. п., в которых есть довольно много прочувствованных мест по адресу коммунаров, но коммунаров не как творцов нового общественного строя, а как несчастных жертв версальских зверств.

В тех же произведениях, в которых Гюго пытается вникнуть в социальные корни происходящих событий, он не подымается выше своего гуманитарного отношения к людям вообще, сваливая причины социальных противоречий на «материальную нужду», на «общество», на «прошлое», на «невежество»:

„Иль, быть может, жестокий совет
Был ей подан нуждой безысходной“?

(„Поджигательница“).

говорит он про девушку-коммунарку, которая виновна только в том, что ее ведут на казнь.

Только в одном стихотворении своем Виктор Гюго как будто поднялся до уровня истинного понимания назревающих исто-

рических событий,—это в произведении «Во мраке» («Dans l'ombre»), где «старый мир» («Le vieux monde») стоит перед грозным наводнением и уговаривает надвигающуюся волну отклониться назад, сохранить, не тронув, не сокрушив своим набегом ярым

„Законов старины и предрассудков старых,
Безумья нищеты и тяжкого ярма,
Ничтожества давно уснувшего ума,
Где стихли навсегда желанья с их тревогой;
Цепей, наложенных на женщину, не трогай,
Оставь великий пир, где нищим места нет,
И пусть преданья боготворит весь свет,
Не трогай их и стой: они для нас святыни,
Те сильные громадные твердыни,
Вкруг человечества которые воздвиг..."

Но вместо этой пламенной просьбы Волна отвечает:

„Ты думаешь—я прилив,
А я—Потоп Всемирный..."

Только в этом произведении и можно до некоторой степени усмотреть, что в событиях Парижской Коммуны Виктор Гюго увидел не просто «безумную вспышку», а грядущий Всемирный Потоп, который должен будет поглотить старый буржуазный мир. Но как?—через грядущую социальную революцию или просто—через разрушение вся и всего,—об этом Виктор Гюго ни словом нигде не обмолвился.

Таким образом даже величайшему писателю XIX столетия, как Виктор Гюго, не удалось подняться до уровня исторического понимания событий. Лишь одно обстоятельство выделяет Виктора Гюго над уровнем всех буржуазных писателей Франции, — это то, что своего голоса он не присоединил к общему хору хулителей и ненавистников парижского пролетариата. А если принять во внимание, что в своих произведениях он нашел мужество осудить зверства Тьера и Галифе, за что и поплатился продолжительным изгнанием из Франции, то можно сказать, что в лице Виктора Гюго французская литература дала единственного писателя, который художественно отобразил частицу истории Парижской Коммуны.

Но одно дело поэтически осуждать неслыханные зверства и жестокость версальских палачей, а другое — быть сторонником и поэтом восставшего пролетариата.

Совершенно не ту позицию занял другой, не менее знамени-

тый бытописатель Второй Империи, Эмиль Золя. Если Виктор Гюго не был в Париже во дни Коммуны, то Эмиль Золя, наоборот, был прямым свидетелем последних дней Парижской Коммуны. Живя в атмосфере напряженного героизма, получая информации непосредственно от самой жизни, Золя в событиях Коммуны не усмотрел ничего героического и видел в ней лишь то, что могли видеть и версальцы.

В своем романе «Разгром» он дает беглую картину гибели Второй Империи, франко-прусской войны, седанского разгрома, касаясь лишь вскользь революции 18 марта и баррикадных битв коммунаров. Устами своего излюбленного героя, крестьянина Жана, сражавшегося в рядах версальской армии, он дает оценку парижским событиям. Золя, как и Жана, Парижская Коммуна «оскорбляет своим неуважением к собственности». Пытается Золя вывесть и представителя Коммуны, но его Моррис, интеллигент, расслабленный неврастеник, человек неуравновешенный,—все более и более разочаровывается в Коммуне и в ее руководителях и в конце концов отходит от пролетарского движения. Все симпатии Золя на стороне крестьянина Жана, той «деревенщины», которая послала Тьера в Версальское Собрание. Жан для Золя—«основа всей Франции», ее будущее, и только в Жане видит он призванного возродителя страны, опустошенной войною и коммунарами.

Покидая Париж, горящий, как кратер вулкана, Жан уходит в деревню, к мещанскому счастью мелкого собственника, «навстречу великому и трудному делу—пересоздать Францию»,—глубокомысленно заканчивает Золя свой роман «Разгром».

Таким образом автор «Труда», требовавший «для несчастных света, воздуха и просвещения», усмотрел в этих «несчастных» парижских рабочих в минуту, когда они сами решили завоевать себе и свет, и воздух, и просвещение, одних лишь «поджигателей», «керосинщиц» и тому подобный сброд.

До тех пор, пока парижские рабочие, ютившиеся где-то по предместьям Бельвиля, Монмартра и Сен-Жермена, являлись молчаливыми рабами самой жестокой эксплоатации,—до тех пор для Золя они могли еще служить объектом сентиментально-романтического отображения. Но коль скоро эти самые рабочие, доведенные до отчаяния произволом капиталистической эксплоатации, восстали против существующего политического строя, в глазах Эмиля Золя они немедленно превратились в простых разбой-

ников, воров и поджигателей. Таким образом Парижская Коммуна помогла лишний раз вскрыть лицемерие такого буржуазного писателя, как Э. Золя.

Останавливаясь на других писателях французской литературы, так или иначе касавшихся событий Парижской Коммуны, приходится отметить, что большинство из них оказались чуждыми и даже враждебными первой пролетарской революции. Насколько широко освещена в литературе Великая Французская Революция, революция буржуазная по преимуществу, настолько пролетарская революция 1871 г. оказалась одинокой среди французского литературного Парнаса.

Только у некоторых молодых писателей тогдашней Франции можно найти незначительные строки, сочувственно посвященные Коммуне, но не больше: в них нет широкого обхвата исторических событий, а даны лишь отдельные картинки, как бы штришки парижских дней 1871 года.

К числу таких произведений принадлежат «Майские воспоминания» Люсьена Декава, из которых рассказ «Фленго» занимает более видное место. Фленго—это мальчик, сын жандарма, который, попав в детский приют и подвергаясь там жестоким нападкам со стороны своих сверстников, как бы мстя своему происхождению, уходит на баррикады и умирает под пулями версальских палачей.

В рассказе Поля Гези «Благотворительность» дана красочная старуха времен Парижской Коммуны, которая, лишившись отца, мужа, сына и внука в революционных схватках пролетариата в 1789, 1830, 1848 и в 1871 г.г. отказывается от всякой помощи со стороны буржуазных дам-благотворительниц и умирает с голоду.

В рассказе Леона Кладеля «Мститель», обрисована маленькая картинка последних защитников-коммунаров на кладбище Пер-Лашез, где под версальскими пулями, перед лицом самой смерти коммунары совершают боевое крещение новорожденного младенца, давая ему имя «Мстителя», как прообраз грядущей классовой ненависти.

Из ряда поэтов можно отметить только лишь Франсуа Коппе и Эжень Потье, автора слов современного пролетарского гимна— Интернационала.

К числу поэтических произведений, посвященных Парижской Коммуне, нужно отнести и неудачное произведение Жюля Вал-

леса—«Инсургент». Автор произведения, Жюль Валлес, будучи сам активным членом Коммуны, еле избежавший смерти, все же не возвысился до уровня певца Парижской Коммуны. Его «Инсургент»—это скорее дневник, в котором под вымышленной фамилией он изобразил самого себя. Герой произведения хоть и принимает участие в событиях Коммуны, но не всегда сочувственно относится к ней.

Совершенно особое место занимает появившийся в 1904 г. сенсационный роман братьев Поля и Виктора Маргерит—«Коммуна». Изучив обстоятельно исторический материал Парижской Коммуны, оба эти либерально мыслящие «братья-писатели», «радикалы-соглашатели», усмотрели в движении Коммуны лишь провокацию версальцев и в частности Тьера. Далекие от классового понимания разыгравшихся событий, они приложили не мало труда, чтобы совершенно исказить историю Коммуны, представив ее в крайне непривлекательном виде.

Не посчастливилось Парижской Коммуне и среди других европейских литератур. Ни на английском, ни на немецком, ни на русском языках нет ни одного художественного произведения сколько-нибудь заслуживающего внимания. Такие произведения, как «Парижане» лорда Бульвера, далеко оставляют позади себя самые злостные выпады французских писателей. Есть кое-какие отдельные замечания о Парижской Коммуне и у наших русских писателей—Тургенева и Боборыкина, но и они не отличаются сочувственным отношением и носят по большей части мемуарный характер.

Что же касается современной нам литературы, уже послеоктябрьского периода, то тут только можно найти классовую точку зрения у пролетарских писателей. По большей части—это отдельные стихотворения, систематически появляющиеся ко дню годовщины Парижской Коммуны. Большие беллетристические полотна совершенно отсутствуют, нет ни одного даже рассказа о Парижской Коммуне.

Зато можно сказать повезло Парижской Коммуне на счет драматических произведений, которых за последние годы появилось довольно много. Но все эти «Последние дни Парижской Коммуны»—Львова, «Провозглашение Коммуны»—Бляхина, «Памяти коммунаров»—Славянова, «На баррикадах»—Белоусова,—такая дешевая стряпня, о которой не приходится даже говорить. Из этих произведений чуть-чуть только выделяется «Великий год»—Брон-

никовского, пьеса, написанная в стихах, но и она, при всем желании автора вникнуть в классовую сущность Парижской Коммуны, не дает ничего положительно.

Таким образом Парижская Коммуна, как заря пролетарской революции с ее классовой сущностью, пока не нашла своего художника, своего «Шекспира», между тем, как она представляет одно из самых героических усилий пролетарских борений, богатых своим драматическим содержанием, широтой своего размаха и тем трагическим пафосом, который так хорошо поддается художественной обработке.

VII

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Эжен Потье [1])

Интернационал

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разроем
До основанья,—а затем—
Мы наш, мы новый мир построим:—
Кто был ничем, тот станет всем!
    Это будет последний
    И решительный бой.
    С Интернационалом
    Воспрянет род людской!
Никто не даст нам избавленья—
Ни бог, ни царь и ни герой!
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро,—
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо!
    Это будет последний
    И решительный бой.
    С Интернационалом
    Воспрянет род людской!

---

1) В июне месяце 1871 года, в Париже, в то время, когда еще свирепствовал белый террор версальской армии и остатки коммунаров продолжали еще скрываться, одним из них, старым интернационалистом и бывшим коммунаром, Эжен Потье,— была написана песня борьбы и победы, посвященная коммунару Лефрансе, которой суждено было стать международным гимном восставшего пролетариата. Это

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии Труда,
Владеть землей имеем право,
Но паразиты—никогда!
И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,—
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей...
Это будет последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской! [1]).

был наш „Интернационал", музыку для которого написал лилльский социалист Дегейтер. Таким образом „Интернационал" кровными узами связан с историей Парижской Коммуны.

[1]) Русский перевод неполон. Во французском оригинале не три, а шесть строф.

В. Кириллов

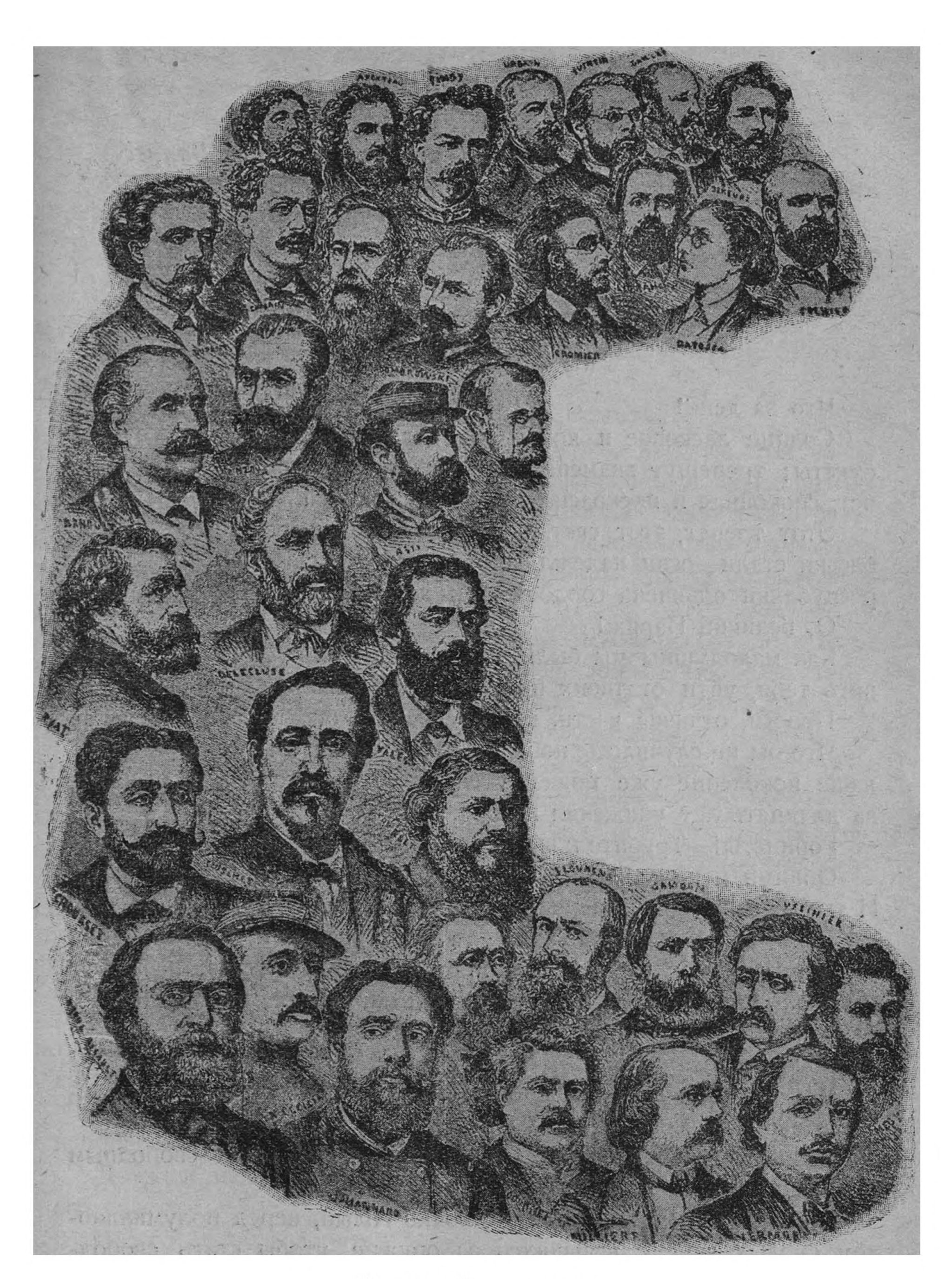
Памяти Карла Маркса

Пророк грядущих радостных веков,
Крылатой мысли пламенный титан,
Ты бросил в мир мятежно-страстный зов:—
Восстаньте, угнетенные всех стран!
Чудовищу, чье имя—капитал,
Ты, мудрый, дал испить смертельный яд,
И старый мир, от боли застонав,
Предчувствием мучительным объят.
Как молнии сверкающий излом,
Как солнце, побеждающее мрак,
В учении пленительном твоем
Открылся нам спасительный маяк.
Твои мечты, как стаи алых птиц,
Дыханьем радости над миром пронеслись —
Навстречу им, как зарево зарниц,
Костры восстаний к небу понеслись.
Над ужасом московских баррикад
В тот страшный час не твой ли реял дух?
Париж... Коммуна... Красный Петроград
Еще не раз взволнует братский слух...
Пророк грядущих солнечных веков,
Могучей мысли пламенный титан,
Ты бросил в мир великий властный зов:
Восстаньте, пролетарии всех стран!

С. Обрадович

Парижские коммунары

Незабываемое... Еще не раз
Мы вспомним их в своих просторах.
Ведь вспыхнувший огонь их гневных глаз
Горит и в наших воспаленных взорах.
Париж! Мятежный голубой Париж!..
И молнии знамен, и тучи блуз,
Звенящий Марсельезой Тюльери
И над толпой спокойный Делеклюз...
И радостны пожатья грубых рук,
И улыбнулась исподлобья вера
Под грузом пережитых мук... и вдруг,—
Звон митральез и гул орудий Тьера...
Париж! Пылающий в крови Париж!..
Борьбой затрепетали барабаны...
Домбровский пал... Хрипя, таилась тишь,
Как зверь, зализывающий раны...
О, судороги распятых улиц!
Конец... Спокоен, как на трибуну толп
Встал Шарль Делеклюз под пули
Над баррикадой Шато-До...
Париж! Расстрелянный, глухой Париж!
Под вспененной туманной Сеной,
Ты, гордый, затаишь ли, затаишь
Возмездие за окровавленные стены?!
Незабываемое! Еще не раз
Мы вспомним их в своих просторах:
Ведь вспыхнувший огонь их гневных глаз
Цветет и в наших воспаленных взорах...

Вожди Коммуны.

Жюль Валлес

День первый, день последний

(Из романа „Инсургент“)

Что за день!

Солнце ласковое и яркое золотит жерла пушек, благоухают букеты; трепещут знамена, это—шепот революции, которая течет, спокойная и прекрасная, как голубая река.

Этот трепет, этот свет, эта фанфара медных звуков, эти отблески стали—огни надежд, аромат славы... Победоносная армия республики опьянена гордостью и радостью, да и есть от чего.

О, великий Париж!

Как малодушны мы были, когда говорили о том, чтобы оставить тебя, уйти от твоих предместий, казавшихся мертвыми!

Прости, отчизна чести, город свободы, бивуак революции!

Что бы не случилось, победят ли нас снова, и мы завтра умрем, наше поколение уже может утешиться,—мы получили расплату за двадцать лет унижения и горя.

Горнисты!—Трубите к выступлению! Бейте в поход, барабаны!

Обними меня, товарищ, в твоей бороде седина, как и у меня! И ты, малыш, что играешь за баррикадой, иди—я тебя поцелую!

День 18 марта приобщил тебя к красоте и счастью, мой мальчик! Ты мог бы, как мы, расти в сыром тумане, пачкаться в лужах грязи, скользить в крови, задыхаться от стыда и переносить несказанные муки лишенных чести!

Кончено!..

Мы для тебя истекали кровью и проливали слезы. Тебе останется наше наследие.

Сын отцов, пришедших в отчаяние, ты будешь свободным человеком...

В этот час раздумья я стою, точно голый, перед полумиллионом смелых людей, взявшихся за оружие, чтобы стать свободными и больше не дохнуть от голода, несмотря на свой труд или благодаря труду.

Что можешь предложить ты нового из глубины своей ужасной юности?

Отвечай, вчерашний бедняк!

В ответ я могу показать темные следы железа на кистях моих рук и свой окровавленный язык, искромсанный ножницами императорской цензуры.

Изучать! Обдумывать!

Разве было время?

Пала империя, явился пруссак, Трошю, Фавр, Шоде, 31 октября, 22 января.

Пришла Коммуна... Да здравствует Коммуна!

Последнее заседание было очень бурно. Явилось три члена меньшинства заявить, что они хотят беспощадной войны с врагом и что они отказываются от своего решения не появляться в ратуше, раз народ может подумать, что их недовольство Комитетом Общественного Спасения есть лишь предлог для избежания кровавой ответственности.

Да, лучше погибнуть под флагом, сделанным из лохмотьев 1789 года, лучше принять обновленную, допотопную диктатуру, которая нам кажется оскорблением для новой революции, все лучше, чем иметь вид, будто бежишь с поля битвы.

Рука-об-руку, товарищи!

Сегодня заседание еще более торжественно. Чтобы закрепить примирение, совершившееся третьего дня, выбрали председателем Вэнтра, того, чей журнал с самого начала борьбы был органом диссидентов.

И на этот раз на своих местах оказались те из меньшинства, которые, как Тридон, отважно решили не являться, несмотря ни на что, верными принятой резолюции. Да и как же было им не притти, когда в декларации, к которой предместья отнеслись с таким недоверием, было сказано, что в день, когда будут судить кого-нибудь из наших, забудется всякая ненависть, и все знамена объединятся для отправления правосудия в зале Коммуны, снова наполненной народом и ставшей верховным судилищем?

Должны ввести обвиняемого Клюзере. Вот он! Сейчас решится его участь.

Что-то будут говорить?

Злоба уж улеглась, недоверие утихло.

Можно догадываться, что дебаты закончатся оправданием, но

пока они протекают внушительно и величественно. Ораторы вдумчивы, аудитория безмолвна.

Вдруг отворяется дверь, через которую входят обыкновенно члены Комитета Общественного Спасения, и появляется Билльорэ: Он просит слова.

— Когда кончит Верморель,—отвечаю я.

— Необходимо сейчас же сделать Собранию сообщение... очень важное сообщение!

— Говорите!..

Он читает бумагу, которую держит в руках.

— Депеша Домбровского.

— Версальцы только-что прорвались...

Точно упала завеса: все умолкло!..

Впечатление длилось столько времени, сколько необходимо каждому, чтобы проститься с жизнью.

И мне показалось, будто вся кровь моя ушла в землю, глаза стали большими—большими и необычайно ясными на моем побледневшем лице.

Мне показалось, что я вижу далеко—далеко странный и обезображенный силуэт себя самого, покрытого кровью и грязью!

Страх мучений тут не играл никакой роли. Совершенно никакой,—восстала моя гордость: побежден, убит, не успев ничего сделать!..

На одно мгновение эти мысли затуманили мой ум.

Неужели, как председатель агонии Коммуны, ты готов звонить в похоронный колокол по поводу ее смерти?

Нет, пора показать истории, что спокойствие не исчезло из наших душ при новости о поражении, перед первым проблеском страха грядущей казни! Придаю голосу суровый оттенок и говорю, обращаясь к Клюзере:

— Обвиняемый, вам принадлежит последнее слово!

Мне показалось, что лучше всего закончить делом справедливости, показать, что забывается всякая опасность перед вердиктом, от которого зависит честь и существование человека.

Конечно.—Оправдан. Заседание закрыто.

Я отправился на свою скамью за бумажками, которые притащил с собой и где нацарапал первые строчки своей завтрашней статьи.

Завтра!?

Я думаю, что нам осталось несколько часов на то, чтобы

обнять тех, кого мы любили, настрочить завещание и приготовиться принять перед расстреливающим взводом веселый вид...

Мы пробираемся вместе с Ланжевеном в ту сторону, где, как нам сказали, находится Лисбонн.

Версальские ворота...

— Честь имеем явиться, господин полковник.

— Очень хорошо! Народ будет доволен, видя, что само правительство сражается с ним рядом. Все в порядке; меры, по-моему, необходимые, приняты, но я падаю от усталости и собираюсь всхрапнуть где-нибудь в уголке. Послушайтесь меня и устройте то же самое; право, не стоит беспокоиться раньше времени...

Ужасный год

L'Année terrible

П о д ж и г а т е л ь н и ц а

La prisonniére passe.

Посмотрите,—к допросу идет
Арестантка—в цепях под конвоем,
А ее, словно зверя, народ
Провожает бесчисленным роем.
        Та народная масса страшна
        И грозна, как порыв урагана,
        Арестантка ж слаба и бледна,
        Точит кровь ее свежая рана.
Так бесчувственно сносит она
Все—насмешки, позор, оскорбленья
Что должна быть ужасна вина
И громадны ее преступленья?..
        Неизвестны они никому...
        Отчего ж, дикой злобою движим,
        Каждый ищет их в страшном дыму,
        Что, как туча, висит над Парижем?..
Может быть, кровожадный злодей
Обаянием силы и страсти
Подчинил ее воле своей,—
Безграничной и пагубной власти...
        Иль, сраженный, в последнем «прости»
        В тяжких муках сказал, умирая:
        «Палачам за меня отомсти,
        Отомсти же, моя дорогая!»...
Иль, быть может, жестокий совет
Был ей подан нуждой безысходной?
Не с любовью ведь смотрит на свет
Горемыка с семьею голодной.

Пиром жизни другим наслаждаться,
И лишь нам, беднякам, суждено
В нищете и в грязи пресмыкаться?..
Вдруг нежданно, по воле судьбы,
Над отчизною гром разразился,
И в конце злополучной борьбы
Братской кровью Париж обагрился.
Плач в народе, смятенье... Печаль
Наболевшую грудь надрывает...
Что ж так нагло ликует Версаль
И победу над кем он справляет?
Эту скорбь не легко перенесть,—
И шепнуло ей сердце больное:
Если гибнет народная честь,
Погибай же и все остальное!..
Что один преступленьем зовет,
То другой назовет лишь ошибкой;
Арестантка ж безмолвно идет,
Отвечая холодной улыбкой
На носящийся в воздухе стон
Злых укоров, угроз беспощадных...
Но внезапно ей путь прегражден
Роем женщин—красивых, нарядных.
Модный зонтик в руке у одной;
К арестантке она подбегает
И безжалостно ручкой резной
Прямо в рану ее ударяет.
Этой выходке пошлой народ
Рукоплещет в слепом исступленьи
И, ликуя, хохочет... Но, вот,
При бессмысленно-злом оскорбленьи,—
Невыносимая боль и печаль
Отразилась в лице у бедняжки...
И волчицы [1]) мне раненой жаль,
Вас же я презираю, дворняжки [2]).

(Перев. Ю. Доппельмейер.)

[1]) Так называли версальцы женщин Коммуны.

[2]) Последние два стиха,—дословнее:

Les chiennes font harreur,
Venant mordre la louve.
(Суки, кусающие волчицу,
Возбуждают ужас.)

Рассказ подсудимой

Une femme m'a dit ceci:

Ей был допрос в суде, и вот что рассказала
Она: «Схватили нас, но вскоре убежать
Нам удалось; вдруг дочь, что трепетно держала
У груди я своей, заплакала. Унять
Я поцелуями горячими старалась
Ужасный крик ее... За нами вслед гнались
Ожесточенные враги, и я боялась,
Чтоб вопли девочки моей не донеслись
До этих извергов... О, не достанет силы
Вам передать, как мне была она жалка,—
Ведь пищи, бедная, у матери просила,
А у меня в груди не стало молока!
Опасность с каждою минутой приближалась...
Вот грозные шаспо сверкнули при луне,
А крошка бедная кричала и металась
В объятиях моих... Что было делать мне?
Вы знаете ль, зачем версальцы нас искали?—
И мужа, и меня хотели расстрелять.
Что смерть для бедняков! Довольно мы страдали,
Но было жаль дитя родное оставлять
На произвол судьбы... Подальше от дороги
С своим сокровищем бесценным я ушла,
В овраге спряталась и там, полна тревоги,
Остаток памятной той ночи провела.
Забрезжила заря... Вот вскрикнула малютка
Так дико—раз, другой и смолкла вдруг она...
Я задрожала вся; мне страшно стало, жутко,
Застыла в сердце кровь... Гляжу—она бледна,
Лежит недвижная, не дышит, холодеет...
Что сталось тут со мной, конечно, передать
Словами грубыми едва ли кто сумеет...
Не помня ничего, пустилась я бежать
Куда глаза глядят, и долго ли бежала
С своею ношею,—не знаю, право, я...
Забыла я о том, что смерть мне угрожала,—
На радость ли и жизнь разбитая моя!

Очнувшись, на лесной прогалине руками
Своими вырыла могилку я для ней,
И вот в могилку ту с горячими слезами
Я опустила труп... труп девочки моей!..
Поверьте, хоронить кому не доводилось
Родимое дитя,—тот горя не видал».
Все слышал муж ее, и то, что в нем таилось,
Наружу вырвалось,—он глухо зарыдал.

(Перев. Ю. Доппельмейер.)

На баррикаде

Sur une barricade

Среди камней, на баррикаде взятой,
Где праведная кровь с невинною лилась,
Был схвачен мальчик, лет двенадцати.
«Проклятый,
И ты из этой шайки?» Не смутясь,
— «Да»,—отвечал ребенок,—«Превосходно»,—
Воскликнул офицер: «Их всех поочередно
Расстреливать начнут; придет и твой черед».
Перед ребенком пули засвистали;
Он видел, как рядами у ворот
Товарищи его безмолвно умирали.
Он подошел к начальнику.—«Отдать
Хотел бы я часы своей мамаше;
Позвольте мне сходить к ней».—«Ба, удрать
Задумал, брат. Знать, страшны пули наши?».
— «Я возвращусь сейчас же, капитан».
— «Где ты живешь?»—«Вон там, пройдя фонтан».
— «Ну, негодяй, беги...» Ребенок тотчас скрылся,
И строй солдатский смехом разразился
И стоны умиравших заглушил:
— «Вернусь, дескать,—каков? Вот штуку отмочил...»
Когда же вдруг ребенок возвратился,
Смех замер: этого никто не ожидал.
Тогда к стене ребенок прислонился,
Прекрасный и спокойный, и сказал:
— «Стреляйте!.. Я готов...».

(Перев. Минаева)

Расстрелянные

Les fusilles.

Безумно страшная война!
Во след победе—казнь. Пощада
Молчит, и всюду месть слышна:
«Избить всех недовольных надо».
Погибло множество: оно
Лежит во прахе, сражено
Презренной подлости рукою.
Смерть воцарилася. Кругом
Убийства. О, народ! Судьбою
Ты предан, ты поник челом,
Как колос, сломанный грозою...
Вот привели толпу к стене
Расстреливать. Один, с солдатом
Прощаяся, убийцу братом
Зовет; другая шепчет: «Мне
Не страшно умирать. Убили
Вы мужа—я его жена;
Несчастья вместе мы делили,
Нас тяготила цепь одна;
Был прав он, иль нет,—не знаю,
Но он погиб, и умираю
Я с радостью вослед за ним...».
Раздался залп ружейный; дым
Рассеялся; лежит ряд трупов
Близ окровавленных уступов
Разбитой бомбами стены...

* *
*

Вот двадцать девушек толпою
Безмолвною окружены
Идут по улице; красою
И юностью блестят они
И песнь поют... И в тишине
Толпа смущенная внимает
Той песне: их ведут на казнь,
И в час предсмертный наполняет
Их сердце радость, не боязнь!..

* *
*

Треск выстрелов глухой повсюду.
Расстрелянных за грудой груду
Кладут в телеги и потом
В могилу общую бросают.
Рыданий не слыхать кругом:
Без жалоб люди умирают,
Как будто бросить этот свет,
Где беднякам пощады нет,
Они желают, будто рады,
Что смерть избавит их от мук.

Я видел: дед седой и внук
Стояли вместе у ограды
И ждали пули роковой.
Старик с поднятой головой
Смотрел вокруг, и выражалось
В нем лишь презренье; а дитя
Кричало палача́м, шутя:
«Стреляй скорее!»—и смеялось.

*

В презреньи этом, в смехе этом—
Признанье смерти: к ней с приветом
Они идут. Жить или нет—
Им все равно. Во цвете лет,
Под солнцем золотистым мая,
Когда все жаждет чувства слить
С красой природы, что, лаская,
Зовет нас жить, зовет любить.

(Перев. В. Буренина.)

Наши покойники

Nos morts.

Они покоятся в краю опустошенном.
Озерами стоит их кровь и здесь и тут;
Чудовищные коршуны грызут

Их грудь, спускаясь к трупам обнаженным;
Ударом молнии как будто сожжены,
Обезображены тела их и черны.
Не могут ни отчаянья, ни муки
Их черепа, как камни, выражать;
Не в состоянии врагу отпора дать
Окостеневшие и скорченные руки;
Потух их взгляд, в груди их замер стон,
Под тяжким гнетом смерти неизбежной;
Одела их зима в свой саван белоснежный;
Гораздо больше язв и ран у них на теле,
Чем у преступника, прошедшего сквозь строй!
И ползают кругом могильной их постели
Земные черви и муравьиный рой.
Уже в песок ушли до половины
Тела их: так корабль среди морской пучины
В крушеньи медленном уходит в лоно вод.
Покрыла гниль и тьма безжизненные кости;
Повсюду на кровавом их погосте
То виден ядер бешеных полет,
Везде одно безмолвие, куда мы
Ни бросим взгляд, и ледяная мгла.
Под небом пасмурным недвижные тела
Лежат теперь: ни стона, ни проклятья...

*
*

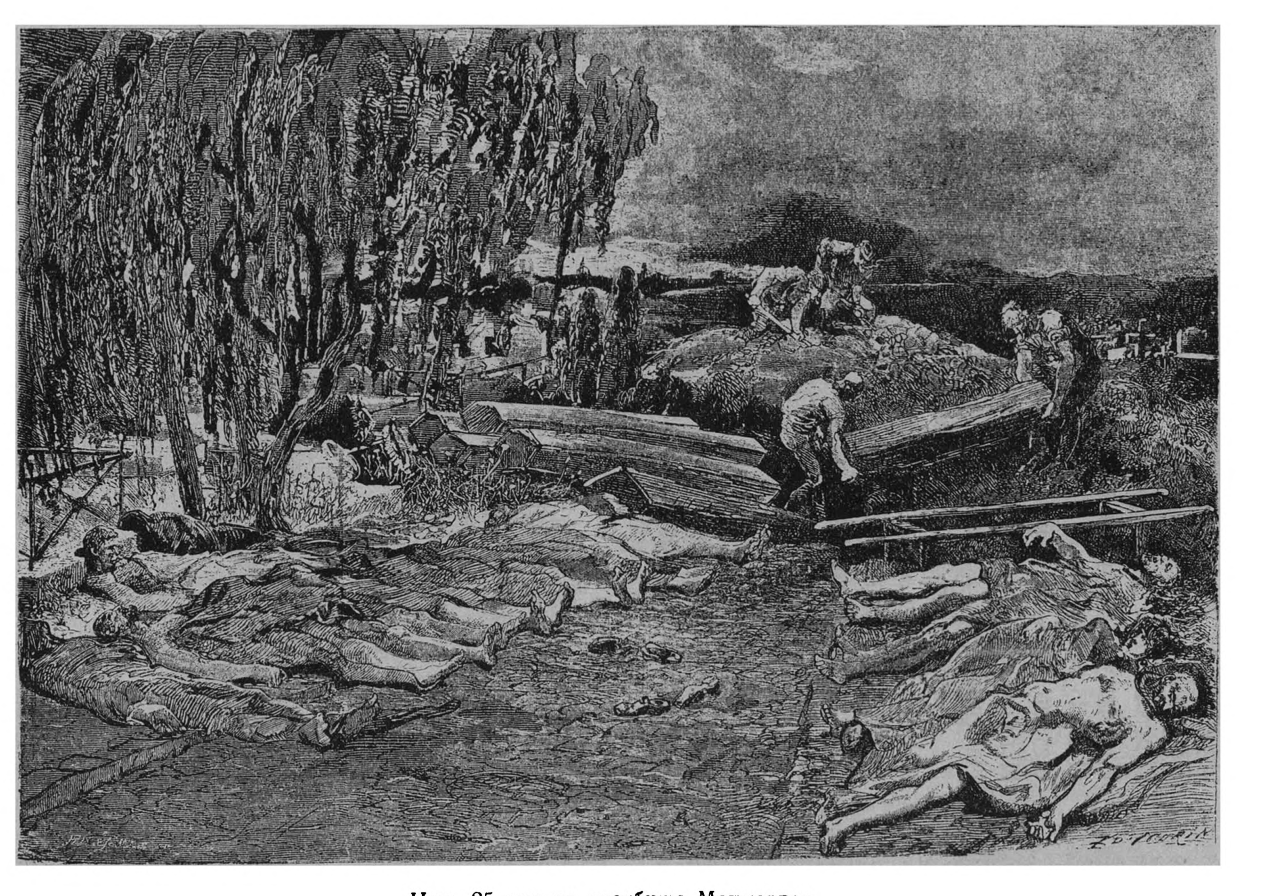
Как вам завидую я, мертвые собратья!

(Перевод Д. Минаева.)

Во мраке.

Dans l'ombre.

Волна, остановись, отпрянь назад. Довольно!
Прилив твой никогда так дерзко-произвольно
Вверх не взлетал... И отчего, волна,
Ты так сурова, мрачно холодна?
Зачем весь этот рев и ливень беспрерывный,
И ветра дикий вой в час полночи отзывной?
Как чудо грозное, твой вал вперед бежит...

Ночь 25 мая на кладбище Монмартра

Так стой же, говорю. Здесь твой предел лежит.
Не сокрушай в своих набегах ярых
Законов старины и предрассудков старых,
Безумья, нищеты и тяжкого ярма,
Ничтожества давно уснувшего ума,
Где стихли навсегда желанья с их тревогой;
Цепей, наложенных на женщину, не трогай,
Оставь великий пир, где нищим места нет,
И пусть преданья боготворит весь свет,
Не трогай их и стой: они для нас святыни.
Те сильные, громадные твердыни
Вкруг человечества я строил и воздвиг...
Но ты вперед бежишь, все выше каждый миг,
Все унося в неистовом напоре:
Вот старый манускрипт, вот древний кодекс в море
Ты унесла, и в массе буйных вод
Умчался далеко кровавый эшафот.
Вот королевский трон. Оставь его... О, боже,
Низвергнут он. Низвергнуты с ним тоже
Последних месс последние жрецы.
Вот судьи—стой. Стой—это чернецы...
Довольно, стой! Не подымайся выше,
Соленая волна, покойней будь и тише...
Но до колен моих ты поднялась,
Меня залить ты хочешь... ворвалась
В приют мой вечно-тихий и обширный...

Волна:

Ты думал—я прилив, а я—Потоп Всемирный...

П. и В. Маргерит

Разрушение Вандомской колонны

Из романа „Коммуна".)

Площадь была занята национальными гвардейцами под ружьем; все соседние улицы были полны народа: любопытные покрывали крыши, балконы и т. п. В половине четвертого пало покрывало, музыка заиграла «Марсельезу», веревки натянулись, раздался треск...

Фальшивая тревога. То сломался один из рычагов, колонна осталась на своем месте. Заговорили о предательстве. Рабочие взялись опять за дело; время тянулось медленно. Публику, как в театрах, это сначала забавляло, а потом раздражало. Со всех сторон кричали: «Колонну, колонну! Упадет. Не упадет!». Чтобы рассеять нетерпеливую толпу, оркестры, не переставая, играли. Вечерние газеты уже рассказывали подробности падения колонны.

Наконец, офицер прикрепил к верхней баллюстраде трехцветный флаг, чтобы он упал вместе с тем, кто его прославил.

В половине шестого снова заиграли «Марсельезу», веревки натянули, и колонна покачнулась. Она на воздухе еще разбилась на три части и упала на подстилку. Голова статуи и одна рука отделились от туловища. Шум, густой столб пыли, и толпа набросилась на обломки. На цоколе помахивали красным флагом. Старик Мио стал говорить:

...В тот самый час, когда упала Вандомская колонна, Собрание в Версале громадным большинством отказалось вотировать внесенное предложение депутатов левой: санкционировать Республику окончательной формой правления Франции.

Станислав Брожозовский

В Париже на баррикадах

(Из романа „Зарево".)

Париж, священный город человечества, никогда не был так велик, как во времена незабвенной Коммуны.

Отчаянная борьба очистила атмосферу. Среди опасностей люди почувствовали себя братьями. Под грохот пушек и бомб Париж снова возродился, как столица разума человечности. Люди научились здесь полагаться на самих себя, искать опору в самих себе, научились умирать без страха. Душа Коммуны родилась из геройских вылазок. Когда бомбы пруссаков разрушали дома, парижские женщины кричали: «К оружию, на баррикады!». Рабочий Париж не испугался бы ничего. Он готов был погибнуть под развалинами домов, лечь грудой трупов за свободу.

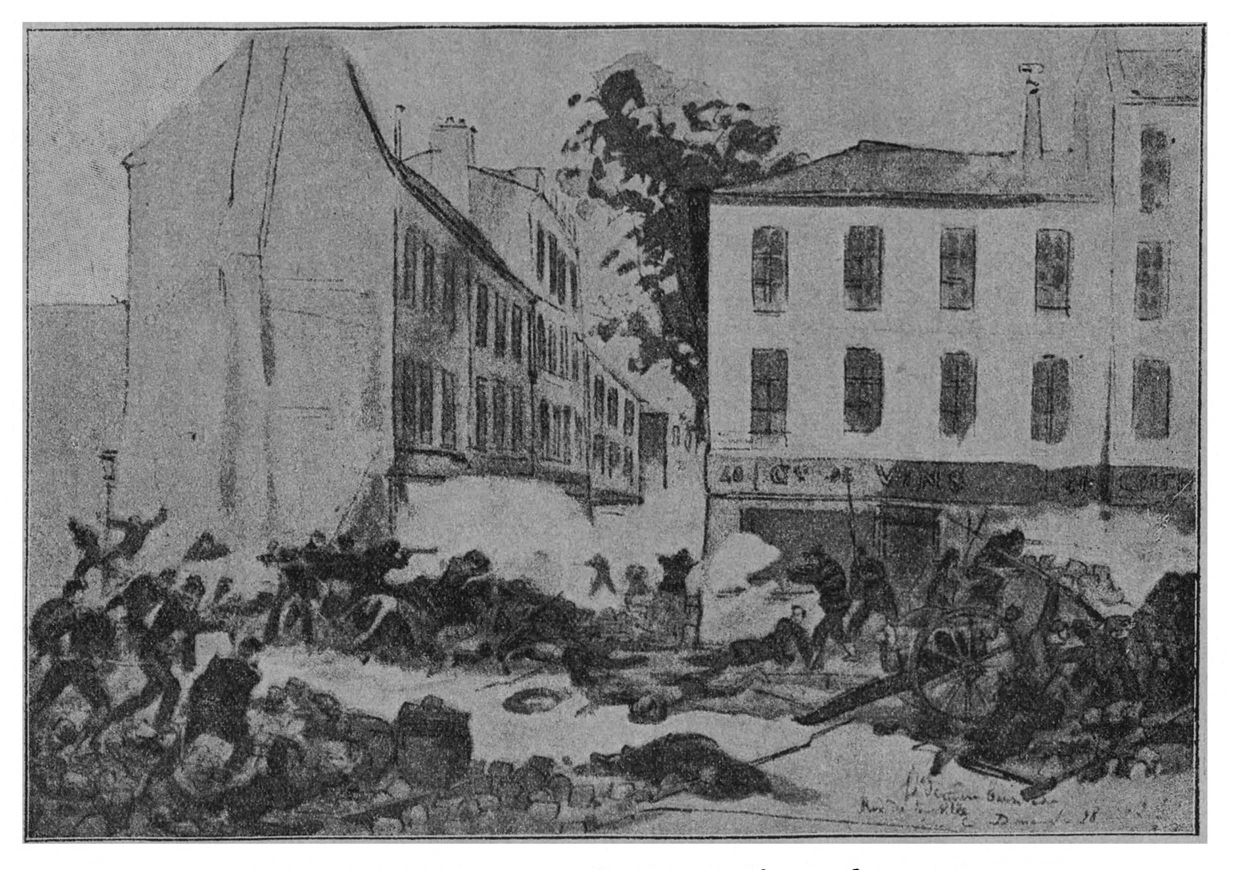
И об этих людях говорили, что они не любили родины!

Я слышал Бланки, когда он восклицал: «Оружие в руки всем французам. Мы будем защищать каждую пядь земли. Оружие народу! Оружие мозолистым рукам!».

Но оружие, это—власть.

Тьер хотел отнять у Парижа даже его собственные пушки. Я видел, как парижское рабочее население обнимало свои орудия, как живое существо, как друзей. Женщины бросали под их колеса цветы. Это было в тот день, когда родилась великая Коммуна.

Катя стояла на одной из пушек и восклицала: «Женщины Парижа! Не могут рабы быть отцами наших детей, мы не хотим краснеть за них. Мы жены свободных людей. Жены рабочих, дочери рабочих! Мы боремся за будущее, когда труд будет свободен!».

Последняя баррикада по улице Туртиль, пала 28 мая в 2 часа дня

Женщины рукоплескали и кричали: «Да здравствует! Носили ее на руках, а она восклицала: «К оружию, к оружию!».

Такою я видел ее все время.

Где колебался какой-нибудь отряд коммунаров,—она схватывала знамя и восклицала: «Вам будет стыдно, если я погибну!».

За нею бежал, запыхавшись, великан Корута, крича: «Да здравствует Коммуна!»—единственная, кажется, фраза, которую он знал по-французски.

Я видел, как она шла за носилками, на которых несли раненых, и восклицала: «Месть, месть! Не забывайте, сколько уже погибло. Матери, посылайте сыновей, сестры—братьев, жены—мужей. Мы, женщины, завоюем будущее».

— Париж не сдастся,—восклицала она, когда входили версальцы,—Париж не сдастся! Мы не можем, мы не хотим жить в рабстве. Мы умрем, мы погибнем, чтобы жить в памяти, как великий город будущего—столица свободы.

И с факелом в руке она бежала поджигать здания, требовала пороху, динамита, керосина. Погибнуть, погибнуть под развалинами, но не жить в рабстве.

Улица за улицей становились добычей версальцев. Отчаяние закрадывалось в самые отважные души.

Катя переходила от баррикады к баррикаде.

— Мы не сдадимся, мы не сдадимся. Мы умрем свободными.

— Парижане, я буду защищаться до конца, хотя бы одна! Кто со мной?

И к ней подымались черные от пороха руки и запекшиеся уста кричали: «На смерть, умрем свободными!».

— Женщины!—восклицала Катя.—На улицы, на улицы, умирать рядом с братьями и мужьями. Ружья падают на мостовую, почему вы не подымаете их? Женщины будут сражаться, когда не хватит мужчин.

— Мы не взываем: «бог и отчизна»... Так взывают те, кто живет грабежом и убийством. Бог—это рабство душ. Души должны трепетать, чтобы тела работали.

Мы встретились с ней в предпоследний день на углу какого-то переулка.

— Михаил,—позвала она, когда я проходил мимо, не заметив ее.—Я думала ты уже погиб, и хотела мстить за твою смерть... Ты жив еще?

Пули свистали над нашей головой, когда она продолжала: — Я тебя очень любила, я очень любила тебя, Мишук...

И мы пошли на свои посты.

Каждый пошел туда, где он был всего более нужен.

Переднюю баррикаду защищал Корута. Когда не хватало снарядов, он вырывал камни из мостовой и метал в врагов.

Между одним залпом и другим он кричал:

— Версальская сволочь!..

И, отражая атаку, тоже кричал...

— Тьер свинья!..

Баррикада его два раза была взята с бою, два раза он снова прогонял версальцев и гнал их до самых их позиций.

В третий раз пуля попала ему прямо в сердце, он упал с раскинутыми руками и открытым ртом, с криком «Версальская сволочь!».

Я видел Альди. Он стрелял сидя, одна нога у него была размозжена снарядом. У ног его лежал Роиэн с небольшой черной раной на виске.

Я видел, как пуля пробила сердце Альди, когда он кричал: «Умирать, умирать с оружием, рабочие!».

И, наконец, я видел ее: на мостовой, с пронзенной штыком грудью, она лежала с застывшими глазами. С противоположного конца улицы надвигалась пушка, она катилась прямо на ее тело. Возле меня стояло человек двадцать рабочих. Я крикнул им и бросился сам вперед. Пушка осталась в наших руках. В ее колесах застряло тело Кати, изуродованное неописуемым образом.

Это была последняя победа.

Я упал, раненый, меня почти чудом спасла семья какого-то рабочего. Двое стариков в течение двух месяцев скрывали меня в каком-то подвале.

Когда я встал с постели и собирался уезжать, они рыдали, у них было пять сыновей до Коммуны, теперь остались только их геройские имена.

Последний, двенадцатилетний, был тот мальчик, который, будучи задержан версальцами, просил разрешения отдать матери часы, — отдал, вернулся и пал, пронизанный пулями...

П. и В. Маргерит

Гибель Коммуны

Мелкой рысцой, по дороге в Мон-Валериен, двигалась карета. Маленький человек в очках сидел на подушках и с живым любопытством присматривался к открывшейся перед ним панораме.

За большим зеленым пятном Булонского леса вставал огромный Париж, тот Париж, которого он никогда не понимал, который ненавидел. И ненавидел он его не за восстание и мимолетное увлечение, он ненавидел в нем дух революции и прогресса. На восстание он сам намеренно толкнул полуобезумевший от моральных и материальных страданий, оскорбленный в своих законных требованиях, город. Тогда ему пришлось поспешно бежать, спасать от разгрома остатки армии, готовой перейти на сторону народа. Теперь он расправится с мятежной столицей, которая смеялась над ним, презирала его, обманула его расчеты на мир с Германией и разгадала его старческое честолюбие. Он не простит Парижу его мечты—видеть в республике торжество бедных, коренную ломку старой социальной машины, ломку ее колес, ее центрального двигателя. Желанный момент настал. Он с горячностью юноши отдался военным операциям, пользуясь своей семидесятипятилетней опытностью, своим изучением походов Наполеона. Осада кончилась удачно, благодаря его гению, вникавшему во все. Не нужно помощи пруссаков, которой он сначала думал воспользоваться. Благодаря своей лихорадочной деятельности, благодаря своему военному гению, он возьмет приступом тот самый Париж, который немцы взяли только голодом. И он сделает это на глазах самих немцев, этих надменных знатоков военного искусства, на глазах всей Франции и удивленной Европы.

Сегодня на военном совете будет решено приступить к решительным действиям. С злобной радостью смотрел старик на каменные громады, поднимавшиеся в золотой пыли на горизонте.

С высот, залитых лучами солнца, гремела канонада. Воздух был тяжел, удушлив. Тьер улыбнулся.

Сто пятьдесят тысяч человек, дисциплинированных, закаленных ежедневными стычками, раздраженных против мятежников, скоро ворвутся в город и вырежут, словно ланцетом, гнойный нарыв мятежа. Тьер, целитель общества, заранее предвкушал тот давно жданный и теперь уже неизбежный миг, когда начнется резня.

Семьдесят тысяч версальцев уже были в Париже.

Недостроенные укрепления федералистов были захвачены с тылу; восемьдесят человек попали в плен, при чем армия захватила пороховой погреб с целым лабиринтом подземных галлерей, в которых хранилось семьдесят тысяч кило пороха, миллионы патронов и тысячи гранат.

А за первыми колоннами войск надвигались все новые и новые волны солдат.

Вот выход из Булонского леса. Теперь он представляет собой лишь груду обломков. Экипаж Тьера догоняет толпу мужчин и женщин, детей и стариков в лохмотьях. Их гонят солдаты, и они идут мрачно, дрожа от отчаяния и ярости... Это первые пленные. Их сейчас расстреляют. «Развалины и ненависть—вот все, что оставляют после себя гражданские неурядицы»,—пробормотал сухой старик. Мысль, что он—один из виновников этих развалин и этой ненависти даже и не пришла ему в голову. Его сердце не упрекало его ни в чем.

*

С рассветом армия двинулась вперед и почти без выстрела раскинула свою живую сеть по городу.

С улицы в улицу, с площади на площадь, при безоблачном небе, под палящими лучами солнца, при грохоте битвы и зареве пожара, несся беспощадный поток, сметая все на своем пути.

Повсюду короткие схватки и вслед за ними массовые расстрелы. В Ла-Мюете 30 федералистов, не захотевших сдаться, лежали мертвыми у стены, где выросла теперь груда тел.

Расстреливали на улице Ранелаг, расстреливали на Монпарнасском вокзале. Расстреливали и в парке Монсо, где обезоруженные гвардейцы, даже женщины, задержанные на основании какого-то списка, были поставлены перед взводом городовых и каз-

нены. В кварталах Елисейских полей вытаскивали из домов спрятавшихся там федералистов и немедленно предавали их смерти. Лужи крови стояли в Булонском лесу, в траншеях, на железнодорожной насыпи.

Так неудержимо и медленно, как огромная бездушная машина, подвигалась вперед покорная армия.

В это время там тянулось заседание Коммуны...

Валлес председательствует. Верморель говорит. Входит бледный Билльорэ, депеша дрожит в его руке.—«Кончайте»,—говорит он.

Открывает тайное заседание. После чтения депеши наступает тяжелое, свинцовое молчание. Каждый из них чувствует себя раздавленным. Ухо точно слышит звон погребального колокола. Час пробил. Лица обезображиваются судорогой или покрываются смертельной бледностью. Гордость подымает их головы. Красное знамя еще может вести к победе или же стать их саваном, когда они падут, посреди пламени в лужах крови.

Рассветает. Ослепительное весеннее утро. Версальская армия осторожно продвигается вперед. Перед нею несколько недоконченных баррикад, и только на площади Согласия стоят серьезные укрепления. Делеклюз, наконец, начинает понимать, что произошло, и, не боясь увеличить беспорядок, обращается к рабочим, к искренним и решительным борцам Коммуны: «Долой милитаризм. Долой штабных офицеров, расшитых галунами и золотом по всем швам. Дорогу борцам с голыми руками».

При треске начавшейся перестрелки, в то время, как некоторые, по своему личному почину, стараются оказать сопротивление надвигающейся армии, несколько членов Коммуны собираются вокруг Комитета Общественного Спасения. Решают разойтись по округам, где каждый должен организовать защиту, наблюдать за постройкой баррикад.

Париж напоминает опрокинутый муравейник. Одни высыпали на улицу, другие, дрожа от страха, прячутся, забиваются в неподвижные, немые дома. Париж задыхается в железных тисках: с запада и юга напирают версальцы, рвут его тело, на севере и на востоке стоят немцы. Париж приходит в бешенство, кровь бросается ему в голову при виде неистовых версальцев и бесстрастных немцев. Пруссаки обязались никого не пропускать. Их войска взялись за оружие и стояли наготове. Уже в госпитале Сен-Луи умирают работницы, раненые прусскими пулями в то время, как они шли в свою мастерскую в Сент-Уан.

В Версале собирается нетерпеливое Собрание. Тьер появляется на трибуне. Гром аплодисментов встречает его первые слова. Он расхваливает поведение солдат и матросов, предсказывает близкое и окончательное торжество, когда Париж будет возвращен его законной властительнице—Франции. Польщенное Собрание, считающее себя истинным представителем Франции, аплодирует и удваивает свой энтузиазм при обещании суровых кар для виновников. В то время, как расстрелянные без суда плавают в крови, Тьер заявляет, что правосудие пойдет своим обычным путем. Злодеи, посягнувшие на собственность, опрокинувшие памятники, грозившие смертью заложникам, будут во имя законов наказаны по законам...

После него всходит на трибуну Жюль Симон и вносит следующие проекты: восстановить Вандомскую колонну, заменив статую Наполеона статуей Нации, и немедленно исправить капеллу, построенную в искупление казни Людовика XVI. Собрание вотирует неотложность.

Затем поднимается Корши и предлагает вотировать, что «армия и глава исполнительной власти оказали великие услуги отечеству».

Эти слова вызывают бурю восторга.

При глубоком молчании Тьер вновь появляется на трибуне. Он взволнован: это величайшая награда, которую он получил в течение всей своей жизни. Раздаются долгие, непрерывные аплодисменты. Все бросаются к трибуне, тысячи рук протягиваются триумфатору; Жюль Симон заключает его в свои объятия.

Собрание расходится, не понимая ни того зла, которое оно совершило, ни того, которое оно готовится совершить. Представители Франции в восторге, они опьянены радостью от того, что им удалось, наконец, покончить с революцией и Парижем и, значит, с самой Республикой. Депутаты смешиваются с толпой любопытных, журналистов, чиновников, светских дам и женщин полусвета и бросаются в поток пешеходов и экипажей, который покрывает дороги и несется к Сен-Клу, Шатильону, Мон-Валериену и ко всем высотам, с которых виден Париж, виден дым сражения, откуда можно наслаждаться интересным, захватывающим зрелищем.

Мало-по-малу грандиозная панорама исчезает, наступает ночь. В Париже зажигаются огоньки, и в мягком нежащем сумраке стоят на часах лицом к лицу две армии: одна—Парижа, другая—Версаля. Трагическая ночь.

23-го на заре отдохнувшие войска приходят в движение по всей линии, на обоих берегах реки.

В этот день на левом фланге главной целью движения армии было захватить Монмартр с его холмами, вооруженными артиллерией, с его крупными склонами и улицами, перерезанными баррикадами. Он казался неприступной крепостью, где в первый раз разбилась сила правительства. Теперь его осаждали целых два армейских корпуса.

Среди клубов черного дыма и страшного грохота завязалась беспощадная борьба. Баррикады падали одна за другой, дома постепенно попадали в руки пехотинцев, которые забирались в верхние этажи и стреляли оттуда по коммунарам. После победы раздавались залпы беспощадных, массовых расстрелов, не говоря уже о бесчисленных отдельных убийствах. У церкви Монружа и на улице Брезен было расстреляно столько федералистов, что трупами их наполнили восемь фургонов. У Мадлен, где коммунары энергично защищались, расстреляли 300 человек. На улице Гельдер, на улице Друо, в пятидесяти других местах, около каждой баррикады лежали безжизненные тела. В парке Монсо и в военной школе два чрезвычайных суда отправляли пленников целыми толпами в Версаль или расстреливали их на месте.

Всю ночь из открывающихся с каждым часом кратеров, то здесь, то там вылетали чудовищные снопы пламени, озарявшие кровавым светом обезумевший город. Жители, глядя на свои догорающие дома, стояли мрачно и неподвижно, словно парализованные.

Гигантский пожар пылал в двадцати местах при грохоте взрывов и глухом шуме падающих крыш, павильонов, величественных куполов. Огненные языки вырывались из тысячи окон. Вихри пламени неслись, разбрасывая вокруг искры и горящие головни. Жара была удушливая. Время-от-времени земля содрогалась и взвивался ослепительный сноп света. Казалось, что наступил конец мира.

Ужасная ночь сменилась тусклым днем. Черные облака дыма застилали небо, и сквозь них солнце, не испускавшее лучей, казалось огромной, желтой луной. С зарей по всей линии, занятой армией, началась перестрелка, и полки двинулись вперед.

Всякое сопротивление приводило в ярость, и, как во всяких гражданских войнах, долго сдерживаемый гнев вылился в ряде

жестокостей. Самые спокойные приходили в бешенство, и безумие мало-по-малу овладевало тем и другим лагерем. Грохот взрывов, языки пламени, выстрелы, крики, хрипенье умирающих,—все это возбуждало жажду крови, жажду резни. Состраданье исчезло даже из лучших сердец. Избивать без пощады и немедленно эти существа, стоявшие вне закона, вне жизни, казалось лишь актом справедливости. Надо избивать не только их, но и всех, кто связан с ними какими бы то ни было узами, надо избивать их друзей, их женщин и детей. Разве можно считать этих авантюристов, этих злодеев, избежавших правосудия, солдатами? Их нельзя даже считать людьми.

Версальские офицеры, бывшие по большей части монархистами и реакционерами, смотрели на суровую репрессию, как на выполнение своего долга перед обществом, как на дело, нужное и необходимое для его очищения.

Солдаты, возбужденные до последней степени и сбитые с толку настолько, что видели в народной массе, из которой вышли сами, лишь закоренелых преступников, отвечали сотней ударов на каждый удар. Они приходили в ярость и от медленного движения по лужам крови, среди горящих зданий, и от уличной борьбы, во время которой приходилось брать дом за домом, баррикаду за баррикадой; их приводили в бешенство неожиданные, изменнические выстрелы из-за угла, и они с ненавистью думали, что после Седана и Меца, после снегов севера и грязи Луары их заставляют драться опять. Роль судей доставляла им бессознательное наслаждение; в них проснулся инстинкт насилия, и они испытывали дикую радость от сознания своей силы и своего права давить все, что пытается сопротивляться. Бездушной и всесокрушающей машиной стали эти люди, у которых в каком-нибудь уголке города или в деревне были семьи, отцы, матери, братья, сестры, такие же, как те, которых они расстреливали или гнали, как стадо животных, по дороге в Версаль.

То был ужасный момент, когда гаснет сознание, когда человек превращается в волка, и призрак Каина, простирая к небу окровавленные руки, поднимается над миром.

Из-за центральной баррикады, наскоро построенной из камней мостовой, мешков и обломков мебели, раздавались правильные залпы. Струйки синеватого дыма взвивались и окутывали легким туманом улицу, освещенную яркими лучами солнца. Вдруг на гребне баррикады показалось суровое лицо с седеющей бородой

и всклокоченными волосами. Человек выпрямился и стал спокойно осматривать улицу. Версальские пули жужжали вокруг него, как пчелы. На губах старика появилась презрительная улыбка, он пожал плечами и исчез. «Он сошел с ума»,—сказал кто-то со вздохом.

Стоя на коленях и просунув ружье в щель между двух камней, старик молча, с бешенством и отчаянием, целился, стрелял, заряжал и снова стрелял. Их было всего десять человек, но версальцам казалось, что за этой баррикадой скрывается, по крайней мере, полсотни.

Да, Делеклюз сказал правду: «Долой болтунов». Простым рабочим оставалось только засучить рукава и отдать свою жизнь за дело; лучшего ничего они не могли придумать.

С отчаянием в душе они видели, как дело погублено. Им рисовалось неизбежное торжество беспощадной реакции.

Никто из них не увидит того солнца, на восход которого они надеялись при провозглашении Коммуны. Кто может поручиться за то, что республика этих буржуа не будет задушена одним ударом и во мраке ночи не будут подняты на свои пьедесталы идолы прошлого, императоры и короли. Кто может сказать, что солдаты опять не станут убивать, как сегодня, а попы не будут петь новым властителям «осанну». Лучше продать свою шкуру и постараться причинить хоть немного зла тем людям, от которых приходилось столько страдать. А потом можно умереть, выполнив свою миссию пушечного мяса... Во всяком случае, лучше уйти из этого мира, чем целые годы дрожать от лихорадки в тюрьме.

Быть может, их кровь будет не напрасно пролита. Она удобрит бесплодную почву, и, когда настанет час расплаты, доброе семя даст росток, нальются победоносные колосья. Ничто на свете не делается скоро... На все нужно время. Что ж! Когда-нибудь это должно измениться. Другое солнце зальет золотыми лучами горизонт, к которому стремится человечество... Слишком было бы просто, если бы история была кругом, в котором жизнь вращалась бы, как белка в колесе. Семьдесят первый год воскресил старую мечту и, вместе с ней, кошмар сорок восьмого года. И все-таки жизнь не остановится; молодежь развернет вновь старое знамя. Но с них уже довольно!

В это время снизу с улицы версальцы подходили мерным, эластичным шагом и взбирались на баррикаду; за ними густые массы пехоты, как подымающийся прилив, хлынули к Пантеону.

Почти в ту же минуту пала баррикада. Дорога была свободна.

* * *

Пленных связали сначала попарно, затем поставили в ряды, по четыре человека в каждом, и ряды соединили веревкой; тому, кто протестовал, сжимали руки до крови, и удары прикладов сыпались на несчастного. Солдаты взяли ружья наперевес, и колонна двинулась вперед. Вокруг них собралась толпа. Раздались неистовые свистки и ругательства. Иногда ряды пленных неожиданно пополнялись: кто-то закричал во все горло: «Расстреливайте их сейчас же». «Ступай в ряды»... «Ты ревешь слишком громко, чтобы быть искренним». И любопытный зритель, которого выдала чья-то глупая шутка, попал в печальный кортеж. В другой раз какая-то женщина, пробормотавшая: «несчастные», была схвачена и присоединена к пленным.

Когда колонна подошла к церкви св. Троицы, раздалась команда: «Стой! На колени!». Со всех пленников ударами сбили кепи и шляпы, и они, как бы раскаиваясь в совершенных ими преступлениях, должны были стать на колени и отвесить земные поклоны. В предместьи Сент-Оноре оскорбления удвоились. Из богатых отелей высыпала толпа лакеев, с плохо выбритыми подбородками, поваров, краснорожих кучеров, развратных горничных, и все они набросились на пленников, как свора раскормленных собак. За воротами города гусары сменили пехоту и стали заряжать ружья. Женщины думали, что их сейчас же расстреляют. А те, которые были уже не в силах итти, даже желали этого. Горе тому, кто замедлял шаг, нарушал стройность рядов. Его оттаскивали назад и расстреливали.

Когда пленные, после бесконечного путешествия по липкой грязи дорог, где многие потеряли свои башмаки, подошли, наконец, к Версалю,—они представляли собой какой-то жалкий сброд. Грязные, в лохмотьях, бледные от лишений и усталости, еще лихорадочно дрожавшие после долгих битв, эти женщины с растрепанными волосами и эти мужчины с небритыми подбородками имели такой дикий вид, что зрители, толпившиеся на улицах, чувствовали к ним невыразимое отвращение и встречали их повсюду громкими криками ненависти.

С лиц пленников крупными каплями падал пот, они умирали от жажды, задыхались в пыли под палящими лучами солнца. Но все эти страдания не могли утолить ненасытной злобы разъяренных буржуа. С глазами, налитыми кровью, они осыпали мучени-

ков оскорблениями. На Парижской аллее, где стояла особенно густая толпа, пленников били по лицу, царапали. Дамы грязными кончиками своих зонтиков старались попасть им в глаза... Яростные крики, требовавшие для них самых страшных мучений, раздавались со всех сторон. Чей-то визгливый голос требовал, чтобы у них «содрали ногти». На одну несчастную женщину, которая не могла итти и упала под ударами сабель, накинулась неистовая толпа. Ей подняли юбки и палками толкали в живот.

По мере приближения к улице Сатори, пленников заставили прибавить шагу. Спешившиеся гусары их подгоняли и, наконец, втолкнули всех этих несчастных, потерявших человеческий образ, в огромный двор. У ворот стояли митральезы, направленные своими жерлами на заключенных. Депо и ферма были переполнены людскими телами. Пленным приказали лечь. Предыдущей ночью некоторые измученные люди, после этой команды, попытались встать, но тотчас же раздался залп, и они упали, как подкошенные. Несчастные создания, дрожащие от холода, с отчаянием в душе, ложатся в грязь, и на них смотрят зияющие жерла митральез... Наступает темная ночь.

В большой же зале Версаля с высокими окнами, где было светло, несмотря на пасмурный день, царили обычная роскошь и невозмутимое спокойствие, гармонически сочетавшиеся со старинной мебелью. Из окон видна была изумрудная зелень сада, его лужайки и высокие куполы деревьев со свежей, только-что омытой дождем листвой. Графиня бросила на вошедшего мужа беспокойный, пытливый взгляд.

— До каких пунктов дошла теперь армия, Жорж?

Граф с гордостью передал содержание последних телеграмм Тьера, суливших каждый день окончательную победу. Теперь она была обеспечена, нужно только немного терпения.

Супруги обменялись радостными взглядами. Они считали часы, с нетерпением ожидая конца этой драмы. Никакой долгой уличной борьбы, ни пожара Парижа они не предвидели.

— Сначала было условлено,—продолжал граф, покручивая усы,—что будут расстреливать только тех, кого захватят с оружием в руках. Но, скажите, как в пылу битвы не поддаться гневу при виде таких преступников! Наши доблестные войска работают хорошо, и все-таки этих бунтовщиков останется еще слишком много,—уверяю вас... Теперь суровые чрезвычайные суды отделяют плохие зерна от гнилых. Тюрьма Сатори битком набита...

Тьер не знал даже, куда их девать, но, к счастью, вспомнил, как поступали некогда англичане со своими военнопленными: они сажали их на понтоны. Мы также отправим весь этот сброд в порты, где для этого уже приспособляют старые суда.

Он взглянул на свои выхоленные ногти и тонкие пальцы, словно любуясь их белизной.

— Помните ли вы наш разговор о нарыве, об этом чудовищном нарыве, образовавшемся на общественном теле? Я вам тогда предсказывал операцию,—теперь ее производят...

— Не можете ли вы сообщить нам, граф, что-нибудь более веселое?—спросила томно графиня.

— Говорил ли я вам, что монсиньор епископ известил письмом Собрание, что богослужение, которого оно требовало, состоится в воскресенье. Можно думать, что к тому времени победа будет полная. Слава богу, ненавистный материализм задавлен... Со всех сторон сердца стремятся к религии. На-днях президенту пришло благородное письмо, подписанное кардиналом, архиепископом Руанским и многими епископами, где он сообщает о настроении своей паствы и заклинает Собрание пригласить правительство войти в соглашение с иностранными державами для восстановления светской власти его святейшества. Что и говорить, момент выбран удачно.

Дверь распахнулась настежь, и на пороге появился почтенный метр д'отель. Он поклонился и произнес:

— Кушать подано, графиня.

Люсьен Декав

Фленго

Выходя из школы, мы постоянно встречали Тиебо, поспешной походкой шагавшего по тротуару. Два обстоятельства возбуждали наше особенное любопытство: регулярность его присутствия и длинная трубка с скульптурным чубуком, изображавшим фигуру зуава Жака. Трубку эту он постоянно держал во рту.

Тиебо, получивший у соседей кличку оригинала, был мускулистым шестидесятилетним стариком, очень высокого роста, с седой бородой веером и густой шевелюрой длинных, уже подернутых сединой волос. Благородство профиля сглаживало грубоватый овал его всегда тщательно выбритых щек, а из-под нависших игольчатых бровей мягким и ровным светом горели славные темносерые глаза.

Тиебо жил на улице Орлеан, против церкви Мон-Руж и слыл богачем. Семьи у него не было, гостей он никогда не принимал и все время проводил в обществе старой компаньонки, глухота и ворчливый нрав которой не позволял обращаться к ней с нескромными вопросами. После долгих и упорных вопросов любопытные соседи узнали от нее, что хозяин ее вдовец и живет на средства, добытые от торговли.

Единственной чертой, отличающей его от всех, была любовь к беднякам. Узнав, например, о безвыходном положении какой-нибудь голодающей семьи, он посылал к ней свою экономку. Но, помогая, он никогда не приходил сам, с трогательной заботливостью стараясь охранить гордость и честь человека от униженной благодарности.

Осада Парижа побудила Тиебо покинуть его добровольное заточение и обнаружила его отзывчивую душу. На улице Дю-Мен стоял небольшой домик,—это была частная школа. Вот уж несколько месяцев, как домик стоял пустой: заведывающий школой не нашел учеников, которые пожелали бы продолжать занятия. До учения ли было в этот тревожный год!

Тиебо нанял этот домик и вывесил объявление, что он основывает здесь детский приют и будет бесплатно принимать в него беззащитных жертв ужасного года—несчастных сирот, существование которых было, казалось, всеми позабыто.

Приют вскоре наполнился целой дюжиной детишек. Тогда Тиебо пригласил учительницу и экономку. Совершая это доброе дело, он был далек от тщеславия, стараясь по возможности скрыться от любопытных взоров в сероватом облаке своей верной спутницы—трубки.

С утра до ночи можно было видеть высокую фигуру Тиебо, окруженную толпой весело играющих ребятишек. Часто он садился посреди них и, желая их развлечь, читал что-нибудь занимательное. Такая доброта и в обыденное-то время встречается далеко не часто; во время же осады, когда платили 20 рублей за четверик старой картошки и 3 рубля за фунт сухих бобов, она становилась предметом общих толков и недоумений.

До самого конца осады Парижа добряк доставлял детям молоко; где он его брал и по какой цене,—это оставалось неизвестным—он не любил никогда давать объяснений ни своего поведения, ни своих похождений, точно так же, как и сам никогда не делал расспросов о приводимых к нему детях. Несчастные, покинутые,—они все одинаково нуждались в его помощи, в его заботах и ласке. Этого было для него достаточно.

Когда Правительство Национальной Обороны сменилось Коммуной, и вторая осада последовала за первой, Тиебо, казалось, и не заметил этой перемены, продолжая заботиться о подобранных им детях и всецело отдавая им себя. Цены на съестные припасы понизились, но зато число детей возросло. В апреле месяце Тиебо насчитывал уже двадцать пансионеров от пяти до тринадцатилетнего возраста; это были дети национальных гвардейцев, убитых во время войны и захваченных в плен версальцами, или же дети, брошенные на произвол судьбы родителями.

Рано утром, за несколько дней до обнародования Коммуны, два жильца с улицы Шато привели к Тиебо мальчика, мать которого только что скончалась. Соседи, сами бедняки, не могли оставить у себя ребенка. Вспомнив о детском приюте на шоссе Дю-Мен, они решили пойти туда. Мальчик предстал пред очи Тиебо.

Дитя походило на чахлую пожелтевшую травку, робко пробивающуюся среди камешков мостовой городских предместий. Несмотря на свои десять лет, мальчик имел вид семилетнего.

Посинелый, маленького роста, сгорбленный, с приплюснутым носом, большими оттопыренными ушами и густой щетиной рыжеватых волос, ребенок напоминал своим несчастным, растерянным видом чахоточную опаршивевшую кошку, брошенную в воду и вытащенную оттуда за шиворот. Видно было, что с самого рождения счастье не проходило даже мимо ребенка; казалось, злой рок отметил его своим резцом, вложив в широко открытые прекрасные глаза всю горечь, все великое страдание заброшенной, одинокой доли; недетская печаль светилась в их пристальном, вопрошающем взоре.

Тиебо в течение нескольких мгновений молча смотрел на несчастного, потом ласково спросил:

— Как зовут тебя, мой малютка?

— Фленго.

— Вот так имя!.. Кто же дал его тебе?

— Солдаты во время осады. Я учился у них стрельбе и носил иногда их ружья.

— А раньше как звали тебя?

— Меня называли мальчик Дюран.

— Это имя твоего отца?

— Нет... мамы...

— Ты знаешь своего отца?

— Да—немножко.

— Что он делал?

— Когда-то давно он был жандармом... теперь, говорят, его взяли версальцы...

— Ну, хорошо, Фленго,—иди, мой милый мальчик, играть с товарищами.

Ребенок пошел. В продолжение нескольких дней Фленго, такой же сирота, как и другие, в качестве новичка, подвергался со стороны товарищей всем невинным шуткам. Но вот однажды он имел неосторожность сообщить товарищам то же самое, что он сказал Тиебо о своем отце, и тотчас же все переменилось до неузнаваемости.

— Сын жандарма!

Смутная инстинктивная ненависть, точно мановением волшебной палочки, пробудились в умах и сердцах детей. Точно они сводили с кем-то старые счеты и, за отсутствием отца, вымещали на сыне прошлые обиды. С этой минуты все дети стали его звать не иначе, как «городовой» и, пользуясь своим численным превос-

ходством и сплоченностью, постоянно старались его унизить. В отместку за жандармов, которые когда-то ради развлечения колотили их и таскали за уши, они до крови щипали уши Фленго. Они невольно воплощали в нем ненавистную полицию, грубую силу и власть и бессознательно жестоко заставляли его расплачиваться за позор быть рожденным от жандарма, награжденного бесконтрольной властью карать по произволу.

Побитый часто без причины, Фленго переставал даже удивляться ударам, сыпавшимся на него со всех сторон.

Однажды утром служанка, заметив, как Фленго потихоньку вытирал кровь с разбитого, окровавленного носа, пошла и рассказала все Тиебо. Тиебо вышел из себя. Собрав детей, он в присутствии самой жертвы сказал им:

— Как не стыдно вам, дети! Что плохого вам сделал несчастный малютка? Разве от него зависело выбрать себе отца и явиться на свет? К тому же отец его в Версале... Кто из вас мог бы сказать, что он не больший сирота, чем вы все, родители которых умерли? Вам лично он ведь не сделал никакого зла... Не думайте, что он выдал мне вас. Предупреждаю вас, что того, кто будет обижать Фленго, я должен буду немедленно удалить из школы.

Дети только делали вид, что послушались увещаний. Самые же упорные вынесли из речи Тиебо уверенность в том, что тайные симпатии его находятся всецело на стороне версальцев. Теперь товарищи уже не били больше Фленго, но зато, будучи уверены в том, что это он их выдал, они выказывали ему глухую ненависть, гораздо более мучительную, чем удары. Как только дети оставались одни, они тотчас же принимались дразнить Фленго, называя его то «городовым», то версальским шпионом. Мало того: они исключили Фленго из своих игр и, одинокий, он бродил около них, печальным взором наблюдая за их забавами, точно голодная умирающая собака, прогнанная от общей еды.

Наконец, несчастный понял, что он лишний везде и всюду. Целые дни просиживал он в углу, молчаливый и задумчивый, с низко опущенной на грудь головой, и только лихорадочный блеск глубоко впавших, потемневших глаз показывал, что в детском мозгу совершается тяжелая мучительная работа. Неправда и горечь жизни разрывали на части исстрадавшуюся душу. Когда в такие минуты надзирательница взглядывала на него и спрашивала, почему он не играет, Фленго тихо отвечал:

— Благодарю, мне, право, не хочется.

Фленго часто сожалел о вмешательстве Тиебо. Насмешки, даже побои казались ему не так мучительно тяжелы, как эта глухая вражда.

Хотя, не отдавая себе в этом отчета, он все же инстинктивно чувствовал, что высокая, непроницаемая стена встала между ним и другими детьми... и бился, ища выхода.

Иногда он думал о самоубийстве, о бегстве... Чаще всего в душе его носились смутные образы: умереть, доказать, что он не трус, что он не враг им, что он любит их всех и не может, не хочет жить без их любви...

Тиебо, ослепленный спокойным видом мальчика, был уверен, что все идет прекрасно. Правда, Фленго, еще издали завидев его высокую фигуру, покидал свой угол и присоединялся к товарищам. На вопрос же Тиебо—как ему живется и помирились ли они теперь, Фленго неизменно отвечал:

— Благодарю! Все так добры ко мне...

Как трудно было Фленго произносить эти слова, сдержать подступавшие к глазам горячие, горькие слезы!

Когда в конце мая версальцы вошли неожиданно в Париж, Тиебо прекратил прогулки детей и строго запретил выходить им даже на улицу. В ста метрах от приюта на Катр-Шемэн были воздвигнуты гигантские баррикады. Четыре пушки, видневшиеся на баррикадах, ясно указывали на твердое решение коммунаров оказать отчаянное сопротивление регулярному версальскому войску.

Битва завязалась во вторник.

Еще накануне версальская батарея, установленная на соседнем с вокзалом Монпарнас железнодорожном мосту, обстреливала шоссе Дю-Мен, осыпая дождем свистящих пуль баррикады и церковь Мон-Руж, с колокольни которой инсургенты отвечали беспрерывным рядом залпов.

Тиебо, стараясь всеми силами спасти своих сироток, укрыл их в погребе. Взволнованный, он целые часы ходил взад и вперед по опустевшим комнатам, куря свою неизменную трубку.

В 4 часа пополудни 114-й батальон, пройдя боевым шагом шоссе Дю-Мен и улицу Шемэн-Верт, атаковал грозные баррикады, и выстрелы с той и другой стороны стали еще чаще, еще беспощадней.

«Сироты Тиебо», как их называл теперь весь квартал, без

всякого волнения, даже с жутким любопытством прислушивались к залпам. Наконец, после долгого, геройского сопротивления коммунаров, правительственные войска победили своею численностью. Отряд пехоты завладел церковью, избивая и беспощадно прокалывая пиками горсть сопротивлявшихся еще смельчаков.

Наступило временное затишье. Тиебо воспользовался им и поспешно спустился в погреб, чтобы посмотреть все ли дети были налицо. Оказалось, что не хватало Фленго. Никто не заметил его исчезновения. Сначала все подумали, что страх заставил его укрыться в более безопасном месте. Товарищи вместе с Тиебо обыскали сверху до низу весь дом, но все поиски были напрасны. Тогда, охваченный каким-то тяжелым предчувствием, Тиебо, как был без шляпы и в туфлях, отворил дверь и стремительно выскочил на улицу.

Не успел он пройти несколько шагов, как увидел женщину, с громким криком быстро бежавшую к нему навстречу.

— Идите скорее, Тиебо,—они хотят расстрелять одного из ваших мальчиков...

— Что вы говорите! Это невозможно...

— Правда, правда... Я узнала его по костюму... Он убежал из приюта, и солдаты взяли его на баррикадах, как раз в ту минуту, когда он стрелял в них... Они не помиловали его, да он и не просил их милости... Маленький безумец вскарабкался на церковную паперть и, с гордостью смотря на офицера, отвечал на его вопросы:

— Есть ли у тебя родители?

— Нет.

— Откуда и каким образом ты попал сюда?

— Это уж мое дело.

Потом уж мальчуган добавил:

— Ну что же, расстреливайте что ли меня... да поскорее же.

— Эта фраза, произнесенная крошкой, ужасно поразила меня. Ах, я, право, боюсь, что вы уже опоздали,—пожалуй, офицер не сумеет сдержать своих опьяненных от пролитой крови солдат.

— Ваш мальчик с быстротой молнии спустился на землю и встал перед офицером. Ружье было выше его, и маленькие, слабые ручонки еле могли удержать тяжелый ствол. Стоя на баррикаде, он выстрелил только раз,—на вопрос же офицера, ответил, что выстрелил десять раз.

— У него был безумный вид, Тиебо!

Но Тиебо не дослушал и зашагал так быстро, что соседка едва могла поспевать за ним.

Перед церковью и разрушенной баррикадой солдаты мирно отдыхали посредине трупов, осколков бомб и пик, брошенных обратившимися в бегство коммунарами. Ни солдаты, ни Тиебо не обращали ни малейшего внимания на отдельные выстрелы, крики и стоны, которые продолжали раздаваться с колокольни,— то версальцы расправлялись по-своему с побежденными.

В стороне от солдат виднелась невысокая фигура офицера, и Тиебо побежал прямо к нему.

— Скажите, что сделали вы с ребенком?

Совсем еще молодой человек с маленькими, но нахально закрученными усиками на аристократическом надменном лице держал под рукою, точно какую-то безобидную тросточку, обнаженную шпагу. Холодно посмотрев на говорившего, который позволил себе допрашивать его, он процедил сквозь зубы:

— Ребенок ваш?

— Нет.

— Тем лучше.

— Почему?

— Потому что он в нас стрелял...и счеты с ним уже сведены.

— Вы не посмели бы этого сделать.

— Потрудитесь взглянуть—и небрежным кивком головы офицер указал на церковную паперть, заваленную кровавой грудой человеческих тел, с которых стекали на землю целые потоки еще теплой, дымящейся крови.

Много лет спустя, женщина, бывшая свидетельницей этой сцены, рассказывала мне, что она не могла узнать всегда спокойного, сдержанного и незлобивого Тиебо, до того он сделался неузнаваемым в эту минуту.

— Я уже боялась, что вот-вот с ним случится удар... Ах, ему надо было тогда пустить кровь. Жилы на шее и лице у него надулись, щетинистые седые волосы стали дыбом, и, крепко сжав свои гигантские кулаки, он бросился на офицера, осыпая его целым потоком ругательств.

Вихрь революции дохнул на старика своим грозным веянием. Перед ужасной картиной зверской расправы версальцев содрогнулась душа мирного Тиебо. Революционер-мститель за замученных, поруганных борцов восстал в нем с неудержимой, безумной силой...

Офицер лениво произнес:

— Что нужно этому безумцу? Зачем вмешивается он не в свое дело?

Но старик не унимался... Тогда офицер обратился к солдатам, указав на него кончиком шпаги:

— Уберите его,—и быстро удалился, с недоумением пожимая плечами.

Два солдата набросились на старика и, несмотря на отчаянное его сопротивление, потащили за собой...

Никогда уже никто не видел больше Тиебо...

Э. Лиссагарэ

Маленькие коммунары

Перед одной из «фабрик смерти», перед судом, устроенным вслед за «Кровавой неделей», предстали пятнадцать детей. Самому старшему было шестнадцать лет; самому младшему, такому маленькому, что его почти не видно было за баллюстрадой обвиняемых, — одиннадцать. На них голубые блузы и военные кепи.

— Дюре,—спросил солдат,—что делал ваш отец?
— Он механик.
— Почему же вы не работали, как он?
— Потому, что там не было для меня работы.
— Буваре, зачем вы стали питомцем Коммуны?
— Чтобы иметь, чем кормиться.
— Вы были арестованы за бродяжничество?
— Да, два раза.
— Коньонкль, вы были питомцем Коммуны?
— Да.
— Почему вы оставили вашу семью?
— Потому, что не было у нас хлеба.
— Сколько раз вы выстрелили из ружья?
— Пятьдесят.
— Леско, почему вы оставили вашу мать?
— Потому, что она не могла меня кормить.
— Сколько у нее детей?
— Трое.
— Вы были ранены?
— Да, пулей в голову.
— Ламмар, вы также покинули вашу семью?
— Да,—есть было нечего.
— Куда же вы пошли?
— Записался в казарму.

— Леберг, вы были у хозяина и вас схватили в то время, когда вы тащили его кассу. Сколько вы украли?

— Десять су.

— Эти деньги не жгли вам руки?

И ваших, человек с обагренными кровью руками, ваших губ не жгли эти слова? Несчастные дураки, вы не понимали, что перед этими детьми, без образования, без надежд, выброшенными на улицу нуждой, в которую вы их ввергли, виноваты вы, столпы этого общества.

Мститель

Инсценировка по рассказу Леона Клоделя (в одном действии).

Действие происходит в Париже 27 мая 1871 г. в дни Парижской Коммуны.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Сардок—начальник отряда федералистов, защитников Коммуны, бывший кочегар, лет 40. Черные короткие остриженные волосы и белокурые усы. Высокого роста. Широкий лоб. Смелое, открытое лицо. Одет в военную форму. Голова завязана запятнанным кровью белым платком.

Леона—его жена, полуодета, оборвана. Роскошные русые волосы растрепаны, в беспорядке падают по плечам. Бледное, утомленное лицо. Ярко горящие глаза. На руках у нее ребенок, завернутый в ситцевую юбку. Босая.

Старый федералист, седой. Прихрамывает. Одет в форму национального гвардейца. Голубая куртка с медными пуговицами, голубые штаны с ярко-красными лампасами, синее кепи с красными кантами. Белые штиблеты. Костюм изорван, запачкан в грязи. На плечах в накидку длинная коричневая солдатская шинель. Вид суровый. Хриплый голос.

Часовой, изорванная шинель серого (или зеленого) цвета, молодой, безусый.

1-й, 2-й и 3-й федералисты—защитники укрепления. До ста человек. Одеты разношерстно. Коричневые, серые, зеленые солдатские шинели, мундиры национальной гвардии, рабочие костюмы. Смешанное оружие разных калибров и видов. Все грязные, истомленные. Они 8-й день в непрерывном бою.

Кладбище Пер-Лашез. Сцену наискось слева направо перерезает кладбищенская ограда, в глубине сцены водружено закопченное дымом полуизодранное, пробитое пулями красное знамя. Ближе к рампе в стене пробита брешь, валяются груды кирпичей, сваленные и разбитые памятники. Брешь окружена полукольцом заграждений, устроенных между памятников. Траншея. Несколько пушек и митральез. Раннее туманное утро. Небо подернуто тучами. В перспективе дым пожаров и отблески бледнеющего на рассвете зарева. Глухо доносятся по временам звуки орудийных выстрелов. Продолжаются во время действия. То разгорается, то затихает ружейная перестрелка. Слышатся звуки сигнальных рожков. Федералисты располагаются в траншее, за заграждением стоят тесной кучей около памятника и т. п.

Явление 1-е.

(Старый федералист сидит около орудия, рядом с которым разведен небольшой костер, около костра 1-й и 2-й федералисты. Остальные кругом костра, подходят, закуривают, отходят к траншее.)

Старый федералист. Ночь уже миновала, а начальника все еще нет. С версальцами трудно сговориться.

1-й федерал. И не нужно было говорить. Эта маленькая собака—Тьер достоин не разговора, а петли. Начальник надеется, что они будут великодушны.

3-й федерал. (*из стоящего круга*). К чорту великодушие этих подлецов. Послать в Версаль полсотни добрых снарядов, что было бы лучше, да (*указывает на оружия*) они потеряли голос. Начальнику не следовало итти на поклон. Я не хочу сдаться на милость версальской сволочи.

Старый федерал. Начальник не хочет ненужных жертв. Мы окружены. Сопротивление почти бесполезно. Но мы можем еще капитулировать с честью для того, чтобы...

1-й федерал. Чтобы на нас указывали пальцами. Вы трусы, которые испугались смерти,—чтобы буржуазная стая плевала нам в лицо и издевалась над нами. Сохранить жизнь для позора.

Старый федерал. Не для позора, а для мести. Мы побеждены сегодня. Коммуна падет. Но мы останемся носителями ее идеалов. Мы будем мстителями за кровь наших братьев, отцов, жен, детей, друзей, пролитую на мостовых и баррикадах Парижа. Для этого стоит жить.

1-й федерал. Коммуна не погибнет, если и умрем мы. Она будет жить и без нас, и гнев народа обрушится на голову буржуазии, предающей Францию, и наши имена будут лучшим мщением, они будут гореть перед всяким, кто не хочет остаться рабом, для кого дорога свобода, во имя которой мы сражаемся. А начальник...

2-й федерал. (*перебивая*). Ты хочешь оскорбить начальника. Хочешь сказать, что ему дорога его собственная жизнь. Не делай этого. Я знаю Сардока давно. Мы рядом с ним ездили на паровозе из Парижа в Бордо и обратно. Он был кочегаром, а я помощником...

1-й федерал. А теперь ты кочегар, а он...

2-й федерал. Да. И я подчиняюсь ему. Но не в этом дело. Для Сардока жизнь других людей всегда стоила дороже своей. Я помню, однажды, ранним утром, мы, взяв полный ход, неслись через долину, приближаясь к Парижу. Когда идет последний перегон, всегда хочется дать полный ход. И... у меня волосы встали дыбом... Впереди... на рельсах... человек... Остановить машину... Но идем под уклон. Несчастный погиб. А в это время Сардок был уже на площадке перед котлом. Я услышал только: «Жан, дай свисток, прикрепи веревку и иди за мной». Он повис на веревке, уцепившись за буфер ногами и... мы налетели на беднягу. Я не верил в его спасение. Но он был уже в руках Сардока. У него железные лапы. Это была женщина... Ее обольстил и бросил молодой буржуа, и она легла на рельсы. Сардок спас ее... она стала его женой.

1-й федерал. А где же она теперь?

2-й федерал. Она осталась там. У нее скоро должен быть ребенок, и сейчас, быть может, он уже умер... не родившись... А Сардок с нами.

Старый федерал. (*к перв. федерал.*). Иногда нужно отступить, чтобы лучше прыгнуть. Сохранить жизнь не ради жизни, а во имя борьбы. Начальник прав, и мы... мы... должны верить ему.

1-й федерал. Я знаю это, старина, но... (*бой барабана прерывает его*).

Часовой. Кто идет?..

Голос. Свои.

(В бреши показывается Сардок. Он легко перепрыгивает через группу кирпичей и заграждения между памятников, быстро подходит к костру. За ним барабанщик и двое федералистов. На штыке у одного белый флаг. Он сердито срывает его. Солдаты окружают Сардока.)

Старый федерал. Мы слушаем.

Голоса. Какие вести? Каков ответ?

Сардок (*обводя всех долгим взглядом*). Нам предложено сдаться без всяких условий. Двадцать пять минут на размышления, дорогие друзья.

Голоса. Без всяких условий...

Все дружно. «Да здравствует Коммуна!». «Долой Тьера!». «Смерть версальцам!».

Сардок. Двадцать пять минут на размышление... По местам,

товарищи... Нужно сделать перекличку и сосчитать оставшиеся снаряды (*тяжело опускается на лафет пушки, сидит, задумавшись*).

(Федералисты быстро расходятся к стене, в траншее слышны отдельные возгласы: «Раненых отдельно», «Где Флоранс?» и т. д.)

Старый федерал. (*подходит к Сардоку*). Без всяких условий и добрая дюжина пуль каждому,—это милость победи-

Стена федератов на кладбище Пер-Лашез (27 мая).

теля. Лишний бокал крови для Версаля. Тьер пьян ею и ждет еще... они еще не знают, как мы умеем платить за себя...

Голос 1-го.. Триста человек, из них двести семь раненых, и тысяча зарядов.

Сардок. Итак, девяносто три способных драться и десять зарядов на человека.

Старый федерал. Мои десять не пропадут даром. Я сумею заставить их найти хорошую мишень.

Сардок. Ко мне, друзья! (*федералисты собираются вокруг него*). Друзья... братья... Через четверть часа эти «смирители» будут здесь... Пусть каждый из вас приготовится хорошо встре-

тить их... Пусть наши дети расскажут о том, как сумели погибнуть девяносто три на кладбище Пер-Лашез. Нашей кровью будет записан этот день в истории дорогой нам Франции, в истории великого народа, в истории Коммуны.

Общий возглас. Да здравствует Коммуна!

Сардок (*продолжает*). Тот, кто придет после нас и возьмет наше честное, истекающее кровью знамя, с гордостью скажет: «Они умели умирать».—И Коммуна возродится. Счастье человеческое не может погибнуть. Оно куплено кровью. Сегодня, быть может, у нас отнимут его, но народ Франции снова поднимет свои мускулистые руки, и мир услышит снова: «Да здравствует Коммуна», и вспомнит о нас...

Часовой. Кто идет?.. стой!..

(Раздается тревожный звук сигнального рожка. Сардок бросается на звук рожка. Федералисты расступаются. Сардок на проходе в траншеи сталкивается с женщиной, которую ведут двое часовых.)

Сардок. Ты (*бросается к женщине*)? Ты...

Леона. Да, это я. Я пришла умереть вместе с тобой, Сардок.

Сардок (*обнимает ее*).

Леона (*смотрит на него долгим взглядом*). Да. Я отвечу на то, о чем спрашивают твои глаза. Ионар, Дюме, Ксанье, Сарразар и все наши друзья исполнили свой долг и погибли... (*кучка федералистов снимает кепи и склоняет головы*).

Леона (*продолжает*). Альбен, брат твой, храбро и бесстрашно погиб с ними. Несколько часов тому назад я видела его лежащим у подножья Июльской колонны. Да, я видела, как его кровь окрасила бронзу, на которой золотыми буквами было вырезано имя твоего отца, павшего в 1830 году. На площади Бастилии валяется масса убитых. Мужчины, женщины, дети, сражавшиеся и посторонние, все были расстреляны. Версальцы не пощадили никого.

Старый федерал. Негодяи.

(Среди федералистов возгласы возмущения.)

Леона. Им сказали: убивайте. И они убивали. Твоя сестра и ее муж были взяты в плен и расстреляны. Через час, может быть, с нами сделают то же самое. Вчера в полночь я вышла из дома и восемь часов шла через город под ядрами и пулями, среди крови и огня. Париж горит, он погибает вместе с революцией. Наши сдержали свое слово: Если версальцы хотят иметь

короля, пусть он тогда им строит новую конуру. Пале-Рояля нет, нет и Тюльери.

(Возгласы федералистов: Браво... браво...)

Леона. Теперь, без сомнения, поверят клятве парижского блузника: или победа, или смерть... Он сдержал свое слово и погибнет вместе со своей мечтой под пеплом своего старого города. Зимою нас уверяли, что наши и часа не выдержат против врага. Они показали, что они могли бы сделать, если бы их послали против пруссаков. Сейчас они побеждены. Сена покраснела от крови, мостовые каждой улицы покрыты ею. В Париже устроены прекрасные поминки. Город спит на красной постели (*в экстазе*). Но этот мертвец когда-нибудь снова воскреснет и зашевелится. Он встанет снова. Тогда сами камни поднимутся и заговорят.

(Возгласы одобрения среди федералистов. Они жадно слушают Леону.)

Леона. Боже, что только я видела... Эти крестьяне, сделавшиеся солдатами, порабощенные буржуазией,—эти дикие рабы расстреляли наш свободный город и убивали всех, кто думал, учился и считал себя человеком... Не спрашивайте, как я добралась сюда, не спрашивайте. Меня преследовали, было приговорили к расстрелу, но я осталась живой и снова пошла. Меня не пугала смерть, но я хотела найти тебя, теперь я готова встретить ее... (*кладет руки на плечи Сардока*). Но, дорогой мой, я пришла сюда не одна...

Сардок. Что такое? Возможно ли? Ты шутишь. (*Он в страшном волнении. Федералисты изумленно глядят на него*).

Леона. Смотри (*развертывает тряпки, показывает ему ребенка, подняв его на руках*), это наш сын (*среди федералистов аплодисменты и ласковые возгласы по адресу ребенка*).

Сардок (*берет ребенка на руки*). Я его уже видел, мне кажется. Я его узнаю.

Старый федералист. Твой сын похож на тебя.

Сардок. Нет, мне кажется, он похож на моего деда.

Леона (*восторженно*). О, неужели?

Сардок. Да, на моего деда, который был казнен на Гревской площади. Он был пуританин. Он не хотел просить помилования у врагов и они его убили. О, это был крепкий человек. Мой сын похож на него. *Будет* похож на него.

Старый федералист. Гражданин, как зовут твоего мальчика?

Леона (*задумчиво*). У него еще нет имени. Он не крещен. Я не знаю его имени.

Ребенка кладут на шинель, растянутую на руках федералистов.

Старый федералист (*торжественно*). Друзья мои! Вы помните наших славных предков Великой Французской Революции, помните их великий завет: «когда королевское правительство нарушает право народа, священная и прямая обязанность последнего восстать против него». Мы остались верны их завету. Мы восстали. Но нас разбили. Сегодня, быть может, в последний день, когда нам светит солнце, я клянусь своими старыми ранами, у нас нет отчаяния. Мы побеждены, но мы победили, мы умираем для того, чтобы жить.

Мы падаем под пулями версальцев, но мы не погибнем без следа. Это дитя переживет нас, и этот мальчик, сын нашего предводителя-брата, будет нашим сыном. Он будет нашей надеждой, нашей победой, он останется наследником нашего бессмертного гнева, живым воплощением будущей славы: наших великих людей.

Общий возглас. Да здравствует борьба, да здравствует Коммуна!

Сардок. Торопитесь, мои друзья, мои храбрецы, уже пора.

Старый федералист. Мы окрестим его нашей кровью и дадим ему имя, которое вечно будет напоминать о ненависти к тиранам, о любви к свободе, с презрением к смерти, о нашем неустанном стремлении к борьбе. Мы дадим ему имя...

Все (*угадывая мысль*). Мститель.

Старый федералист. Мститель, пусть он растет с этим именем и будет достойным сыном трехсот погибших во имя Коммуны.

Леона. Пусть он растет, как ваш сын, а я буду рассказывать ему, как погиб дед, его отец, и вы, его восприемники. Вы можете итти умирать спокойно, гордо... он будет жить, чтобы отомстить за вас. Я, Леона, клянусь вам, что он достоин будет имени, которое он получил сегодня.

(Раздается выстрел, другой, третий, затем грохот орудийного выстрела, барабанная дробь.)

Старый федералист. К оружию!—версальцы.

Сардок (*спокойно*). Они опоздали по крайней мере на десять минут. Прощай, жена (*обнимает ее*). Прощай, сынок (*целует ребенка*). Вперед, друзья, наше дело не погибнет. Наши дети отомстят за нас. Ничто не потеряно... Да здравствует Республика!

Все. Да здравствует Коммуна!

(Выстрелы со стороны федералистов.
В бреши показываются версальцы.)

ЗАНАВЕС.

П. Арский

Могила коммунаров

В могиле, цветами усыпанной,
Убитый лежит коммунар,
Борец за свободу испытанный,
В сердцах зажигавший пожар...
    За то, что, мятежный и пламенный,
    Он звал неустанно к борьбе,
    Враги его с злобою каменной
    Наметили в жертву себе...
Звенят голоса многослитные,
Полны неизбывной тоской...
Огромные камни гранитные
Хранят молчаливый покой...
    Проходят, уходят—великие,
    На смену другие спешат...
    Враги же слепые и дикие
    Цепями и сталью гремят!..
Но красное знамя колышется,
Пугая апостолов зла,
И песня победная слышится...
Грядущая радость светла!..

Благотворительность

Осенний парк Монсо погрузился в таинственную меланхолию; общий тон принял однообразный, тусклый оттенок; преобладала темная зелень, она выделялась там и сям между черными стволами деревьев или колонками из серого камня.

— Темнозеленый цвет и коричневая опушка подходят друг к другу,—проговорила г-жа Вирман, жена известного банкира с улицы Лисбон, оглядывая как-то после полудня в ноябре 1877 года шлейф своей шелковой юбки; затем, внезапно охваченная порывом материнской нежности, она позвонила своей горничной:

— Скажите Тому,—приказала г-жа Вирман, когда вошла горничная,—запречь коляску, а Жермене—привести ко мне Гастона, я поеду с ним сегодня в парк Монсо.

Вскоре прибежал Гастон, сияющий от удовольствия. Спустя несколько минут, коляска умчала и доставила их на главную аллею, пересекающую парк.

Закутанная в теплую русскую шубу, с муфтой в руках, г-жа Вирман прогуливалась, с удовольствием вбирая в себя чистый воздух. Около нее бегал Гастон, подпрыгивая ежеминутно, как молодой козленок. Наконец, Гастон увлек мать в Навмахию, где двигалась целая флотилия уток. Он долго забавлялся, глядя, с какою прожорливостью они глотали кусочки хлеба, которые он им бросал. Затем он закричал:

— Мама, дай мне су [1])!

— Су,—переспросила г-жа Вирман,—зачем тебе?

— Я хочу купить сладких трубочек у г-жи Самсон. Жермена мне всегда дает су, когда мы с ней бываем здесь.

— Но у тебя дома много конфект, каких ты только хочешь, и они гораздо вкуснее.

— Ах, нет, мне больше нравятся трубочки. Я тебя сейчас поведу, ты увидишь, это очень красиво: повертывают ручку, вы-

---

[1]) Мелкая французская монета.

скакивает номер. Если номер три, дают три трубочки; самый большой номер—12, но я его никогда не получал... Ну, пойдем же, мама!..

— Хорошо,—ответила г-жа Вирман,—пойдем к Самсон.

Гастон, хлопая от восторга руками, побежал вперед. Добежав до ворот парка, выходивших на бульвар Курсель, он весело закричал: «Здесь», и указал на старую женщину, сидевшую за решеткой парка на низенькой скамейке перед боченком из листового железа. Г-жа Вирман ускорила шаги и дала мальчику обещанный су.

Гастон повертывал ручку боченка с сосредоточенным вниманием и нетерпением, а г-жа Вирман машинально взглянула на торговку. Ей бросилось в глаза длинное, страшно худое лицо с зеленоватым оттенком. Кожа на нем была изборождена во всех направлениях наподобие пергамента. Среди этого лица с трудом можно было различить два печальных глаза с потухшим взором, погруженные в глубокую думу. Г-жа Вирман увидела, как ее спина, плохо прикрытая худеньким черным шерстяным платочком, вздрагивала от малейшего порыва ветра. Ее охватила жалость. Она почувствовала такой же холод, как и старуха, и инстинктивно закутала свою шею шелковой опушкой воротника.

В этот момент Гастон закричал:

— Десять, мама... У меня десять!—И он с гордостью раз двадцать повторил это слово. Бесцветные пальцы торговки подняли крышку боченка, она медленно достала оттуда пачку трубочек и отдала ее Гастону, который уже держал наготове протянутую руку.

Г-жа Вирман, оторванная на минуту от своих мыслей радостным восклицанием сына, вынула из портмонэ пять франков, положила их на боченок и хотела уйти. Но торговка подняла голову и, не говоря ни слова, выразительным жестом указала барыне на монету. Та поняла.

— Простите,—пробормотала г-жа Вирман смущенным тоном, взяв деньги обратно, и задумчиво удалилась с Гастоном, который, между тем, аппетитно грыз свои трубочки.

Старая торговка осталась сидеть, продолжая дрожать от холодного ветра; ее глаза снова погрузились в тяжелую думу.

В продолжение всего этого дня перед глазами г-жи Вирман два или три раза проносился образ старой торговки с желтым лицом и потухшим взором, и каждый раз он причинял ей легкое беспокойство.

В тот же вечер, в своем салоне она рассказывала о старухе г-ну Буаво, отведя его для этого в сторону. Она просила его осведомиться об этой женщине, повидать ее и, если возможно, помочь ей. Буаво, рассыпавшись в комплиментах, обещал исполнить все, о чем она его просила. И светская дама с успокоенной совестью принялась болтать самым оживленным тоном со своими соседями, двумя молодыми людьми, о будущем бале в австрийском посольстве.

Буаво было шестьдесят лет. Он состоял секретарем благотворительных комитетов, устраиваемых в предместиях св. Гонория. Но его помощь не попадала в надлежащие руки, она шла только к тем, благочестие которых было вне сомнения, и сопровождалась трогательными поучениями, отдававшими деревянным маслом. К нему обращались дамы предместья из денежной аристократии, когда в их сердцах загорались порывы благотворительности.

На другой день после беседы с г-жей Вирман Буаво отправился по ее делу. Он скоро узнал, что торговка сладостями живет на улице Аниер. Буаво пошел по указанному адресу, где привратница, при имени г-жи Самсон, закричала: «Шестой этаж, дверь направо!».

Комнатка, которую занимала торговка, освещалась крошечным окном, проделанным в крыше. Длинные, темнорыжие полосы, спускавшиеся по стене от нижних углов окна и доходившие до пола, указывали на обычный путь дождя. Два грубых простых соломенных стула, с прямой спинкой, тощая плоская кровать, прикрытая коротким одеялом, составляли всю меблировку этой узкой комнаты. В комнате было так холодно, что при входе захватывало дыхание. Буаво предусмотрительно застегнул свой сюртук.

— Г-жа Самсон?—спросил он, входя.

— Да,—ответила изможденным голосом старая торговка, слегка приподнимаясь со стула, стоявшего у камина, где слабо мерцали три или четыре тонких полена.

— Меня прислала к вам г-жа Вирман.

— Кто это г-жа Вирман?—спросила торговка.

— Очень богатая особа, которая видела вас в парке Монсо и желает вам добра.

— Нет больше никого на свете, кто пожелал бы мне добра,— медленно произнесла женщина, как бы говоря сама себе.

— Г-жа Вирман,—продолжал своим сладким голосом Буаво, не обращая внимания на это замечание,—желает быть вам полезной: она думает, что вы бедны.

— Да, я очень бедна.

— Она желала бы прийти к вам на помощь.

— Я не прошу милостыни.

Буаво на минуту замолчал.

— У меня не было намерения обидеть вас,—возразил он, еще больше смягчая голос,—не желали бы вы получить, например, дров, теплой одежды?

— У моего сына нет ни дров, ни теплого платья.

— У вас есть сын?

— У меня был сын и внук. Мой четырехлетний ангел умер во время осады. Он был болен. Доктор говорил, что ему нужно было давать молоко. Но молока не было... не было только для нас...

— А где ваш сын?

— Мой сын далеко, очень далеко, за морем. Он находится в той проклятой стране, которую вы называете Новой Каледонией[1]).

И разбитый голос старухи, произносившей эти слова, был полон острой горечи.

— Давно он там?

— Его арестовали версальцы 3 июня 1871 года; я его видела еще раз в тюрьме, затем я его больше не видела... Вот уж шесть с половиной лет!

С трудом можно было расслышать эти слова, заглушенные рыданиями.

Буаво не знал, что сказать. Эта безвыходная печаль, такая простая в своем выражении, стесняла его.

— Религия, сударыня,—нашелся он, наконец,—утешает...

— Религия?!—воскликнула женщина, поднимая голову, наклоненную над камином, и смотря прямо в лицо своему собеседнику,—религия! Я не хочу знать вашей религии: священник донес на моего сына!..

— Он исполнил, без сомнения, свой долг,—заметил набожно Буаво.

— Разве долг заключается в том, чтобы отнимать у матери сына?

— Но ведь ваш сын был преступник; он поднял оружие против Версальского Собрания.

Глаза торговки сразу потеряли свой тусклый свет и заблестели.

---

[1]) Место политической ссылки, куда были заточены коммунары.

— Сударь,—сказала она с такой силой, какой нельзя было даже подозревать в этом старом измученном теле. Голос ее, похожий на хрипение, звучал теперь удивительно торжественно,— я не знаю, кто вы такой и что вы думаете. Я необразованная женщина, я—дочь, жена и мать простых рабочих, но я много думала во всю свою жизнь. С тех пор, как я лишилась моего сына Мишеля, я только и делаю, что думаю. Послушайте, мне остается немного жить. Люди вашего положения, может быть, могли бы кое-чему поучиться у нас.

— Мой отец,—продолжала старуха,—участвовал в великой революции. Он сохранил о ней воспоминания, которые постоянно воодушевляли его; когда он рассказывал о революции, лицо его начинало сиять. Я, как сейчас, помню его глаза: они тогда походили на два горячих угля. Я не смогла бы повторить вам того, что он говорил, но это волновало меня, я очень хорошо чувствовала, что в то время делали много для бедного люда и уже не презирали его так, как это бывало ранее.

— Мой отец был честный человек, много работал, никогда не ходил в кабак, никогда не лгал. Он говорил только о том, что он видел.

Буаво хотел прервать старуху. Она остановила его жестом и продолжала:

— Еще много нужно было сделать после революции: бедняки потеряли часть того, что они получили; немало было всяких беспокойств; жить стало труднее. Мой отец и его друзья не раз говаривали между собой: «Ах, если бы вернулась республика!». Но их было немного таких, которые думали так; в то время, о котором я вам рассказываю,—это было более 50 лет тому назад,— большая часть рабочих еще мечтала о том человеке, который умер на острове св. Елены [1]). В 1830 году я была уже замужем,—у меня только что родился малютка Мишель, и я его кормила грудью. Меня охватила дрожь, когда я в первый раз услыхала, как на улице женщины произносили слово: баррикады. Мы жили тогда в предместье Темпль вместе с отцом; он и мой муж работали в одной и той же мастерской. Они вернулись с работы раньше чем обыкновенно и попросили поесть. Я никогда не забуду этого вечера: я спешила приготовить обед и, суетясь, взглядывала то на одного, то на другого. Они молчали. Мой муж не повертывал

[1]) Наполеон I.

головы в мою сторону, а я не смела их спрашивать. Они молча поели; затем отец встал и сказал мне: «Дочь, мужайся, мы идем биться за республику». Я ничего не отвечала, глаза мои были полны слез. Мой муж обнял меня и прижал к своей груди. В это время маленький Мишель закричал в колыбели, мой отец направился к нему, вынул его, поднял над своей головой, поцеловал в обе щечки и передал моему мужу, который после долгих поцелуев отдал малютку мне. Тогда отец сказал: «Идем!»—и они пошли. Я проплакала всю ночь, но в то же время и сознавала, что их долг, долг мужчин, поступать так, как они поступили. На другой день мой муж вернулся в сопровождении носилок, на которых лежало тело моего бедного отца, убитого на баррикадах в улице св. Дениса.

Старуха смолкла на несколько секунд, как бы погруженная в свои воспоминания.

— Это была,—начала она снова,—первая потеря, которую я понесла для общего дела. Увы, она была и не последняя! После 1830 года дела не улучшились. Республика не вернулась. Рабочие понесли поражение. В первые дни им говорили много прекрасных слов, а потом перестали о них и думать. Только богачи получили выгоду от революции. Мы с мужем жили кое-как, воспитывая нашего Мишеля и переживая часто длинные недели безработицы. Ах, эта безработица! Иметь незанятые руки, просить только работы и не находить ее,—вы не знаете, какие горькие мысли приходят в голову, когда у одних нет ничего, в то время как другие имеют все.

Таким образом мы дожили до 1848 года. В начале года мой муж и его друзья немного порадовались: республика была, наконец, объявлена. Но радость эта была очень коротка; после сражения в феврале нужно было снова браться за оружие в июне. Ни в первый, ни во второй раз мой муж не был ранен. Но после июньских дней, когда народ проиграл дело, всех восставших объявили преступниками. Преступник! Мой муж! Честнейший из мужей, весь самоотвержение! Разве это был вор, фальшивомонетчик, убийца?! Рисковать своей жизнью за то, что считаешь справедливым, подвергать нужде свою жену, ребенка, которых любишь безумно, с одною лишь целью, чтобы восторжествовало дело,—разве это значило быть преступником?! Ах, я совсем необразованная женщина, но я поняла тогда, что означало это слово в устах тех, кто произносил его. Его придумали для оправдания

той бойни, которую предприняли после победы. Я, я сама видела, как в монастыре св. Бенедикта расстреливали пленных и безоружных людей. Они падали мертвыми один за другим... У меня до сих пор еще это воспоминание вызывает ужас!

Буаво сделал отрицательный жест, как бы указывая, что все это неправда.

— Я видела это,—повторила громко старуха,—я знаю, потом отрицали эти подлые убийства и запрещали говорить о них; только мы одни вспоминали об этом. Моему мужу удалось скрыться от преследований. В продолжение двух месяцев я скрывала его и Мишеля. Мишель, впрочем, тогда не принимал участия в восстании: ему едва исполнилось 18 лет, и отец велел ему остаться со мною. Не без ропота покорился этому мой мальчик. Он любил все делать по-своему. Я скрывала того и другого. Их могли бы взять обоих; тогда не стеснялись и арестовывали первых попавшихся.

На следующий год Мишеля взяли в солдаты, и он отправился в Алжир, где пробыл около 4 лет. Это было хорошо, потому что, если бы он находился в Париже в 1851 году, его могли бы принудить стрелять в собственного отца. На третий день того памятного декабря был убит мой муж в улице Омер. Мы жили почти рядом, в улице Вольта. Накануне вечером пришли несколько друзей к нам; много толковали об объявлениях «Изменника»[1]), но пока не знали, что еще будет сделано; сильно сомневались в буржуазии. На следующий день мы услыхали залпы оружейных выстрелов. При первом шуме мой муж вышел на улицу. Спустя несколько минут, я вышла за ним. У торговца вином в улице Омер собралась целая компания таких же, как и я, жен рабочих, мужья которых ушли сражаться. Мы наблюдали через окна и после каждого залпа отправлялись подбирать мертвых и раненых. Я подняла троих, а четвертым был тот, с кем я прожила 24 года душа в душу! Он был мертв. Когда я, стоя на коленях, поднимала бледную, как полотно, голову моего мужа и, плача, стала целовать ее, в меня ударила пуля.

И старая женщина с презрительной простотой расстегнула кофту и показала под грудью широкое место, на котором тело казалось высушенным.

---

[1]) Наполеон III, захвативший власть 2 декабря 1851 г. и заменивший республику империей.

— Я упала рядом с моим мужем,—продолжала она:—и я не знаю, что произошло потом. Сознание ко мне вернулось спустя много дней. Я была вдова! У меня остался один Мишель. Он вскоре вернулся из армии. Бедное дитя любило меня за двоих. Мы жили с ним воспоминаниями о наших дорогих покойниках. Республики уже не было. Мишель только и думал обо мне... Никогда ни один сын не проявлял столько нежности к своей матери, как он ко мне!

Голос старухи стал ослабевать. Она снова замолчала, опустив глаза вниз.

Буаво притворно старался придать своему лицу выражение сожаления.

— Я скоро окончу,—продолжала после минутного молчания мать Мишеля, поднимая голову:—годы шли; он очень поздно женился; его жена умерла, дав жизнь маленькому существу, которое было моей радостью, моим счастьем, и которое, как я вам уже сказала, угасло за недостатком молока во время осады. Почему не я умерла вместо этой милой крошки!? Мой Мишель стрелял на укреплениях против пруссаков.

Однажды вечером, придя домой, он мне сказал:—«Мать, кажется, в Версале хотят сдаться на капитуляцию, но мы этого не хотим». Его лицо пылало; мне казалось, что я слышу его дедушку, участника первой революции.

В продолжение нескольких недель он заходил домой, чтобы только отдать мне свое жалованье, которое было нашим единственным источником пропитания.

Вы знаете, что было дальше. Когда все было кончено, он пришел ко мне бледный, растерзанный, худой. Четыре дня он скрывался в комнате, не выходя из нее. На пятый день пришли его арестовать—это было 3 июня 1871 г.

Вот наша жизнь, сударь. Теперь вы поймете, почему я не хочу вашей милостыни. Как бы мне худо ни было, но от вас, виновных в убийстве всех моих близких, я милостыни не хочу принять.

При этих словах торговка остановилась. Слышать все это для набожных ушей Буаво было слишком тяжело; он пробормотал два или три непонятных слова и оставил комнату.

Он отправился к г-же Вирман рассказать о своем посещении.

— Женщина, которой вы покровительствуете, просто сума-

сшедшая,—закончил свой рассказ Буаво. И жена банкира вскоре забыла про торговку в парке Монсо.

Три недели спустя г-жа Вирман обедала с Буаво и несколькими гостями. Гастон, ввиду малого числа приглашенных, сидел вместе за столом.

Когда за десертом подали сладкие трубочки с кремом, мальчик, пораженный их сходством с сахарными трубочками, которые продавала старая торговка, закричал:

— Знаешь, мама,—Самсон больше не приходит в парк Монсо. Я слышал, как полицейский рассказывал о ней Жервезе: Самсон не выходила из своей комнаты в продолжение двух дней: ее разыскивал полицейский. Когда он пришел к ней и отворил дверь, то нашел ее на полу, и доктор сказал, что у нее был припадок и что она умерла с голоду. Умереть с голоду, мама, это значит умереть, когда нечего есть?

Никто не ответил. Легкая дрожь передернула плечи Буаво. А Гастон с подвижностью, свойственной его возрасту, заговорил уже о другом.

— Еще немножечко крему, мама, можно?

В. Кириллов

Шествие

Гремит роковая труба,
Знамена тревожно шумят,
Таинственна даль, как судьба,
Но взоры отвагой горят.
Гремит роковая труба.
    Не счесть беззаветных бойцов.
    Проходит за взводами взвод.
    В них счастье грядущих веков,
    За ними восставший народ.
    Не счесть беззаветных бойцов.
Незримо шагают в рядах
И Разин, и гордый Спартак,
Погибшие в красных боях—
Француз-коммунар и поляк.
Незримо шагают в рядах.
    Их Дева-Свобода ведет
    На грозный, решительный бой,
    Их мир лучезарный зовет.
    На подвиг великий, святой
    Их Дева-Свобода ведет.

С. Обрадович

Расстрел

За то, что сед, а сердцем юный,
Что взор и грудь задымлены в огне труда,
За то, что верен был Коммуне,—
К расстрелу — без суда...
Их привели к подножию Монмартра...
Молчал Париж... Ружейная сверкала сталь
Вдали, затоптывая знамя марта...
Злорадно взвизгивал пьянеющий Версаль.
Короткий залп... Лишь с болью вздрогнул город,
Как раб под свист бича.
Старик, как все, спокойным гордым взором
Поник в лучах...
Под плетью ненависти Тьера,
Под лезвием наемного штыка-ножа,
Во взоре билась пламенная вера,
А в сердце гул Второго Мятежа...
Быть может, видел он, как песнь восстаний
На Интернациональный перепев
К нему идет приветом через грани
Московское РКП.

В. Александровский

Их знамя

В темени ночи безлунной,
Ночи с томительным сном,
Пламя Парижской Коммуны
Землю покрыло крылом.
Знало ли чуткое сердце
В грозный решительный час,—
Кровь стариков и младенцев
Знаменем будет для нас?
Знал ли в тот вечер весенний,
Пулей прибитый к стене,
Что его возглас последний
Будет столетья звенеть?

Взятое Русью зипунной,
Снова зажженное в мгле,
Знамя Парижской Коммуны
Вьется в Московском Кремле.

VIII

ПРИЛОЖЕНИЯ

Александр Гамбаров

Календарь Парижской Коммуны

1870.

Июль 19. Объявление Франко-Прусской войны Наполеоном III.

23. Первое воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих (Интернационала) к рабочим Европы по поводу Франко-Прусской войны.

Сентябрь 2. Капитуляция 83-тысячной французской армии под Седаном с императором во главе. Пленение Наполеона III в Вильгельмгёре.

4. Низложение династии Наполеона III. Начало буржуазной революции. Образование Правительства Национальной Обороны.

12. Второе воззвание Международного Товарищества Рабочих по поводу Франко-Прусской войны.

17. Тайное совещание депутата Национальной Обороны Фавра в Ферьере с Бисмарком об условиях заключения мира Франции с Германией

Октябрь 27. Сдача крепости Мец.

31. Провозглашение рабочей Коммуны в Марсели.

— Неудачное революционное восстание в Париже. Арест части правительства (инсуррекция 31 октября).

Ноябрь 4. Попытка провозглашения Коммуны в Лионе.

— Падение Коммуны в Марсели.

Декабрь 1. Неудачная вылазка при Шампиньи на Марне.

1871.

Январь 6. Появление революционных плакатов Центрального Комитета.

19. Поражение французов при Бюзенвале.

22. Неудачное революционное восстание в Париже (инсуррекция 22 января).

23. Закрытие всех республиканских клубов в Париже Правительством Национальной Обороны.

28. Капитуляция Парижа.

Февраль 8. Выборы в Национальное Собрание.

13. Открытие Национального Собрания в Бордо.

15. Декрет Национального Собрания о лишении жалованья национальных гвардейцев, не представивших удостоверения о невозможности найти себе заработок.
16. Общеделегатское собрание национальных гвардейцев.
27. Принятие позорных условий мира Национальным Собранием, продиктованных Германией.

Март 1. Вступление прусских войск в Париж. Занятие Елисейских полей.
3. Третье делегатское собрание и утверждение устава Федерации Национальной Гвардии.
— Постановление о перевыборах командного состава Национальной Гвардии.
— Воззвание министра внутренних дел Пикара к гражданам Парижа о подавлении „анонимного комитета“ (Федерац. Национ. Гвардии).
6. Образование Кордери.
9. Заочный приговор к смертной казни Бланки и Флуранса за участие в восстаниях 31 октября и 22 января, вынесенный Национальным Собранием.
10. По распоряжению военного губернатора Парижа закрыты пять наиболее республиканских газет.
11. Закрытие шести республиканских газет.
— Перенесение Национального Собрания из Бордо в Версаль.
— Декрет Национального Собрания об уплате в двухнедельный срок по всем векселям, просроченным с 13 августа 1870 г.
15. Возвращение Тьера в Париж.
— Заседание Федерального Совета Национальной Гвардии по поводу выяснения позиции к Версальскому Собранию.
— Заочное назначение Федеральным Советом 215 батальонов Гарибальди начальником Национальной Гвардии.
17. Арест Бланки Национальным Собранием во время пребывания его в провинции Ло.
18. Попытка Тьера разоружить Национальную Гвардию. Захват пушек на Монмартре.
— Бегство Тьера в Версаль с членами правительства.
— Назначение Люлье начальником Национальной Гвардии.
— Начало пролетарской революции в Париже.
19. Выступление мэров против Центрального Комитета с целью передачи власти Национальному Собранию.
— Декрет Тьера о высылке всех казенных денег в Версаль.
— Бегство последних министров из Парижа в Версаль.

20. Ходатайство Центрального Комитета перед Французским Банком о выдаче ему субсидии в размере одного миллиона франков.
— Переход „Journal Officiel“ в руки революционеров.
— Попытка отряда Национальной Гвардии занять форт Мон-Валерьен, оказавшийся накануне уже занятым версальцами.
21. Демонстрация „людей порядка“ против Центрального Комитета и выборов в Коммуну на площади Биржи.
22. Провозглашение Коммуны в Лионе.
— Приказ Центрального Комитета о зачислении всех оставшихся в Париже линейных солдат в ряды Национальной Гвардии.
— Первый срок назначения выборов в Коммуну.
— Вооруженная демонстрация „людей порядка“ на площади Оперы с целью вытеснить Штаб Центрального Комитета.
23. Отказ Версальского Правительства вотировать муниципальные выборы в Париже.
— Провозглашение Коммуны в Марсели.
24. Провозглашение Коммуны в Нарбонне.
— Провозглашение Коммуны в Сент-Эгьене.
— Провозглашение Коммуны в Тулузе.
— Падение Коммуны в Лионе.
— Передача военной власти и начальствования над Национальной Гвардией трем делегатам: Брюнели, Дювалю и Элу до прибытия в Париж Гарибальди.
26. Фактические выборы в Парижскую Коммуну.
— Падение Коммуны в Тулузе.
27. Падение Коммуны в Сент-Этьене.
28. Торжественное провозглашение Парижской Коммуны. Первое ее заседание.
— Первая прокламация Коммуны „к деревенскому люду“.
— Выход буржуазных членов из состава Коммуны.
29. Падение Коммуны в Нарбонне.
— Контр-циркуляр Коммуны, предписывающий всем чиновникам оставаться на своих местах и не исполнять распоряжений Версальского правительства.
— Декрет Коммуны об отсрочке квартирной платы.
— Декрет Коммуны об отмене конскрипции, откупной системы, несения воинской повинности.
— Декрет Коммуны об уничтожении обязательной военной службы и добровольческом характере Национальной Гвардии.

— Приказ ЦК о перевыборах командного состава Национальной Гвардии.
— Предложение члена Коммуны Груссе издать декрет о роспуске Версальского Собрания.
30. Первая прокламация Коммуны к „парижскому населению“.
— Бегство директора почт Рампона в Версаль, вопреки обещанию остаться на своем посту.
— Назначение в качестве делегата на почту депутата Коммуны Тейса, а в Банк — Бэле.

Апрель 1. Начало блокады Парижа версальцами.
— Отмена звания „главнокомандующего“ Национальной Гвардии.
— Постановление о дополнительных выборах в Коммуну вследствие ухода реакционных членов.
2. Декрет Коммуны о нормировке заработной платы.
— Назначение военным министром Клюзере.
3. Декрет об отделении церкви от государства и уничтожении бюджета на вероисповедания.
— Неудачная вылазка парижан.
— Привлечение к суду правительства Тьера за вооруженное нападение на Париж.
Самосуд версальцев над захваченным в плен Флурансом.
4. Падение Коммуны в Марсели.
— Расстрел версальцами военного делегата Коммуны, генерала Дюваля.
5. Конфискация контр-революционных газет в Париже.
— Постановление Коммуны о военных судах над контр-революционерами.
— Декрет Коммуны о заложниках.
6. Назначение генерала Мак-Магона главнокомандующим Версальской армией.
— Воззвание Коммуны к департаментам Франции.
— Публичное сожжение последней гильотины в Париже.
7. Введение обязательной воинской повинности в Национальной Гвардии для всех граждан от 19 до 40 лет.
— Захват версальцами переправы через Сену.
8. Заявление Тьера „миротворцам“, что с Парижем он не может вести никаких мирных переговоров.
— Приказ Клюзере о дисциплине в Национальной Гвардии.
8. Назначение Ярослава Домбровского вместо Бертере.
9. Первая бомбардировка Парижа версальцами, причинившая массу повреждений.

11. Учреждение „Военных Советов“ Национальной Гвардии. Воззвание к парижским гражданам.
12. Занятие федералистами укреплений Нейи.
— Предписание Коммуны об открытии всех музеев и картинных галлерей для широкой публики.
— Постановление о разрушении Вандомской колонны с изображением Наполеона I.
13. Принятие устава „коммунальной федерации художников“.
15. Собрание в Женеве местной секции Интернационала, выработавшей сочувственный адрес Парижской Коммуне.
— Закон о сроках платежей.
16. Учреждение „военных судов“.
— Учреждение „Генерального Контроля“.
— Собрание анкетной комиссии из представителей рабочих союзов.
— Декрет о передаче брошенных мастерских рабочим организациям.
— Дополнительные выборы в Коммуну.
— Декрет Комиссии Общественной Безопасности об уничтожении нищенства в Париже.
— Бой под Аньером. Предложение ЦК отрешить от должности военного министра Клюзере.
17. Захват версальцами замка Бекона и эвакуация Аньера.
— Постановление Коммуны о реорганизации высшей школы.
18. Закон о мораториуме.
19. Окончательная редакция декларации Коммуны к „Французскому народу“.
20. Отмена ночной работы в хлебопекарнях.
— Предложение Делеклюза о „радикальной реорганизации исполнительных органов Коммуны“. Образование девяти комиссий.
— Занятие версальцами всего берега Сены.
21. Начало массовых обысков оружия у военной части населения.
22. Учреждение Трибунала по политическим делам.
23. Образование Комиссии по профессиональному образованию.
— Назначение Френкеля делегатом интернациональной комиссии труда, промышленности и обмена.
— Прекращение переговоров об обмене Бланки на видных заложников в Париже.
24. Реквизиция пустующих квартир.
— Назначение Рауля Сиго прокурором Коммуны.

25. Задержка продуктов, направляемых из провинции в Париж со стороны Национального Собрания.
— Начало боя при Исси.
26. Декрет Коммуны об уничтожении системы штрафов.
— Захват версальцами укреплений при Исси и взятие предместья Мулино.
27 Декрет Коммуны об обязательном налоге на крупные предприятия.
28. Вторая прокламация к „сельскому рабочему".
— Предложение Жюля Мио „без фраз" приступить к созданию Комитета Общественного Спасения.
— Предложение Жоаннора конфисковать собственность железнодорожных компаний.
— Занятие версальцами кладбища и парка Исси.
29. Манифестация франк-массонов на фортах Парижа перед версальскими войсками в пользу мира.
30. Арест военного министра Клюзере.
— Уничтожение ссудных касс.
— Муниципальные выборы в городах Франции, давшие обратные результаты для Версальского Собрания.

Май 1. Назначение военным министром Росселя.
— Первое организованное выступление „меньшинства" Коммуны с протестом против создания „диктаторской власти".
— Организация Комитета Общественного Спасения.
— Занятие версальцами станции Клямарт после штыковой атаки.
— Приказ о борьбе с дезертирством.
3. Задержка груженых судов, направляемых с провиантом в Париж.
— Занятие версальцами Мулен-Саке, где были перебиты сонные федералисты.
5. Разрушение часовни, построенной „во искупление казни Людовика XVI".
7. Закрытие 12 контр революционных газет.
— Первый народный концерт в Тюльери для вдов и сирот.
8. Установление регламента для заседаний Коммуны.
9. Падение Исси.
— Постановление Коммуны об аресте военного делегата Росселя, — Россель бежал.
— Назначение военным министром Делеклюза.
— Переизбрание Комитета Общественного Спасения.

10. Принятие предложения об издании первого сборника декретов и распоряжений Коммуны.
— Открытие первой Биржи Труда.
11. Временное занятие форта Ванва отрядом Врублевского.
12. Реорганизация „Палаты гражданского суда".
— Уничтожение версальцами канонерки „Estok".
— Очистка федералистами форта Ванв.
15. Приказ об обязательном ношении при себе удостоверений личности (Cartes d'indentité).
— Обращение Коммуны к „Великим Городам".
— Предложение назначить очередной конгресс Интернационала в Париже.
— Разрушение дома Тьера и реквизиция его имущества.
— Замена военной комиссии Коммуны военной делегацией Центрального Комитета.
16. Разрушение Вандомской Колонны с изображением Наполеона I.
— Уход 22 членов „меньшинства" из состава Коммуны.
17. Закрытие 10 реакционных газет.
— Взрыв оружейной фабрики на улице Ротта, совершенный версальцами.
— Постановление о расстреле десяти заложников, как репрессивной меры против расстрела версальцами.
20. Передача театров в ведомство просвещения.
— Постановление о системе референдумов со стороны рабочих коллективов.
— Приказ Комитета Общественного Спасения о предании суду лиц, вербующих в Париже сторонников Тьера.
21. Предложение Амуру—закрыть все газеты в Париже на время войны за исключением „Официального Журнала".
Декрет Коммуны о передаче театров „артистическим ассоциациям".
— Прорыв в Сен-Клю. Вступление версальцев в Париж.
— Бегство Бильоре из Комитета Общественного Спасения.
22. Соглашение Версальского правительства с немецким командованием о занятии нейтральной зоны.
— Комиссия по организации женских школ.
— Прокламация военного министра Делеклюза о роспуске армии и ведении баррикадной войны.
— Ночная постройка баррикад в Париже (586 баррикад).

23. Проход версальцев через нейтральную зону с целью занять Монмартр и ударить с тыла.
— Взятие версальцами высот Монмартра.
— Ожесточенные бои на улицах Парижа.
— Расстрел 4 заложников по приказу Риго.
— Начало пожаров в Париже.
24. Эвакуация Ратуши, где заседала Коммуна.
— Версальцами расстрелян Риго, комиссар Коммуны.
— Самоубийство Домбровского.
— Последний номер „Journal Officiel".
25. Взятие версальцами площади Бастилии.
— Смерть военного делегата Делеклюза.
26. Занятие версальцами Сент-Антуанского предместья и Шапеля.
27. Сражение на высотах Шамона и Бельвиля.
28. Падение последней баррикады. Конец Парижской Коммуны.

Июнь 7. Арест скрывавшегося Росселя.
17. Учреждение „Комиссии помилования".

Ноябрь 28. Казнь 15 членов Парижской Коммуны.

Александр Гамбаров

Библиография о Парижской Коммуне

Литература о Парижской Коммуне слишком обширна. Но неподготовленному читателю довольно трудно разобраться во всем историческом материале. Зачастую приходится обращаться к первой попавшейся книге, которая оказывается или не по плечу начинающему читателю или излагает факты в неправильном освещении. А, между тем, для такого читателя необходимо с самого начала наметить кратчайший путь его правильного ознакомления с историей первой пролетарской революции 1871 года. Задача настоящей работы—дать читателю ключ для постепенного ознакомления с историей Парижской Коммуны. Поэтому весь материал по истории Коммуны расположен по степени его трудности и научно-марксистского освещения. В первую голову входят наиболее важные труды, для которых даются краткие рецензии. Но из этих книг не все могут служить для первоначального ознакомления, читатель в дальнейшем может подойти уже к капитальным трудам, освещающим историю Парижской Коммуны с марксистской точки зрения. А потом уж подойти к трудам, дающим богатый фактический материал очевидцев Коммуны, как, например, Арну, Мишель, Лиссагарэ, где зачастую преобладает субъективная точка зрения. В дальнейшем можно уже использовать и остальной материал, несомненно заслуживающий внимания, так людей близко стоящих к рабочему движению, но не стоящих на марксистской точке зрения. В конце уже без рецензий прилагается весь остальной материал,—сначала отдельные работы по Парижской Коммуне, потом общие курсы истории, где можно будет найти отдельные главы о Парижской Коммуне, затем журнальные статьи, а потом уже беллетристика, драматические произведения и, наконец, библиография о Парижской Коммуне.

Небольшие брошюры для первоначального ознакомления

1. *М. Конколь.* П а р и ж с к а я К о м м у н а. 1871 г., Госизд., 1920 г. 20 стр.
Из брошюр—одна из удачных на русском языке. Автору удалось на 20 страницах дать «краткую историю восстания парижских рабочих». Событиям 18 марта и последующим 72 дням посвящены всего лишь последние 10 страниц, но они содержат все самое существенное и вызывают интерес всякого незнакомого с Парижской Коммуной читателя. Кроме того, дается краткая история рабочего движения во Франции до 1871 года, положения Франции при Наполеоне III, Франко-Прусской войны и гибели Второй Империи. Книга точно так же рекомендуется для первоначального ознакомления.

2. *А. Тюрлян.* П а р и ж с к а я К о м м у н а. 1871 г., перев. с французск. Гольденберга. Издат. П. С. Р., С. и К. Д. 1918 г., 70 стр.

Брошюру Тюрляна можно рекомендовать читателю, незнакомому с основными моментами французской истории, и в частности учащимся трудовой школы. Автор касается средневековой Коммуны и Коммуны эпохи второй французской революции, а также Правительства Национальной Обороны. В книге дано воззвание «К сельским рабочим», обычно мало упоминаемое в других брошюрах

3. *А. Тюменев.* Р е в о л ю ц и я и р а б о ч и й к л а с с в о Ф р а н ц и и (1789—1848—1871 г.г.). Издат. «Книга». 1919 г. 112 стр.

На немногих страницах автором дан сжатый очерк революции, носящий вполне выраженный пролетарский характер. Этим брошюра Тюменева заслуживает особенного внимания.

4. *С. Мендельсон.* Парижская Коммуна 18 марта. Ее происхождение и значение. Изд. ВЦИК С. Р., С. и К. Д. 1919 г., 79 стр.

Обстоятельная брошюра, анализирующая ряд вопросов, вызывавших и вызывающих наиболее серьезное разногласие среди участников и историков Коммуны, и если не всегда удовлетворительно решает их, то, во всяком случае, будит мысль, указывая на проблемы, о существовании которых читатель до того и не подозревал. Глубоко продуманы главы, в которых речь идет о силах и боевой готовности французских социалистов, о раздоре среди них, их ошибках и замешательстве, внесенном в их ряды Франко-Прусской войной и падением империи. О взаимоотношении между Ц. К-м. Национальной Гвардии и Коммуной, об ошибках, совершенных обеими революционными организациями, выясняя истинный характер Коммуны и причины ее поражения. Много внимания автор уделяет движению провинциальных Коммун, давая массу ценных и метких замечаний.

5. *Акты, документы и эпизоды «Кровавой недели»*, пред. Г. Зиновьева. изд. Коминтерна. Петр., 1920 г., 175 стр.

Сборник содержит декреты, постановления Коммуны, ее уполномоченных. ЦК Национальной Гвардии, Комитета Общественного Спасения, прокламации Версальского Правительства, воззвания мэров, депутатов Парижа, статью из парижск. «Journal Officiel», отчеты о заседаниях Коммуны, военные сообщения. В книге помещены 11 портретов героев Коммуны, 8 групповых портретов, 14 снимков, иллюстрирующих бои майской недели и гибель коммунаров.

Капитальные труды о Парижской Коммуне

6. *К. Маркс.* Гражданская война во Франции (1870—71 г.г.); с предисловием Ф. Энгельса, перевод с немецкого под редакцией Н. Ленина. Госизд., 1919 г., 72 стр.

Классическая работа о Парижской Коммуне и о событиях, предшествующих ей, как Франко-Прусская война. Небольшая брошюра, заключающая в себе три воззвания Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих (I Интернационал). Написанная в дни Парижской Коммуны, «Гражданская война» была прочтена Марксом через два дня после падения Коммуны (30 мая 1871 г.) членам Генерального Совета, а потом распространена и во Франции. В этой работе в нескольких словах Маркс гениально очертил историческое значение Парижской Коммуны; это было сделано «с такой четкостью и меткостью, какой не достигала вся последующая литература по этому вопросу» (предислов. Ф. Энгельса). И действительно, произведение Маркса не только служит до сих пор, как выразился однажды Ленин, «лучшим руководством в борьбе за небо», но является классическим и незаменимым трудом о Парижской Коммуне. Лишь освещение Коммуны, созданное Марксом, дает возможность понять основной характер революции 18 марта, разобраться в противоречивых подробностях и показаниях, сообщаемых участниками и историками Коммуны. Книга может быть рекомендована даже неподготовленному читателю.

7. *Л. Дюбрейль.* Коммуна 1871 года, перев. Н. Тютчева. Госизд. 1920 г., 272+XVI стр.

Книга написана в 1906 году, входит, как отдельная монография в серию «Социалистической истории Франции» под редакцией Ж. Жореса. Одна из интересных книг, ценных по богатству материала и оригинальной постановке вопроса. Прекрасно изложена историческая часть. Что касается выводов, то местами они необоснованы, как, например, утверждение автора, что Коммуна запоздала своим возникновением на полгода. Книга читается с интересом, так как написана социалистом. Пригодна для среднего читателя.

8. *И. Степанов.* Парижская Коммуна и вопросы тактики пролетарской революции. Издат. «Красная Новь», 1923 г., 292 стр.

Книга слабо освещает историческую часть событий Коммуны, но зато в

ней много места уделено выяснению ошибок, отдельных промахов и изъянов, неразрывно связанных с экономическим строем тогдашнего Парижа и Франции. Дается сравнение Парижской Коммуны с Российской пролетарской революцией. В последнем издании дана масса иллюстраций и портретов вождей Коммуны.

9. *Н. Лукин. (Н. Антонов).* Парижская Коммуна 1871 года. Госизд., 1922 г., 408 стр.

Единственная глубокая и серьезная книга о Парижской Коммуне, в которой автором дано правильное марксистское освещение как экономического строя и событий, предшествующих Коммуне, так и самой Коммуны. Это капитальный труд, в котором автор использовал все находящиеся в его распоряжении материалы, имеющиеся в библиотеке Социалистической Академии, а также и те первоисточники, которые имеются в России. Можно решительно сказать, что это—единственная марксистская работа о Парижской Коммуне не только у нас в России, но и во всей западно-европейской литературе. К ней неизбежно должен будет обратиться всякий серьезный читатель, который хочет углубить и расширить свое понимание первой пролетарской революции. Книга предназначается как для лиц, специально занимающихся историей Парижской Коммуны, так и для лекторов партийных школ, пропагандистов и агитаторов.

10. *П. Лавров.* Парижская Коммуна 18 марта 1871 г. Изд. «Колос». 231 ст.

Книга Лаврова, современника Парижской Коммуны, написанная в 1879 году,—представляет исключительный интерес. Главной задачей Лаврова являлось извлечь практические выводы из того, что дает недолгая история Парижской Коммуны. Понятно, что он внимательно анализировал деятельность Парижской Коммуны, выяснял степень подготовленности ее членов, вскрывая их ошибки и причины падения Коммуны. Несмотря на народничество самого Лаврова, в книге высказан целый ряд соображений о тактике, которой следует придерживаться победоносному пролетариату. Чрезвычайно ценными являются главы, в которых изложена история французской секции Интернационала, кроме того, дается обзор социалистической печати в эпоху империи, благодаря чему книга Лаврова до сих пор не утратила своей ценности и остроты в выводах. Пригодна лишь для вполне подготовленного читателя.

11. *Н. Ленин.* Государство и Революция. Госизд. 1922 г., 78 стр.

Классическая работа о государстве, эта книга представляет исключительный интерес своими главами о Парижской Коммуне, где вождем пролетарской революции дается, на основании опыта Парижской Коммуны, учение о государстве с точки зрения тактики революционных завоеваний пролетариата. Заслуживает особого внимания та часть этой книги, где Ленин ссылается на слова Маркса, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей», а «сломать, разбить ее».

12. *Л. Троцкий.* Терроризм и коммунизм. Госизд. 1920 г., 178 стр.

Книга Троцкого представляет интерес своей главой «Парижская Коммуна и Советская Россия», где автор, полемизируя с социал-предателем Каутским, по поводу его книги с таким же названием, написанной для посрамления русских большевиков, дает яркое доказательство, что Советская Россия является прямым продолжателем Парижской Коммуны. Приводится масса параллельных мест между обеими историями пролетарских революций—1871 года и 1917 г.

Работы участников и очевидцев Парижской Коммуны

13. *В. Либкнехт.* 48-й год и Коммуна, перев. с немецк. Изд. С. Р. и К. Д. 1918 год, 87 стр.

В брошюре помещено несколько статей, имеющих отношение к Парижской Коммуне. Несколько страничек отведено статье, озаглавленной «Мартовский праздник», это—речь, произнесенная в гамбургском певческом рабочем фе-

рейне, в которой Либкнехт вкратце изложил историю мартовской революции в Германии и восстания 18 марта в Париже. Автор много останавливается на задачах германской социал-демократии, борьбе ее с Бисмарком, характеристике капиталистического строя и грядущей победе социализма.

14. *А. Арну.* Народная история Парижской Коммуны. Изд. П. С. Р. и К. Д. 1919 г., 294 стр.

Личные воспоминания одного из участников и членов Коммуны в виде исторического обзора. Арну, как прудонист, фанатический сторонник коммунализма и федерализма. Ввиду указанного пристрастного отношения к прудонизму, его труд нельзя признать пригодным для первоначального ознакомления с историей Коммуны. У неосведомленного читателя получится превратное представление о революции 18 марта, о ее деятелях и причинах поражения. Но тем не менее книгу Арну стоит рекомендовать,—она содержит много ценного материала, написана очевидцем и участником движения, много в ней интересных и верных замечаний. Читается с неослабеваемым вниманием, пригодна лишь как дополняющий материал.

15. *Л. Мишель.* Коммуна 1871 года. Изд. «Октябрь». 1923 г., 334 стр.

Это опять-таки, главным образом, личные переживания участницы движения Коммуны. Луиза Мишель—анархистка, хотя и является горячей сторонницей Коммуны. В книге много места уделено женщинам Коммуны, даются личные переживания ссылки в Новую Каледонию, прилагается ряд документов и прокламаций. Книга читается с большим вниманием. В этом издании находится ряд иллюстраций.

16. *Э. Лиссагарэ.* История Коммуны 1871 г. Изд. Глаголева, перев. Иванова, 442 стр.

Лиссагарэ—сам участник Коммуны, так сказать—рядовой боец ее, не занимавший никаких командных должностей и ответственных постов. Книга написана не только по его личным воспоминаниям, но и по материалам собранных документов. Однако, в обстоятельном рассказе, изобилующем многочисленными подробностями, читатель вряд ли может найти указание причин, вызвавших движение. В своем отношении к событиям Лиссагарэ старается быть нейтральным, но все же эта книга не может претендовать на исследование. Это скорее рассказ современника и участника, тщательно проверенный историческими документами. Другого от Лиссагарэ и нельзя ожидать. В книге масса материала. Написана живо и увлекательно.

Работы авторов, стоящих не на марксистской точке зрения

17. *П. Крапоткин.* Парижская Коммуна. Изд. «Хлеб и Воля» 1907 г.

Анархический характер идеологии автора дает право ему утверждать, что вся революция 1871 года была движением чисто анархическим. Коммуна погибла лишь только потому, что выбрала коммунальный совет, навязала себе власть, чего ни в коем случае не должна была делать. В этом ее ошибка, в этом и ее гибель. Будущие революции безусловно будут анархическими. Собственно об истории самой Коммуны Крапоткин говорит мало, или почти ничего не говорит, заполняя брошюру бездоказательными и совершенно абсурдными с точки зрения пролетарской идеологии рассуждениями анархиста.

18. *М. Бакунин.* Первый опыт социальной революции. Изд. «Равенство», 1906 г., 102 стр.

Являясь одним из деятельных участников I Интернационала, после глубоко разойдясь с Марксом, Бакунин сам принимал участие не в Парижской, а в Марсельской Коммуне. Точно так же, как и Крапоткин, он проводит анархическую точку зрения на пролетарское движение 1871 года.

19. *Н. Кареев.* Чем была Парижская Коммуна 1871 г. Изд. Партии Народ. Свободы. Петербург 1917 г., 16 стр.

В своей книге Кареев пытается доказать обратную Марксу точку зрения, что Коммуна не была правительством рабочего класса и что суть дела не в социализме ее. Написанная человеком, чуждым совершенно рабочему движению, книга Кареева никого не может убедить и ничего не может доказать, благодаря своему невежественному доктринерству. В книге даются ссылки о «нервной

неуравновешенности коммунаров, об истерическом психозе их». Для него Парижская Коммуна—результат «оскорбленного патриотизма, во имя угрожаемой республики, во имя элементарной справедливости». Подобная оценка Коммуны вряд ли может быть признана научно обоснованной в устах даже такого ученого, как Кареев.

20. *Ватсон.* Эпилог Франко-Прусской войны.

Первая появившаяся у нас в России книга о Коммуне, еще в 1876 году, несмотря на заявление автора и «ссылки на подлинные исторические документы», все же представляет вопиющее искажение истории Парижской Коммуны. Для Ватсона вся Парижская Коммуна,—результат различного рода интриг версальского двора и в конечном итоге не что иное, как «трагикомедия». Понятно, к такой книге вряд ли обратится читатель, да, к счастью, она и довольно редка среди наших книгохранилищ.

Мелкая литература о Парижской Коммуне

21. *Ардашев.* Возникновение Парижской Коммуны.
22. *Б. Бакст.* Парижская Коммуна 1871 г. Изд. «Донск. Речь». 1906 г.
23. *Быстрянский.* Очерки по истории Парижской Коммуны.
24. *Э. Вандервельде.* Революция 71 года и Парижская Коммуна. «Сев. изд.». 1917 г., 15 стр.
25. *Ватин.* Что такое Коммуна? Изд. Петр. Совдепа. 1918 г.
26. *Ф. Волькенштейн.* Рабочее правительство—Коммуна. Изд. «Луч». 75 стр.
27. *К. Гамбон.* Ответ Версальскому Собранию. Изд. «Молот». 1905 г. 32 стр.
28. *Г. Геррон.* От революции к революции. Изд. «Пролет. Мысль», 1918 г. 24 стр.
29. *М. Донзель.* Парижская Коммуна. Изд. Мос. Просв. Комисс. 1918 г. 46 стр.
30. *Жефруа.* Жизнь и револ. деятельность Бланки. Изд. Глаголева. 1906 г. 315 стр.
31. *П. Ланжале и П. Корье.* История революции 18 марта. Изд. Нарсина. 322 стр.
32. *П. Лафарг.* Патриотизм буржуазии. Изд. Набат. 1905 г. 15 стр.
33. *Г. Молинари.* Красные клубы во время осады Парижа.
34. *А. И. Молок.* Народное просвещение во время Парижской Коммуны. Госизд. 1922 г. 54 стр.
35. *К. Оргиани.* Парижская Коммуна. Изд. Кроншт. орган. анархистов. 1918 год. 31 стр.
36. *Ф. Пиа.* Молитва республики. Изд. «Новая Жизнь». 1917 г. 13 стр.
37. *Пушкина.* Последние дни Парижской Коммуны. Изд. «Друз. Своб. и Поряд.». 1906 г.
38. *Верлен.* Речь перед судом исправит. полиц. Изд. «Луч». 1905 г. 14 стр.
39. *С. Русова.* Л. Мишель, защитн. прав французских рабочих. Изд. «Дон. Речь». 1906 г. 43 стр.
40. *Тезисы о Парижской Коммуне.* ЦК РКП 1921 г.
41. *В. Фриче.* Парижская Коммуна 18 марта. Госизд. 1921 г. 31 стр.
42. *В. Эрнест.* Парижская Коммуна. Изд. Мягкова. 1906 г. 56 стр.

Общие курсы истории с главами о Парижской Коммуне

43. *И. Бороздин.* Очерки по истории рабоч. движен. и рабочий вопрос во Франции. Изд. ВЦСПС. 1923 г. 104 стр.
44. *Ж. Вейль.* История социального движения во Франции (1852—1902 г.г.). 1906 г.
45. *Г. П. (Гергиевск.).* Очерк по истории Красн. гвардии. Изд. «Факел». 1919 г. 119 стр.

46. *Л. Грегуар.* История Франции в XIX в. Изд. Солдатенко. 1897 г.
47. *Гуго и Штегман.* Справочная книга социалиста. Изд. «Голос». 1906 г.
48. *Г. Иекк.* Интернационал. Изд. «Книга». 1918 г.
49. *Инсаров. (Раковский).* Современная Франция. Изд. «Знание». 1900 г.
50. *К. Каутский.* Общественные формы и пролетариат во Франции. Изд. Алексеевой.
51. *К. Каутский.* Очередные проблемы международ. социализма. Изд. «Орион». 1906 г.
52. *К. Каутский.* Республика и соц.-демократ. во Франции. Госизд. 1920 г.
53. *Н. Кареев.* История Западной Европы в новое время. Спб. 1909 г.
54. *Н. Кареев.* Политическая история Франции. XIX ст. Спб. 1902 г.
55. *П. Луи.* История социализма во Франции. Изд. «Гранат». 1906 г.
56. *Ф. Меринг.* К. Маркс, его жизнь и учение. Госизд. 1920 г.
57. *К. Пельтан.* История Франции с 1815 г. до наших дней. 1903 г.
58. *Петровский.* Капитализм и социализм. Госизд.
59. *Э. Пименова.* История Европы за последнее столетие. Изд. «Книга». 1918 год.
60. *В. Потемкин.* Падение второй импер. и гражд. война во Франции. М. 1917 г.
61. *Э. Реклю.* Человек и Земля. Изд. Брок. и Ефрон. 1908 г.
62. *Д. Рязанов.* Международная война и пролетариат. Госизд. 1919 г.
63. *Ш. Сеньобос.* История XIX в. Изд. «Наша Мысль».
64. *Ю. Стеклов.* Интернационал. Изд. Петр. Совдепа. 1918 г.
65. *Н. Страхов.* Борьба с западом в нашей литературе. Спб. 1882 г.
66. *А. Торсов.* История нашего столетия. Изд. Кульженко. 1899 г.
67. *Л. Троцкий.* Тридцать пять лет. (1871—1906 г. г.). Изд. «Молот». 1906 г.
68. *Ц. Фридлянд и А. Слуцкий.* Хрестоматия по истор. револ. движен. в запад. Европе XIX и XX ст. ст. Изд. «Красн. Новь». 1923 г.

Журнальные статьи о Парижской Коммуне

69. Белый террор палачей Коммуны. «Комм. Интернац.» № 10.
70. *П. Боборыкин.* На развалинах Парижа. «Отеч. Запис.». 1871 г. август—ноябрь.
71. Бр—з. Художник Курбе и Вандомская колонна. «Пламя». 1918 г. № 8.
72. *Вернер.* Из иностранной литературы. «Русск. Бог.». 1904 г.
73. Годовщина 18 марта. «Община». 1878 г. март—апрель.
74. *Вырубов.* Между двумя войнами. «Вест. Европы». 1914 г. № 1.
75. *Девердиани (Сан)* Парижск. Коммуна и Коммунист. Интерн. «Мысль». 1919 г. № 9.
76. *В. Лотов.* Закулисная история Парижской Коммуны. «Истор. Вест.». 1882 г. IX—XII.
77. *Р. Кан.* Воспоминание о Кровавой неделе. «Община». 1878 г. март—апрель.
78. *К. Каутский.* О Коммуне 1871 г. «Зерно». 1906 г. VIII.
79. *Д. Ковальский.* Рассказ русского очевидца о перв. днях Коммуны. «Русск. Вес.». 1871 г.
80. *П. Кудрин.* Франц. Коммуна (по поводу вопроса о мелк. земск. единице). «Рус. Бог.» 1903 г.

81. *М. Мебель.* Парижск. Комм. в отраж. соврем. ей русск. печати. «Соврем.». 1922 год, I—II.
82. *К. Мендес.* 73 дня Коммуны. Отрыв. из дневн. «Русск. Мысль» 1918 г. I—VI.
83. *Э. Пименова.* Париж во время Коммуны. «Соврем. Мир». 1906. X.
84. *Э. Ролли.* Революция 18 марта. «Община» 1878 г. III—IV.
85. *В. Быстрянский.* Отец народничества о рабоч. револ. (о Лаврове). «Комм. Интер.». № 16.
86. *Н. Ленин.* Парижск. Коммуна и задачи демокр. диктат. «Пролет.». 1905 г. № 7.
87. *А. Рошфор.* Париж в 1871 году. «Совр. Мир». 1916 г. V—VI.
88. *В. Станишевский.* Парижская Коммуна в истор. и литерат. «Вест. Жизн.». 1919 г. 3—4.
89. *И. Степанов.* Парижск. Коммуна и русск. революц. «Комм. Интерн.». № 16.
90. *Ю. Стеклов.* Основная беда Парижск. Коммуны. «Комм. Интерн.». № 16.
91. *А. Шометт.* Мемуары прокурора Парижск. Коммуны. «Голос. Минув.». 1917 г. 11—12.

Беллетристика о Парижской Коммуне

92. *А. Арну.* Мертвецы Коммуны.
93. *Бульвер.* Парижане.
94. *Ж. Валлес.* Инсургент.
95. *Верлэн.* Исповедь.
96. *Гэзи.* Благотворительность.
97. *Бр. Гонкур.* Дневник.
98. *В. Гюго.* Ужасный год.
99. *Л. Декав.* Фленго.
100. *Э. Золя.* Разгром.
101. *Л. Клодель.* Мститель.
102. *Ф. Коппе.* Стихи.
103. *П. и В. Маргерит.* Коммуна.

Драматические произведения

104. *Белоусов.* На баррикадах (эпизод в одном акте на тему из Гюго).
105. *Бляхин.* Провозглашение Коммуны (драмат. этюд).
106. *Брониковский.* Великий год. 1871 (драма в трех актах).
107. *Плетнев-Декав.* Фленго (инсценировка).
108. *Плетнев-Кладель.* Мститель (инсценировка в одном акте).
109. *Славянинов.* Памяти коммунаров (многоактная инсценировка).
110. *Окунев.* Парижская Коммуна (инсценировка суда).

Библиография

111. Библиография Парижской Коммуны. Госизд. 1921 г.
112. *Н. Ш.* К 50-летию Парижской Коммуны.
113. Материалы для агитаторов.
114. *Беккер и Андреев.* Рецензии журн. «Книга и Револ.», 1921 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

IV. Опыт Коммуны

V. Парижская Коммуна и Советская Россия

VI Отдельные вопросы о Парижской Коммуне.

VII. Парижская Коммуна в художественной литературе.

VIII. Приложения

Перечень иллюстраций, помещенных в тексте.

Цена **2** руб.

